

В НОМЕРЕ:

Проза, поэзия

Аревшат Авакян. Из книги “Слово и цвет”. Стихи. Перевод К.Лазаревой	3
Карлос Егиазарян. Блуждающий осколок. Повесть. Перевод Д.Мирзоян	8
Светлана Соложенкина. Из стихов об Армении.....	84
Зульфа Оганян. Из глубины. Рассказ.....	87
Гурген Баренц. Пена. Стихи.....	99
Лилит Карапетян. Ключ. Свадьба. Рассказы. Перевод Е.Шуваевой-Петросян.....	105
Камилла. В тоске по людям. Стихи.....	109

Очерк, публицистика

Зорий Балаян. Кругосветка.....	112
Валерия Олюнина. Арбуз и дыня в коньяке. Путеводные звёзды Спендиарова.....	132
“У меня в руках армянский клубок...” Беседа Е.Шуваевой-Петросян с В.Олюниной.....	142

Критика

Грачик Мирзоян, Наталия Гончар. Вопреки фактам, наперекор логике. Азербайджанская версия истории национальной литературы в критическом рассмотрении.....	148
---	-----

АРЕВШАТ АВАКЯН

Из книги “Слово и цвет”

Перевела **КАРИНЭ ЛАЗАРЕВА**

КОРНИ ЛЮБВИ

Вена, пульс и ветка,
с которой свисают
плоды любви,
растут в объятьях вечности –
на краю бездны,
где корни жизни
извлекают нежность
из мечтательных глубин
сна и пробужденья женщины.

ВЫЯВЛЕНИЕ ГЕНА

Пытаюсь сделать видимым
диктуемое инстинктами,
унаследованное и продуманное мною
пытаюсь сделать
реальным и осязаемым.

Хочу очутиться в той среде,
где любят друг друга,
а не говорят
о любви.

ВСЕГО ЛИШЬ

Я шёл издалека,
из глубин миллионов лет
по ступеням тысячелетий,
взвалив на себя заботы веков,
с тоской десятилетий
шёл, чтобы подняться
на седьмой этаж рая,
чтобы в женских объятых твоих
испытать блаженство бессмертья
за несколько мгновений.

ВСЕ ЖДУТ

Женщина дома
ждёт мужа,
муж на улице
ждёт чужую жену.
Гора ждёт
приближения облака,
жаждущее поле – дождя,
одуванчик – ветра,
чужая жена – автобус,
остановка – пассажиров,
каждый из пассажиров –
ожидаемое им.

Беременная женщина ждёт
материнства,

старое кладбище –
нового умершего,
мельница – ветра,
дверь – отворяющего, дорога – путников,
мысль – озаренья,
задача – решенья.
Все ждут –
счастливого случая, неприятного сюрприза,
весёлых и грустных вестей, хороших и плохих людей,
рана – закрытия,
занавес – открытия,
почтовый ящик – письма,
письмо – адресата.

Все не ожидая ждут
того грустного дня,
когда все ожиданья
исчерпываются,
когда жизнь встречает
ждущего её.

ЛЮБИТЬ

Если хочешь знать правду,
в мире существует два смысла,
две цели,
два направления,
два стремления –
любить и не любить.

Любовь,
что объединяет два сердца,
две цели,
два направления,

два стремления –
имеет один смысл.

Нелюбовь, что разделяет
два сердца,
две цели,
два направления,
два стремления,
имеет другой смысл.

Если хочешь знать истинную правду,
когда в мире объединяются
все смыслы,
все цели,
все направления,
все устремления,
они имеют один девиз,
один символ –
любовь.

СПРАВЕДЛИВОЕ И НЕСПРАВЕДЛИВОЕ

Во всех уголках земного шара
вопросы добра и зла,
начала и конца
спутались, перемешались.
После каждого начала
следует его конец:
чёрное и белое,
справедливое и несправедливое
перемешиваются.

С каждого конца начинается
новая дорога

воскресения и жизни.
Вначале Божьего сына
угнетали на земле
и он ушёл на небо
дорогой спасения.
В конце Иуда остался на земле,
умер как сорняк
и неоднократно прорастал,
чтобы расстелиться по всей планете.

КАРЛОС ЕГИАЗАРЯН

Блуждающий осколок

Повесть*

ПЕРЕВЕЛА ДЖЕММА МИРЗОЯН

Воем раненого зверя огласила весть о войне просторы огромной империи под названием СССР. Зловещая ее тень накрыла и наш старый ереванский двор.

Взрывами артиллерийских снарядов отдавались в ушах обитателей нашего двора, сгрудившихся вокруг радиоприемника кладовщика Минаса, слова московского диктора.

– Люди, что случилось? – подала голос с веранды своего дома жена бухгалтера Сукиаса, но, не получив ответа, завопила с новой силой:

– Вы что, оглохли? – На сей раз в голосе ее слышалась тревога.

– Германия войну нам объявила! Война идет, война! – заверещала в отчаянии мать Бабкена, Србуи.

Бабкен, который до этого спокойно стоял рядом с матерью, опершись на свой деревянный меч, вдруг закричал, весело подпрыгивая и размахивая мечом:

– Ура, война началась, война!..

---

* Журнальный вариант.

– Уймись! – осадил мальчишку звонкой затрещиной мать. Бабкен отбросил в сторону меч и с окровавленным носом полпелся к дворовому крану.

Я же, еще более заядлый игрок в войну, чем Бабкен, только сейчас понял, что *эта* война далеко не та безвинная забава, которой мы так самозабвенно предавались, а кровь. Такая же красная-красная, что текла из носа Бабкена...

***

У нас в доме траур. Мои мать и бабушка плачут. Дед угрюмо скрючился на старенькой тахте и огрубелыми пальцами нервно перебирает четки. Отец, скрестив руки на груди, в глубоком раздумье вышагивает по комнате.

– Дом без хозяина – что очаг без огня, сынок, – упрасивает бабушка.

– Где это видано, чтоб единственный в семье кормилец ушел добровольцем на фронт! – сквозь всхлипывания бормочет мать.

– Другие тоже имеют семьи, – глухим голосом отзывается отец.

– Имеют, верно, но брони не имеют, – вступает дед.

– Моя кровь не краснее, чем у тех, у кого брони нет, – отрезает отец.

Вдруг на миг я представляю, что отец на фронте, получил ранение и из груди его течет кровь – такая же алая-алая, что текла из носа Бабкена... Заливаясь слезами, я с криком бросаюсь к нему и обхватываю его ноги.

– Ну будет тебе, будет, – успокаивает он меня, – мужчины не плачут.

– А ты не уезжай, чтобы я не плакал, – оправдываюсь я.

– Пожалей сыночка своего, не оставляй свою кровиночку сиротой, – обнимая отца, жалобно просит бабушка.

– Мама, дорогая, все уже решено... – Поцеловав ее, отец поспешно выходит из дома.

Вечером отец вернулся домой в офицерской форме. На красных петлицах его гимнастерки рубиновым блеском горели шпалы – воинские отличительные знаки.

– Ур-ра-а! Мой папа настоящий командир! – кричу я радостно и кидаюсь в отцовские объятия.

Отец, крепко прижав меня к груди, с улыбкой обращается к матери:

– Слыхала? Мой сын твердо уверен, что его отец – настоящий командир, а ты говоришь, что фронт не мое место.

Мать молча складывает отцовские вещи в серый чемодан.

– Обойдутся и без такого, как ты, “настоящего командира”, – всхлипывает бабушка.

Дед же, который не произнес за весь день ни слова, указывая на отцовскую форму, спрашивает:

– Чья?

– Российская, отец. А зачем это тебе?

– А затем, что горький ее запах запомнился мне аж с тысяча девятьсот пятнадцатого года. Никак не выветрится из носа...

Наутро горького этого запаха, устоявшегося в носу моего деда, уже не было: отец уехал еще ночью. Мать рассказала, как он, простившись со всеми, молча постоял у моего изголовья, долго смотрел на меня и, пересилив боль расставания, ушел...

После его отъезда никто из домашних так и не заснул. Мать, прижимая платок к лицу, свернулась на тахте, бабушка, опустившись на колени перед иконой Богородицы, тихо молилась. Дед, меривший веранду неверными шагами, вдруг остановился и сердито прикрикнул на женщин:

– Хватит плакать! Так недолго и беду накликаешь. Закончится война – вернется.

“Ну да, конечно, как закончится – вернется”, – мысленно соглашаюсь я с дедом и бегу во двор.

– Каре-е-н!.. – Это Овик, машет мне рукой с веранды их двухэтажного дома. В нашем дворе двухэтажные дома были только у бухгалтера Сукиаса и кладовщика Минаса. – Случилось что?

– Отец ушел на фронт...

– Чего же ты нос повесил, ведь это так здорово.

– А что в этом хорошего?

– Отец твой геройски погибнет, и ты станешь сыном героя...

– Я не хочу.

– Не хочешь быть сыном героя?

– Не хочу, чтоб мой отец погиб.

– Дело твое, – бросает он безразлично, затем добавляет: – А я бы хотел оказаться на твоём месте. Только жаль, моему отцу не разрешают уезжать на фронт...

– Кто это не разрешает? – удивляюсь я.

– Лично начальник железной дороги. Он сказал отцу: “Очень прошу, товарищ Торосян, не уезжай, не то все паровозы Еревана выйдут из строя...”

– Отец твой работает продавцом в продуктовом магазине, какие еще паровозы?

– Так это было раньше. Теперь он ремонтирует паровозы в железнодорожном депо. И броня у него имеется.

– У моего отца тоже была броня.

– А чего же он тогда уехал?

– Потому что его кровь не краснее крови не имеющих брони, – повторил я невольно, вспомнив отцовские слова.

– Хочешь, сыграю? – нарушает молчание Овик.

Киваю головой.

Он достает из-за пояса дудук и, зажмурив глаза, подносит к губам. Его тонкие и длинные пальцы легонько касаются круглых дырочек, и в воздухе разносится нежная волнующая мелодия.

– Ово джан, – подает голос от дворового крана жена кладовщика Минаса, – что-то у меня сегодня душа не на месте, сыграй погромче, может, полегчает...

Овик продолжает играть, и глаза его сжимаются все крепче, а широкий лоб перерезают морщинки.

Но вдруг печальный звук дудука оборвался – во двор, глухо урча, въехал военный грузовик. Из-под брезентового верха кузова ловко спрыгнули наземь двое солдат и по стойке “смирно” стали по обе стороны машины. И тотчас с неприятным скрипом медленно открылась дверца кабины. Из нее, демонстрируя хромовые сапоги, неспешно выбрался наружу полноватый коротышка в офицерской форме. Косо взглянув на нас, он строго приказал:

– А ну немедленно позовите управляющего вашим двором!

Однако звать того было незачем – управляющий Согомон Акопян, он же Сого, как всегда в нужное время оказался во дворе.

– Слушаю, – предстал он перед Коротышкой с размазанной по лицу подобострастной улыбкой.

Коротышка, испытующе обзрев его с головы до ног, принялся негромко отдавать распоряжения, сопровождая свои слова резкими жестами.

– Слушаюсь! – по-военному отдав честь, отчеканил Сого, и тотчас его визг вспорол царившую во дворе тишину: – Внимание, за-

конопослушные жители подконтрольного мне двора! Те, у кого имеются радиоприемники, немедленно должны сдать их уважаемому представителю нашей службы государственной безопасности...

И вот во дворе появился кладовщик Минас. Со счастливой улыбкой на лице он нес радиоприемник, высоко держа его, как свадебный пирог, над головой, и, подойдя к Коротышке, сказал:

– Вот... Да я не только любимый радиоприемник – жизнь свою отдам за нашу славную партию и за ее сталиного вождя товарища Сталина...

– Подхалим, болван! – бросил с брезгливостью сквозь зубы Коротышка. – Нашей славной партии и лично ее сталиному вождю не нужны ни твоя жалкая жизнь, ни твой вонючий радиоприемник. Мы собираем их, чтобы засевавшие в тылу идиоты вроде тебя слушали только советское радио, а не провокационные слухи и ложь, сочиненные врагом, понял?

Кладовщик Минас молча кивнул головой. Коротышка движением руки указал на кузов, куда следовало поместить приемник, а сам с демонстративной медлительностью открыл дверцу кабины, сел, и машина с оглушительным ревом сорвалась с места.

***

Два года уже как идет война. Я постоянно помню слова моего деда: “Хватит, так недолго и беду накликаешь. Кончится война – вернется...” Но война не кончается, и вместо возвращения ушедших на фронт приходят извещения об их гибели.

От отца нет вестей.

Мать работает в две смены. Бабушка все чаще опускается на колени перед иконой Богородицы. Нежное и мерное постукивание бузинок дедовых четок сменилось резкими, отрывистыми звуками.

Молодых мужчин у нас во дворе – по пальцам перечесть: кладовщик Минас, бухгалтер Сукиас, отец Овика и сын военкома города Курчавый Мурад. Вечерами, когда, собравшись у огромного тутового дерева, женщины нашего двора предавались воспоминаниям, скорбя по погибшим, жена кладовщика Минаса, ударяя себя по коленкам, вспоминала Арменака – сына сестры Минаса:

– Какой был парень!.. Красавец!.. Косая сажень в плечах.. Минас, отказывая нам, умудрился справиться ему новые ботинки. Но

только касатик наш не успел поносить их, не успел... После пришлось продать почти задаром на черном рынке зангибасарским грязным туркам.

А мои башмаки до того прохудились, что большой палец правой ноги вылезал наружу – совсем как черепашья голова, выглядывающая из панциря. Более весомой причины уваливать от школы трудно было выдумать.

– Ба, я в школу больше ходить не буду, – решительно заявил я как-то утром.

– Это еще почему?

– Башмаки износились...

– Обувь – дело исправимое, главное учеба.

– Главное не учеба, а фронт.

– Не морочь голову, – сердится бабушка.

Я достаю из портфеля серую свою тетрадку и, тыча пальцем в изображенные на обложке танки и самолеты, громко зачитываю лозунг: “Все для фронта!”.

– Будь они прокляты, те, кто придумали этот фронт, – так своеобразно реагирует на лозунг моя бабушка.

Мы, конечно, знали, что погибали не “придумавшие фронт”, а сражавшиеся на фронте близкие и родные наших соседей. Получившего похоронку навещали всем двором. Двери дома, куда пришла беда, оставались открытыми днем и ночью.

На этот раз черная весть открытыми оставила двери дома Варсеник. Погиб Ашот, ее единственный сын. В свое время Варсеник пришла невесткой в большой род своего суженого. От геноцида из всего рода спаслись только она и ее годовалый сын. Из своих заработков поденщицы Варсеник удалось отложить деньги и приобрести маленький дом у нас во дворе. Однако по прошествии лет бревна кровли прогнулись под тяжестью земляного перекрытия. Ашот принес бревна, чтоб обновить крышу. Не успел. Война помешала. Он сложил эти бревна у стены их домика, накрепко затянув их жестяными лентами.

С тех пор они стали не только излюбленным местом сборищ дворовой ребятни, но и свидетелями наших детских любовных излияний. Каждый из нас уже успел произвести заветное арифметическое действие, сложив начальные буквы своего и имени избранницы и получив в итоге результат под названием ЛЮБОВЬ. Доски

окончательно пришли в негодность под воздействием дождей и солнца, жары и холода. И когда время от времени хозяйке советовали продать их, она, боязливо перекрестившись, говорила:

– Свят, свят, о чем это вы? Да разве ж посмею я продать!.. Ни в жизнь! Ведь мой единственный принес их сюда своими руками... Солнышко мое, мечта у него была обустроить наше жилье... И если даже вдруг постигнет меня кара божья – умереть, не повидавшись с моим Ашотом, а досок на гроб не найдется, то и тогда не прикасайтесь к ним...

Однако ей суждено было дожить жизнь, так и не повидавшись с сыном, – чтобы окантовать черной лентой золоченую рамку его большой фотографии и запеть слабым, замирающим голосом:

Ах, судьба, судьба, жизнь черным-черна...

Светлый день угас, в чем моя вина?

Когда мы с бабушкой вышли из дома Варсеник, я спросил:

– Ба, разве судьба бывает разноцветной?

– Опять на тебя дурь нашла...

– Нет, ба, ведь и ты слышала, как тетя Варсеник пела о своей черного цвета судьбе.

– А что, скажешь, наша красного цвета? – сердито бросила бабушка и быстро вошла в дом.

А я подхожу с Бабкену, который чинит у дворового крана свой старый велосипед.

– А ты знаешь, что человеческие судьбы бывают разноцветными? – спрашиваю я без предисловий.

Бабкен пожимает плечами.

– Не понимаю, о чем это ты?

– А что тут не понимать? Хочу сказать, к примеру, что и у тебя судьба черная, как у меня.

– С чего это ты взял?

– Потому что и твой отец давно не пишет писем.

– А если напишет, цвет у моей судьбы поменяется?

– Не-е, – философствую я, – если цвет когда-то изменился, значит – все...

– Ну и к черту ее, судьбу, – досадует он. И, указывая на велосипед, продолжает: – Главное, что проклятый этот руль никак не выправится.

***

Утром, когда я собирался в школу, дед, взглянув на мои изношенные башмаки, сказал:

- Как ты в такой обуви в школу-то пойдешь?
- Эка важность, – ответил я, – учеба – вот что главное.
- Ну и кто же это тебя так просветил?

В ответ я указал на бабушку, молившуюся на коленях перед иконой Богоматери.

- Да что там учеба! Главное – это здоровье.
- Да как ты можешь ребенку такое говорить?! Отвадить от учебы надумал, умник? – прекратив молиться, рассердилась бабушка.
- А ты, Мгера дочь, своим курьим умом думаешь, что учеба для него важнее здоровья, что ли?
- Чем речи держать, лучше бы башмаки ему зашил...
- Послушай, ты, Мгерова дочь, – возмутился дед, – иглой и нитками, что имеются у нас, обуви не починишь.
- Чем целыми днями, сидя на лавочке, ворошить прошлое с сунцем Гло, отнес бы башмаки внука на починку к этому философу-пустобреху.

– Ты, как погляжу, совсем совесть потеряла – отправляешь меня к этому пустомеле. А он – дело в сторонку, наболтает с три короба, так изведет, что забудешь, за чем приходил...

– Та-а-к, значит, чтоб сыну Егиазара-ага не досаждали болтовней, быть его внуку необутым! – насмешливо сказала бабушка.

Дед достал из кармана потертый бумажник и протянул мне розоватую десятирублевку:

– Беги к Философу, пусть быстренько залатает тебе башмаки, чтоб в школу не опоздал.

Аккуратно сложив десятирублевку и поместив ее в карман, я направился к притулившейся у подножья Блур будке починщика обуви Фаноса – известного пустобреха по кличке Философ.

Люди, знавшие его, поговаривали, что в предвоенные времена он промышлял перепродажей муки на черном рынке, а с первых же дней войны надумал встать на костыли. Поначалу эта метаморфоза сделалась предметом повальных насмешек типа: “И на каком это фронте ранило тебя?”, “Не случилось ли чего с твоими мужскими достоинствами?..” В ответ Фанос, добродушно улыбаясь, говорил с подобающей истинному философу рассудительностью:

– Э, братец, в этом смысле песенка моя давно уже спета. Ты лучше скажи, какие вести есть от твоего сына, геройски сражающегося на фронте?

– Уже второй месяц, как нет вестей, – обезоруженно отвечал собеседник.

– Не горюй, – увещевал Фанос. – Очень скоро добрая весть, как добрый гость, постучится в твою дверь.

Вот такими своеобразными дипломатическими уловками Философ мало-помалу избавился от насмешек в свой адрес.

Пустобрех приветствовал меня еле заметным кивком головы. Иначе у него и не получилось бы: своими толстыми потрескавшимися губами он придерживал горсточку мелких гвоздей. Уверенными движениями отправлял он один за другим гвозди в подошву башмака, вбивая их сильным ударом молотка. Расставшись с последним гвоздем, он, надсадно кашлянув, обратился ко мне:

– С чем пришел, сынок?

– Почините мне быстренько обувь, опаздываю.

– И куда это мы так спешим, не в обиду будь спрошено?

– В школу.

– Будь спокоен, школа твоя никуда не убежит.

– Но...

– Что – но? – перебил меня Философ. – Давай мне свои башмаки, а сам устраивайся поудобней вон на том мягком стуле.

Я протянул ему бережно сложенную десятирублевку и пристроился на “мягком стуле”.

Он небрежно сунул деньги в гигантский карман своего брезентового фартука и, внимательно обследовав мои башмаки, сказал:

– От твоей обувки, братец, остались рожки да ножки. Но ничего, сейчас увидишь, как твой дядюшка Фанос возродит их к жизни. А как же, разве я позволю, чтобы сын моего друга на уроки опоздал? Да... так чей, бишь, ты сын будешь?

– Симона из Вана.

– Вай-вай! – даваясь сквозь кашель от смеха, воскликнул Философ. – Так ведь почти все обитатели Конда – ванцы, и каждого третьего из мужиков звать Симон. Как же мне теперь узнать, како-го из этих Симонов ты сын?

Подобная постановка вопроса задела мое самолюбие.

– Мой отец не из тех Симонов, кого ты знаешь. Он хоть и имел броню, но добровольцем ушел на фронт и теперь героически сражается против немецко-фашистских орд.

– Хвала ему и честь! Пускай сражается, а как же, – с деланным воодушевлением воскликнул Философ и смачно выругался: – Я мать этих самых немецко-фашистских ... ордов!

– Не ордов, а орд, – поправил я.

– Пусть так. Как бы там ни было, я своих слов обратно не возьму, – произнес он в сердцах и, потянувшись к металлической узорчатой табакерке, ловкими движениями пальцев скрутил папиросу.

– Дядюшка Фанос, я же опаздываю, – говорю ему с беспокойством.

– А вот это ты напрасно, сынок, – пуская клубы дыма, говорит он. – Школа – школой, а дело – делом. До сих пор еще ни одна торопыга-мать сына не рожала... Да-а, так я, стало быть, хочу спросить у сына моего брата Симона, который героически сражается с проклятыми этими немецко-фашистскими... гм-гм...

– Опаздываю! – перебив его, отчаянно вскричал я.

– Знаю я, знаю. Ты наберись терпения и выслушай своего дядюшку Фаноса. Черт, я уже и забыл, о чем говорил. Да, вспомнил, ты вот, к примеру, можешь мне сказать, чем отличается моя работа от работы врача?

– Не знаю, – отрезаю я.

– Я так и думал. Так вот, разуй свои уши и слушай, что скажет тебе твой дядюшка-философ. А скажу я тебе, что человек и ботинок очень похожи. – Вдруг лицо Философа перекошилось, и он начал мучительно чихать. Затем вытер обратной стороной фартука нос и мутным взглядом вопросительно уставился на меня. – Так о чем это я говорил с сыном моего брата Сирака, который героически сражается с фашистскими этими, ну... вещами...

– Во-первых, не с вещами, а с ордами. Во-вторых, не Сирак, а Симон, – поправил его я, раздельно выговаривая каждое слово.

– Пусть будет так, сынок, ты скажи только, о чем мы с тобой толковали?

– О том, что человек и башмак очень похожи...

– Молодец! Положим, ты и твой товарищ купили в одном и том же магазине одинаковые башмаки по одинаковой цене, ясно?

Я невольно киваю головой.

– Ну, если понятно, слушай дальше – о самом главном: твой товарищ свои башмаки носит бережно, а ты – нет. И потому его башмаки служат ему дольше, чем твои – тебе. В результате ты вынужденно несешь свои башмаки на починку к твоему дядюшке-философу, а твой товарищ – нет. Так бывает и в жизни. Твой товарищ следит за своим здоровьем, а ты – нет. Он живет здоровой жизнью, а ты часто болеешь и вынужден обращаться к врачу. Вот так-то, дорогой... Понял?

– Понял, но мне в школу надо, – недовольно пробурчал я.

– Не суетись ты, сынок, – спокойно увещевает Философ, сворачивая очередную папиросу. – Ни одна школа до сих пор еще не спасла человека от наказания быть человеком... На земле все люди, независимо от цвета кожи, глаз и вероисповедания, – суть слабые и беспомощные смертные существа. Разнятся же они только тем, что одни являются порождением мечты, другие – косности. Однако космические силы не по справедливости распределены между ними поровну... Но ты, сынок, не вздумай вдруг спросить: а почему это так? Не спрашивай, ибо никто до сих пор так и не попытался, кто же заронил семя человеческое на этой жалкой планете под названием Земля...

***

– Как погляжу я, учеба для тебя стала пустячным делом, – возмущается дядюшка Гукас, наш школьный сторож.

Молча я улыбаюсь ему. Доброго этого старика любят все. Даже директор школы Игнат Барсегович, крайне мрачный тип, зовет его дядюшка Гукас... До войны наш школьный сторож одинаково хорошо относился ко всем ученикам, но теперь он стал особенно внимательным к тем, у кого погибли отцы.

– Дядя Гукас, а долго до перемены? – спрашиваю я.

– Не очень, – пуская едкий дым самокрутки, свернутой из линейной газетной бумаги, отвечает он и затем сердито спрашивает: – Опоздал почему?

– Чинил ботинки у философа-пустобреха...

– Ха-ха-ха! – давится он от смеха и продолжает: – Тебе, брат, еще повезло – опоздал всего на час. Других он целыми днями мурыжит своей болтовней. Как сейчас помню, однажды...

Но дядюшка Гукас замолчал на полуслове – открылась дверь директорского кабинета, а я, чтоб скрыться, метнулся в сторону прилежавшего к школе сада. В углу у садовой решетки сгрудилась группа ребят. Двое из них, сидя на корточках, играли в кости. Еще издали я заприметил среди них моего одноклассника Вараза, сына продавца Амо. В классе его не любили. Он с показной наглостью унижал ребят, издевался над ними, сквернословил. Постоянно шарил по их портфелям и забирал приглянувшееся. Наиболее трусливые и слабовольные из ребят записывались к нему в “налогоплательщики”. И если “налогоплательщик” опаздывал с уплатой “налога”, Вараз удваивал его размер либо, желая наказать виновного, передавал “дело” на рассмотрение в воровскую инстанцию Блура, в суд кондовских* парней. Многие из них – мои ровесники – давно уже не посещали школу. Учеба казалась им делом унижительным, ибо они безоговорочно руководствовались, так сказать, воровскими законами. Парни с Блура терпели Вараза лишь потому, что им перепадала изрядная доля взимаемого им с одноклассников “налога” и денег из левых доходов его отца. В нашем классе всего несколько мятежных учеников не пожелали покориться Варазу. В их числе был и я. Однако не только этим объяснялось то неприязненное чувство, которое питал Вараз ко мне. Оно усугублялось из-за моей близости с Азатуи, девушкой, которая нравилась ему. Я же, невзирая на его неоднократные угрозы, продолжал с ней встречаться. Азатуи терпеть не могла Вараза и не скрывала этого. Хотя поводов для столкновений между нами возникало немало, но он не осмеливался бросить мне вызов, так как был шкурник и трус.

Еще издали я заметил, что Вараз, указав на меня, что-то сказал низкорослому, щуплому парню, получившему за свою наглость кличку Язва.

– Эй ты, школьник, – пренебрежительно произнес Язва, обращаясь ко мне, – поди-ка сюда!..

Я мог бы повернуться и уйти, сделав вид, что не услышал, но поступить подобным образом не позволило чувство собственного достоинства. Собрав в кулак все ресурсы своей смелости, я ответил:

– А зачем? Сам подойди, если надо!

---

* Конд – название одного из районов Еревана.

– Бегом аль как? – ухмыльнулся Язва.

– Как хочешь, – с вызовом ответил я.

Вараз что-то сказал ему, и они медленным шагом направились в мою сторону.

Я вперил свой полный презрения взгляд в злорадно поблескивающие глаза Вараза. Не выдержав, он опустил голову. Заметив это, Язва пнул портфель, что я держал в руке.

– Послушай, ты, школьник, чего вылутился на Вараза, как кот на мышшь? Если тебе есть что сказать – мне говори.

– Мне до тебя дела нет.

– А у меня есть, – сказал Язва и, грубо взяв меня за локоть, потащил в глубину сада.

– Отпусти руку, не убегу, – проговорил я.

– Ну и ну! Ты хочешь сказать, что не боишься?

– А почему я должен бояться?

– Слыхал? – обратился Язва к Варазу со злостью вперемешку с удивлением. – И откуда только у этого козла прыть взялась...

– Говорил же, что язык у него длинный, – ухмыльнулся Вараз.

– Укорочу мигом, – пригрозил Язва и, достав из кармана нож, приставил его острием к моему горлу. – А ну высунь язык!

Но вспыхнувшее во мне чувство негодования было настолько сильным, что я, пренебрегая явной опасностью, прошептал:

– Не боюсь я твоего ножа...

– Эй, братан, к чему тебе язык его отрезать? – вмешался Вараз.

– Лучше пусть пообещает, что впредь не будет иметь никаких дел с Азатуи.

– Даже если не буду, она все равно ненавидит тебя, – проговорил я

– Ах вот как! – состроил гримасу Вараз. – Можно подумать, я ночей не сплю из-за этой девки...

– Девка – сестра твоя, вот кто! – вскричал я и, сжав кулаки, бросился в ярости на Вараза.

Язва приложил пальцы ко рту и свистнул. В мгновение ока я оказался в кольце обитателей Блура... Толкая друг друга, они наперегонки принялись избивать меня... Когда я очнулся, вокруг не было ни души. Упершись о ствол ближайшего дерева, я кое-как поднялся на ноги. От нестерпимой боли ныло тело, голова кружилась. Крепко выругавшись и выплюнув горький комок спекшейся в

горле крови, я, прихрамывая, подошел к расположенному на аллее фонтанчику. Смочив платок, смыл сгустки крови с лица и разорванной рубашки. Хотя я и был беспощадно избит, но почему-то чувствовал себя победителем. Сквозь текущие по лицу соленые слезы я впервые ощутил вкус сиротства...

***

В тот день бабушка страшно обрадовалась, когда я, вернувшись из школы, не зашвырнул в сторону портфель и не побежал во двор играть в футбол, а, взяв бумагу и ручку, сел за стол.

– Долгих лет тебе жизни, сынок, – благословила она меня. – Сразу видно, что ты достойный сын своего умницы отца... Помнится, как придет домой – так сразу за уроки...

– Не мешай, ба, я стихи сочиняю...

– Прости Господи!.. Сейчас, когда кругом сумятица, голод, война, нам только стихов и не хватает...

Наутро следующего дня с песней о любви, посвященной стройной как тополь синеокой Азатуи, я отправился в школу. Увы, Азатуи осталась непосвященной, я не увидился с ней. Собравшихся во дворе учащихся дядюшка Гукас в школу не впускал.

– Что случилось, в чем дело? – раздавалось со всех сторон.

– Не знаю, – пожимал он плечами, – приказ директора. Придет – узнаете...

И вот на лестничной площадке появился Игнат Барсегович и коротким взмахом руки призвал всех к тишине. Его с хрипотцой голос резанул царившее вокруг молчание.

– Решением соответствующих органов впредь столичные школы будут однополыми... Наша школа предусмотрена для девочек. Так что мальчики – в сторону, девочки – проходите в школу!

Девочек пропустили в помещение, а нас, выстроив в ряд, повели в приозерную школу. Я слышал много дурного об этой школе, но то, чему я лично оказался свидетелем, было выше всякого воображения. Безобразиям, творимым учащимися, не было конца. Не меньшее разочарование вызывали и учителя. Так, потерявший на фронте левую ногу учитель физики Гарник Яхшибекян – по прозвищу Яхши – во время уроков курил не переставая и жутко, с присвистом, кашлял. Часто сам провоцировал кого-то из учеников, чтобы потом можно было придрататься к нему, обругать или уда-

ритель. Директор же делал вид, что ни о чем не ведает. Рассказывали, что на первых порах он сделал тому замечание: “Не забывайте, что теперь вы находитесь в школе, а не на фронте и ученики не ваши враги, а наши дети...” Говорят, в ответ Яхши в неистовстве набросился на него: “Заткнись, дезертир и шкурник! Не тебе указывать, где я нахожусь и кто мои враги. Моими врагами на фронте были фашисты, а здесь – трусы вроде тебя, которые по липовым броням попрятались в глубоком тылу...” Директор же не только не призвал его к ответу, но и прилюдно извинился перед ним.

Учительница армянского языка и литературы, вдова павшего фронтовика, страдала какой-то непонятной болезнью. Во всякое время года горло у нее было укутано серой шерстяной шалью. При разговоре голос у нее становился сильным, срывался, она задыхалась от кашля и потому проводить уроки поручала единственному в классе отличнику по прозвищу Гончо, которого мы почему-то не любили. На переменах, взяв в кольцо, мы тормозили его, ударяли, издевались над ним. Однако назло нам Гончо с удивительным терпением нес тяжкий крест единственного в классе отличника.

Шалости наши достигали кульминации на уроках молодой привлекательной учительницы немецкого языка – геноссе Джеммы. И не бывало случая, чтобы урок немецкого завершился без какого-либо несуразного эпизода. Так, однажды геноссе Джемма вызвала к доске Айкарама и сказала:

– Напиши на немецком “наш класс очень светлый”.

– Не буду, – сухо отрезал Айкарам.

– Почему? – удивилась она.

– Потому что немецкий – это язык фашистов...

– Немецкий, к счастью, создали не фашисты, – сказала геноссе Джемма и мягко добавила: – Давным-давно, задолго до фашистов, на этом замечательном языке говорили и творили личности мирового масштаба...

– Меня не интересует, что там творили твои эти... мирового масштаба, – презрительно фыркнул Айкарам.

– Если тебя это не интересует, то почему ты ходишь в школу? – мягко сказала она.

– Хорошо и делаю! – в ярости выкрикнул Айкарам. – И не заставляй меня учить язык фашистов, убивших моего отца.

Геноссе Джемма, всхлипнув, тихо подошла к окну, и мы увидели, как она, уткнувшись лицом в платок, заплакала.

С наступлением зимы число посещающих школу явно сокращалось. Многим приходилось вместо ушедших на фронт отцов и старших братьев брать на себя домашние заботы. Конечно, были и такие, кто без крайней на то необходимости пользовался этой “привилегией” своих одноклассников и не ходил на занятия. В их числе был и я.

Каждое утро, съев приготовленный бабушкой завтрак, я тайком вместо учебников и тетрадей засовывал в портфель коньки.

– Поторапливайся, сынок, не то опоздаешь, – обеспокоенно подгоняла меня бабушка.

– А зачем я должен опоздать? – деланно удивлялся я.

– Долгой жизни тебе, мой родной, – благословляла она меня и добавляла: – Ты точь-в-точь сын своего отца. И он не любил опаздывать. Помню, заболел он как-то, лежит в страшном жару, я и говорю ему: сынок...

– Ба, – перебиваю ее, – пошел я.

– Иди, мой касатик! Да бабушка жизнь свою за тебя отдаст...

А тем временем бабушкин касатик, весело посвистывая, направлялся в сторону самодельного катка, устроенного на привокзальной площади. И если бы тогда у меня спросили, что больше всего хочу я на этом свете, я бы не колеблясь ответил: кататься на коньках на привокзальной площади.

Однако получить сполна удовольствие от катания удавалось редко, поскольку вся территория катка находилась под бдительным контролем блурцев. Достаточно было появиться на льду “чужому”, как самозванные хозяева, точно разъяренные быки, завидевшие красную тряпку, со всех сторон устремлялись к своей жертве с готовностью растерзать ее.

Хотя мне и удалось преодолеть комплекс “чужака”, отчасти поступившись своей гордостью, но когда на катке не бывало никого из “чужих”, мишенью для нападений, естественно, становился я. К своей радости, в это утро на катке я не увидел ни одного блурца.

Полуприкрыв глаза, я в блаженстве скользил по льду, и в этот миг мне казалось, что я парю на крыльях, а не катаюсь на коньках.

– А ну гляньте-ка на этого козла – точь-в-точь распаренная лягушка с воткнутой в зад метлой! – резанул мне слух крикливый го-

лос Язвы. Свет померк вокруг, и я камнем упал с небес на самодельный каток на привокзальной площади. Язва был не один, с ним были Вараз и несколько блурцев.

– Видать, понравилась ему давешняя трепка, – сыронизировал Язва и обратился к одному из своих дружков: – Уважаемый доктор, сделайте, пожалуйста, этому больному маменькиному сыночку шмон по всем правилам, чтобы избавить его от лишнего веса...

“Доктор”, обезьяньими движениями обыскав мои карманы, сказал:

– Хоть карманы его пусты, однако в коньках он весит немало...

– Слышишь, ты, узнал диагноз? А ну живо снимай коньки! – толкнув меня, приказал Язва.

Небо словно обвалилось мне на голову.

– И не подумаю, сукин ты сын! – вскричал я в бешенстве.

– Наш больной туп и упрям, его необходимо срочно оперировать, – заключил “доктор”.

В результате “операции” я не только лишился коньков, но и получил хорошую взбучку.

Разочарованный в себе и в жизни, я съезжился на одной из скамеек в привокзальном скверике и горько заплакал.

– Почему ты плачешь, сынок? – спросил меня высокий и худой военный с бледным лицом, устремив на меня взгляд своих больших черных глаз.

Рассказывать незнакомцу о том, как я лишился коньков, было бессмысленно, поэтому я с ходу придумал:

– Волчок потерял...

– Волчок? – засмеялся военный. – И не стыдно плакать из-за волчка?

– Он был точеный...

– Пусть и точеный. Родители у тебя есть? – спросил он.

– Мать работает библиотекарем, а отец на фронте.

– На каком?

– На том, где сражаются с немецко-фашистскими захватчиками, – ответил я с нескрываемой гордостью.

Он добродушно улыбнулся и мягко сказал:

– Открой, пожалуйста, свой портфель.

Я невольно исполнил его просьбу.

Из зеленовато-желтого рюкзака он достал банку консервов и положил в мой портфель.

– Не надо, – прошептал я.

Он молча поцеловал меня в щеку и, неумело орудуя костылями, ушел.

Придя домой, я выложил консервы на обеденный стол и закричал:

– Ба, иди сюда, посмотри, что я принес!..

Вначале бабушка с восторгом глянула на банку, но уже спустя мгновение, ударяя себя по коленям, заверещала:

– Вай, чтоб я ослепла, откуда ты это стянул?

– Да не стянул я, отцом клянусь, мне это один военный дал, раненый...

– Вай, Карен, вай, ну ни капельки в отца не пошел... Помню как сейчас, в те окаянные дни, когда голодных, умирающих от истощения, нас гнали по берегу Евфрата, подъехал к нам всадник-араб и протянул кусок хлеба твоему отцу...

– Ба, – перебиваю ее, – проголодался я.

***

Тем временем все меньше народу собиралось перед нашими обветшалыми, в деревянных заплатах дворовыми воротами в ожидании старого почтальона. Когда же он появлялся, все молча топтались вокруг. Порадовав кого-то письмом, почтальон поднимал на манер пленного руки вверх, что означало: “Это все, что у меня было, сдаюсь, делайте со мной что хотите...”

Не получившие весточки не грустили особо: нет вестей, нет и похоронки...

– Вот бесстыжая! Не успела похоронку получить, а уже шляется, изменница... – судачили женщины во дворе.

“Изменницу” звали Гоар.

– А кобель этот тоже хорош – оставив свой дом и семью, чужие ворота стережет...

“Кобель”, который стерег чужие ворота, был шофер военкома города Мурад.

Однажды утром в нашем дворе разнесся отчаянный вопль жены Мурада:

– Покажись, сучка! Выйди, чтоб люди в лицо тебе плюнули.

Гоар, однако, не отозвалась.

– Да-да, пускай выйдет, – подначивала Овикаина мать, которую соседки за глаза называли павой.

– Не выйдет она, совестно ей, видите ли, – проговорила с усмешкой жена бухгалтера Сукиаса.

– Да будь у нее совесть, увела бы чужого мужика?

Старания Мурадовой жены дозваться Гоар пропали впустую.

– Давай зови Абгара, участкового, – посоветовала жена бухгалтера Сукиаса.

– А Абгара-то почему? – возразила Овикаина мать. – Пускай сама с ней расправится...

Свой способ расправы хотела придумать и жена кладовщика Минаса, но не успела. Во двор с оглушительным ревом въехал автомобиль военкома. Очевидно, кто-то дал знать Мураду о случившемся, иначе он не набросился бы так на жену. Увернувшись, та в ужасе кинулась в дом Минаса. Однако Мурад тигриным прыжком настиг жену и, схватив за длинные волосы, выволок ее наружу.

– Иди, иди сюда, твою мать! – ругался он в ярости. – Иди проводи меня на фронт! Да разве стоит ради такой, как ты, в тылу отсиживаться!.. Пойдем, проводишь меня, посмотрим, кто будет кормить эту прорву сирот, что остались от твоего погибшего брата!..

На следующее утро весь двор облетела весть о том, что Мурад, плюнув на жену и, главное, на броню, уехал на фронт. Через несколько дней Гоар продала квартиру и незаметно отчалила. Спустя время мишенью женских сплетен стали новые жильцы. Квартиру Гоар купила молодая супружеская пара.

– Эти новые соседи кажутся мне какими-то подозрительными, – высказалась первой Овикаина мать.

– Дольше меня проживешь, и я хотела сказать о том же, – откликнулась жена бухгалтера Сукиаса.

– Молодая семья называется! Целыми днями не видятся друг с другом. Муж утром уходит, жена – в обед, – сказала жена кладовщика Минаса.

– А где они работают? – спросила Овикаина мать.

– А черт их знает, – повела плечами жена бухгалтера Сукиаса.

Однако спустя время Овикаина мать, не прибегая к помощи черта, выяснила, что муж работает на стройке, а жена в пошивочной

мастерской. Гвоздем добытой информации было отсутствие брони у мужчины...

– А как же его оставили в тылу? – удивилась жена бухгалтера Сукиаса.

– Значит, он из “толстошеих”, – заключила жена кладовщика Минаса.

И мы, дворовая ребятня, сгрудившись перед верандой молодых супругов, дружно скандировала всякие глупости на предмет толстошеих, поощряемые улыбками старших, пока на веранде не появлялась молодая женщина.

– И не стыдно вам, дети? – боязливо говорила она вполголоса.

– Ха, поглядите-ка на нее, совестить вздумала детей! – тут же бросала вызов со своей веранды Овикаина мать.

Не приняв вызова, молодая женщина быстро входила в дом и бесшумно закрывала за собой дверь.

– Ишь ты, нос воротит, за людей нас не считает, кичится своим мужем хиляком! – с презрением бросала ей вслед Овикаина мать.

Однажды я спросил Овика, почему мы называем этого тощего и бледнолицего мужчину “толстошеим”.

– Так называют всех, кто отлынивает от фронта и окопался в тылу.

– Но твой отец и братья, кладовщик Минас и бухгалтер Сукиас тоже ведь отсиживаются в тылу.

– У них есть броня...

– Может, и у Толстой Шеи есть броня?

– Нет. Мать говорит, имей он броню, давно бы показал всем кузькину мать...

А однажды, когда супруга Толстой Шеи так и не показалась на наши выкрики, сын бухгалтера Сукиаса бросил камень в их окно. Заклеенные бинтами накрест стекла с глухим звоном посыпались вниз. Сразу же с лязгом открылась дверь, и жена Толстой Шеи выбежала наружу.

– Что вам, в конце концов, надо?!

– А ты что, не знаешь? – подбоченясь, перешла в наступление Овикаина мать. – У других мужья кровь проливают на фронте, а ты своего под подолом прячешь...

– Во всем дворе вы только моего больного мужа и увидели?

– Как же он на стройке работает, если болен? – ухмыльнулась жена бухгалтера Сукиаса.

– Кое-как...

– Вот и пусть едет на фронт сражаться... кое-как, – бросила ядовито жена кладовщика Минаса.

– Он не из тех здоровяков, кто сумел раздобыть взятками какие-то бумажки, именуемые броней, чтобы остаться в тылу, – скороговоркой выпалила жена Толстой Шеи и, хлопнув дверью, вошла в дом.

– Ах вот как? – угрожающе воскликнула Овикина мать. – Значит, пожалованную родным государством броню ты называешь “какой-то бумажкой”? Ну, погоди!..

На следующий день “ну, погоди” Овикиной матери в облике военного “виллиса” стало как вкопанное перед домом наших новых соседей. Спустя время из дома вышел сам хозяин в сопровождении военных с красными повязками на рукавах. Хотя обычно бледное его лицо покраснело от страха, но маленькие впавшие глаза блестели от ярости и презрения. Небольшое расстояние, отделявшее их дом от “виллиса”, он прошел таким горделивым шагом, что все невольно опустили глаза...

– Куда вы его, нелюди?! Да разве он удержит в руках оружие?.. – раздался вслед удалявшемуся “виллису” душераздирающий вопль его жены. Моя бабушка подошла к ней и сказала:

– Ничего, дочка, Господь, он все видит...

***

В моей жизни наступила полоса ночных бдений, о чем не догадывались ни вечно занятая моя мать, ни дед, ушедший с головой в заботы по дому. Эта вредная привычка – бодрствовать ночью с книжкой в руке – не прошла только мимо внимания моей бабушки.

– Побереги здоровье, сынок, ночь – она для того, чтобы спать, – обеспокоенно уговаривала она меня.

Однако я упорно продолжал читать в отведенное для сна ночное время. Спал я днем – в школе, на уроках. В результате успеваемость моя по всем предметам снизилась дальше некуда.

– Не появляйся больше в школе без родителей, – сказала строго наш классрук.

На следующее утро я, понурив голову, сказал бабушке:

– Классрук вызывает родителей.

– Вай, прости Господи! – всполошилась она. – Что ты там натворил, сынок?

– Ничего, – прикинулся я дурачком.

И вот моя бабушка с видом опытного дипломата стоит в центре нашей учительской и непринужденно беседует с моими учителями.

– Ваш внук, майрик, – говорит ей классрук, – очень способный, но большой лентяй и проказник.

– Э, дочка, – вздыхает бабушка. – Да как ему не быть способным, имея такого умного отца... А что он ленится и проказничает, так это у него от матери...

– А то, что спит на уроках, от кого? – подкальвает учитель физики.

– Это, сынок, из-за книг. Читает ночи напролет...

Учителя недоуменно переглядываются. Молчание нарушает учитель истории:

– Надо предупредить школьную библиотекаршу, чтоб она больше не выдавала Карену книг.

– Не имеет смысла, – безнадежно махнув рукой, говорит бабушка. – Его отец-книголюб оставил так много книг, что вывали их в море – высохнет оно.

– А как вам живется, майрик? – спрашивает учитель физкультуры.

– Ну, известное дело, сынок, – война, голод... Живем как все...

– Лучше продайте книги: и внуку будет нечего читать, и наладите вопрос с питанием...

На следующий день дед по просьбе бабушки сложил несколько десятков книг в огромный холщовый мешок и, с натугой подняв его, сказал мне:

– Пошли.

– А ребенка-то чего с собой берешь? – возразила бабушка.

– Последит за книгами, чтоб не украли.

– Скажешь, тоже! Кто в такие-то времена на книги позарится?!

– Для вора все одно – что книги, что фрукты, – философски ответил дед.

– Оденься потеплее, сынок, – сказала мне бабушка, заметив, что я дрожу.

Но дрожал я не от холода, и никакая одежда не согрела бы меня. Холодно было у меня на душе – ведь я навсегда расставался с книгами.

По дороге к рынку я попросил деда:

– Дед, давай возьмем адреса тех, кто купит наши книги.

– А это еще зачем?

– Чтоб выкупить их обратно, когда кончится война.

– Когда кончится война, нам нужны будут не книги, а продукты... Прибавь шагу, нелегко мне с мешком этим на спине.

Я ускорил шаг и непроизвольно спросил:

– Дед, а из-за чего люди воюют?

– Из-за хлеба и земли.

– Не хватает их, что ли?

– Хватает, но человек жаден...

– А ты тоже жадный?

– Не морочь голову! – отрезал дед.

На рынке он разложил книги на одном из пустых прилавков и стал громко выкрикивать: “Книги, хорошие книги продаю, подходите!..”

Однако ни хриплый голос деда, ни огромная груда книг никого, увы, не заинтересовали. Только почтенного вида какой-то старик в очках подошел к нам и вполголоса стал выговаривать:

– Человек божий, прояви хоть немного уважения к духовным ценностям. Не кричи так, не картошку продаешь...

– Убирайся! – бросил в сердцах дед. – Купил бы несколько книг, козь душа болит...

– Вандал! – бросил старик и неверными шагами пошел прочь.

– Дед, а что означает “вандал”? – обратился я к деду.

Бросив на меня угрюмый взгляд, дед стал поспешно закидывать книги в мешок.

– Вандал – это глупец вроде меня, который думает, что в голодные времена люди вместо хлеба книги будут покупать...

Радость моя была безгранична: дед, взвалив на спину полный чудес мир моих грез, возвращался домой.

Дома он, следуя бабушкиным уговорам, первым делом повесил замок на дверцу книжного шкафа.

– Ни одной книги не увидишь, пока не приготовишь уроки, – пригрозила бабушка, но, увидев, как я сник, постаралась подбодрить меня: – Не вешай носа, сынок, станешь постарше, будешь читать сколько душе угодно...

Но до взросления, видать, было далеко, о чем свидетельствовал деревянный столб, служивший опорой прогнувшейся крыше нашей веранды. Почти ежедневно я карандашом и линейкой делал на нем пометки, но, увы, я не рос. Как-то, после очередной проверки убедившись в отсутствии прогресса, я обратился к бабушке:

– Ба, а почему я не расту?

– Мужчина, сынок, растет, когда занимается физическим трудом.

Намек я понял и, выйдя во двор, направился туда, где дед копал землю для устройства бомбоубежища. Почва в этом месте была очень каменистой, и каждый раз, когда кирка с размаху вонзалась в землю, из груди деда вырывались какие-то непонятные звуки – не то стон, не то проклятье.

– Дед, а мы не можем обойтись без бомбоубежища?

Дед, прекратив работу, вытер пот со лба и сказал:

– Карен, без бомбоубежища могу прожить я, но не ты... Могу, потому что жизнь для меня уже не имеет значения...

– А если так, выходит, ты зря ешь хлеб? – невольно вырвалось у меня.

Изменившись в лице, он возмущенно сказал:

– Задай этот вопрос какому-нибудь тунейдцу, я же всю жизнь кормился только праведным своим трудом.

Чтобы загладить свою вину, я сменил тему разговора.

– Много тебе еще копать?

– Примерно в рост человека.

– Вот если бы у нас была землеройная машина, мы спустились бы к центру Земли и поплыли бы по морю...

– Море – под землей? – удивился он.

– Да, его обнаружил профессор Лиденброк.

– А кто он?

– Ты читал книгу Жюль Верна “Путешествие к центру Земли”?

– Нет, – буркнул он недовольно.

– Хочешь расскажу?

Он молча кивает головой и, опершись о кирку, вопросительно смотрит на меня. Я самозабвенно пересказываю ему вкратце содержание романа.

– Молодчина! – восклицает восхищенный дед и, вынув из кармана ключ от книжного шкафа, говорит: – На, возьми! Грех лишать тебя любимого занятия...

***

Мое стремление мысленно походить на героев прочитанных книг было неразумно. Это становилось очевидным на каждом шагу, когда я и дома, и во дворе, и в школе сталкивался с грубой реальностью. Конечно, временами по трезвому размышлению я убеждался, что единственная возможность найти “общий язык” с реальной действительностью – в умении приспосабливаться. Но в этом случае я должен был мириться с унижениями, которым незаслуженно подвергался со стороны пацанов Блур и учителя физики...

Как-то учитель физики на открытом уроке потребовал, чтоб каждый из нас рассказал свою биографию. Когда очередь дошла до меня, он с ухмылкой сказал:

– А ты, пташечка, спой нам, да по-честному, кто твои родители и как им удастся в эти тяжелые военные времена одевать тебя как английского лорда...

– Отец на фронте, мать работает в библиотеке, а мою одежду английского лорда шьет мне бабушка...

– Врешь, – сказал он, – что, твоя бабушка портниха парижского салона моды?

Класс взорвался смехом.

С этого дня наши взаимоотношения с учителем физики настолько испортились, что я возненавидел не только его, но и преподаваемый им предмет, а учебник физики обменял на волчок и четыре пера для ручки.

Однажды, когда я в очередной раз получил двойку по физике, он обратился к классу, указав на меня:

– Если кто-то из вас не представляет, что такое “торичеллиева пустота”, пусть взглянет на тыквообразный массив, называемый головой этого безмозглого создания...

На этот раз шутка учителя физики почему-то не вызвала у ребят смеха, и, наверное, поэтому я как-то легко проглотил обиду. Взяв портфель, я понуро вышел из класса и направился в сторону привокзального парка. Подавленный и беспомощный, я, чтобы хоть как-то утешиться, поклялся сквозь душившие меня слезы:

– Папа, клянусь тобой, что никогда больше в школу не пойду...

По соседству с привокзальным парком расположился “левый” рынок, который в народе называли “Карусель”. Милиционеры час-

то наведывались сюда с проверками. Стоило блюстителям порядка появиться на горизонте, как рынок в полном соответствии со своим названием начинал двигаться вокруг собственной оси – торговля шла в ритме кружения плотных рядов продавцов и покупателей безостановочно. “Карусель” был для меня не просто обычным рынком, а оригинальной театральной постановкой режиссера по имени Война...

– Кому воды, холодной родниковой воды!.. – выводит дрожащим голосом полуголый пацаненок, разносчик воды.

– Яхли-бухли, яхли-бухли из мяса куропатки, сюда пожалуйста, яхли-бухли, вку-у-сно – пальчики оближешь!.. – бойко, звучным голосом зазывалы расхваливает свои лепешки краснощекий продавец, мерно барабаня ножом и вилкой по огромной сковороде, источающей аппетитный жар.

– Хлебные карточки, “камандировишные” – есть у кого? – воровато озираясь по сторонам, спрашивает вполголоса неопределенного возраста вислоухий небритый тип в глубоко надвинутой на лоб обтрепанной кепке.

– Кремны прадам, зажигатели крэмны! – хриплым голосом, потряхивая стеклянным пузырьком, полным камней для зажигалки, выкрикивает щербатый одноглазый старик.

– Мыло, хозяйственное мыло! – сиповато, задыхаясь от кашля, верещит закутанная в старенькую черную шаль щуплая женщина.

В пестрой этой толпе, среди массы продавцов и покупателей шныряла с муравьиной поспешностью немытая, в лохмотьях, ребятня. “Карусель” кишмя кишела этими пацанами, которых называли “кусо”. Все они – независимо от национальности и прочего – волею providения стали похожими друг на друга... В дальнейшем почти все “кусо” пополняли армию так называемых блатных, совсем как пионеры и комсомольцы – ряды коммунистической партии. А пока они только “зарабатывали” свой насущный хлеб.

И вдруг над разношерстной толпой разнесся истошный вопль краснощекого продавца лепешек:

– Эй, люди, помогите!.. Держите вора!.. Сукин сын “кусо” унес мой яхли-бухли из куропаткового мяса...

Однако никто не отозвался на крики краснощекого, никто не попытался воспрепятствовать удиравшему “кусо”. Это так разъяри-

ло краснощекого, что, бросив сковороду с лепешками на произвол судьбы, он помчался вдогонку за мальчишкой. Тот еще толком не успел отведать горячей ароматной лепешки, когда мощный кулак краснощекого повалил его наземь. Мальчишка, сжавшись в комок, остался лежать неподвижно...

– Вай, вай, умер! – всплеснув руками, завопила женщина, продававшая хозяйственное мыло.

“Кусо” оказался в кольце зевак.

– Безбожники! Нелюди! – верещала, задыхаясь от кашля, продащица мыла. – Да откиньте же его лохмотья, поглядите, жив ли бедный сирота!

Точно в ответ на ее крики “кусо” по-черепашьи высунул из-под тряпья голову, с улыбкой поднялся на ноги и, не обращая внимания на кровь, текущую из носа, зажмурившись от удовольствия, разжевал и проглотил последний кусок украденной лепешки...

– Да не ослепни твоя мать, – слезливо пробормотала продащица мыла, утирая краем своей черной шали окровавленный нос “кусо”.

– Ты что, тетенька, подумала – я умер? – радостно спросил “кусо” и, не дожидаясь ответа, добавил: – Я себе спокойненько жевал, свернувшись в комок.

Кругом все расхохотались.

– Тьфу, твою мать, – ругнулся краснощекий. – А я перепугался, не подох ли ты...

Улыбаясь, “кусо” медленно покинул территорию “Карусели”, оперся о решетку сада, чтобы приостановить текущую из носа кровь. Я подошел к нему и спросил сочувственно:

– Болит?

– А тебе что? – сухо бросил он в ответ, но, заметив мою растерянность, добавил примирительно: – Ну, скажем, болит. Что ты можешь сделать, не врач ведь...

– Не врач, но бабушка учила меня, как приостанавливать кровь. Откинь голову и плотно прижми большой и указательный пальцы к переносице...

Он последовал моему совету, затем спросил гнусаво:

– А с тобой бывало такое?

– Много раз.

– Били тебя?

– Да.

– Ты сирота вроде меня, что ли?

– Отец на фронте...

Внимательно осмотрев меня с ног до головы, он удивленно спросил:

– А кто это тебя так хорошо одевает?

– Моя бабушка.

– Гм, – буркнул он, – а у меня нет ни отца, ни матери, ни бабушки... Отец погиб два года назад, мать умерла этой весной. Тетка моя – сестра матери, жившая в деревне, продала наш городской дом и увезла меня к себе. У нее были свои дети – мальчик и девочка. Но пришла похоронка на ее мужа, и она сразу слегла, недели не протянула... Председатель сельсовета распорядился меня и детей моей тетки привезти в город и определить в детдом. В первое время теткин дети все хныкали, плакали, а потом попривыкли, а я вот нет. Удрал...

– Почему?

– Чтобы быть свободным и чтоб мне никто ничего не указывал...

Весь он, с откинутой назад головой, с пальцами, прижатými к переносице, и с гнусавым от этого голосом, выглядел до того комично, что я невольно прыснул.

– Чего смеешься?

– Когда ты говоришь, рот у тебя раскрывается и закрывается как у рыбы, выброшенной на берег.

Он убрал руку от лица и, убедившись, что крови нет, обнял меня и радостно воскликнул:

– А бабушка твоя и вправду настоящий врач!.. – потом, вдруг изменившись в лице, отпрянул от меня: – А тебе не противно от моей грязной одежды?..

– А что, у тебя есть другая, а ты ее не носишь? – сказал я искренне.

Его большие и чистые глаза вдруг заблестели.

– Как твое имя?

– Карен. А твое?

– Которое – “кусочное” или настоящее?

– Настоящее.

– Гагик.

– Завидую я тебе, Гагик.

– Чему? – удивился он.

– Что тебе не надо ни уроков делать, ни в школу ходить. Идешь куда вздумается, делаешь что хочешь...

– А ты ходишь в школу?

– Ходил, но поклялся, что больше не буду.

– Почему?

– Потому что и пацаны с Блура меня поколачивают, и учитель физики взъелся на меня.

– А что ты им сделал?

– Ничегошеньки. Учитель физики не любит меня, а блурских пацанов подначивает Вараз, сын продавца Амо.

– Можешь ты показать мне эту мразь, ну, сынка продавца Амо? А физик ваш – женщина или мужчина?

– Мужчина, но инвалид. Нogu потерял на фронте.

– Ого, дело дрянь, – сказал он, – такого грех обижать...

– А тебя никто и не просил.

– Да мне самому хочется.

– Гагик, давай дружить, – искренно предложил я ему.

– Этому не бывать, – возразил он, – я бездомный беспризорник, “кусо”, а ты...

– Это не имеет никакого значения. Если не веришь, пойдём к нам домой, я познакомлю тебя с нашими...

– Нет, Карен джан, нет, ваши рассердятся на тебя, дескать, нашел с кем дружить...

Однако после долгих уговоров он согласился.

Несмотря на то что на дворе была осень, дед перед нашей врандой рубил дрова на зиму.

– Здравствуй, дед, – звонким голосом приветствовал я его.

– Здравствуй, – ответил он, затем спросил: – Чего ты такой веселый, пятерку, что ли, получил?

– Никакой пятерки я не получал, Гагик, товарищ мой, пришел к нам в гости.

– Добро пожаловать, – сказал дед.

– Слыхал?.. – по-дружески подтолкнув Гагика, прошептал я. – А сейчас пойдём познакомлю тебя с моей бабушкой.

Вопреки моим ожиданиям бабушка встретила Гагика с явным недовольством.

– О, господи! Это еще кто?

– Мой новый друг, Гагик.

– Пусть ослепнут глаза матери твоего нового друга! Да кто ж так смотрит за своим дитем! – возмутилась она.

– Ба, у Гагика нет родителей. Отец погиб на фронте, а мать умерла.

– Пропади они пропадом все, кто придумал этот фронт! – всплеснув руками, прокляла бабушка.

– Ба, – тяну ее за полу, – мы голодные.

– Еще бы! Кругом, как в пятнадцатом году, полно голых и голодных сирот... – Вздыхая и концом головного платка утирая слезы, она отправилась на кухню.

– Садись, – сказал я, подведя Гагика к столу.

– Нет, – возразил он.

– Почему?

– Потому что хлеб нынче выдают по карточкам, – прошептал он, – и кто-то из вас останется голодным.

– Ба, Гагик отказывается садиться с нами за стол, – крикнул я бабушке, – говорит, что хлеб нынче по карточкам дают, кусок в горло ему не полезет.

Бабушка вышла из кухни, подошла к Гагику, ласково погладила его по голове, усадила за стол и растроганно проговорила:

– Видать, и твой светлой памяти отец, как и мой единственный, был человеком честным, порядочным, не то с чего бы ты вспомнил о хлебных карточках в это голодное время...

Когда мы кончили обедать, Гагик шепнул мне:

– Завидую тебе: у тебя есть и мать, и бабушка, и дедушка...

Тем временем бабушка на веранде налила в корыто теплую мыльную воду и позвала Гагика:

– Давай, сынок, скидывай с себя эти тряпки, я сожгу их, чтобы всякие там насекомые не повывлезали наружу. А ты быстренько залезай в воду да помойся.

– Нет-нет, – возразил Гагик, – во что же я оденусь после?

– Не бери в голову! – улыбнулась бабушка. – У твоего друга много этого добра.

– Что правда, то правда, – подтвердил я. – А теперь, ба, ты выйди, чтобы Гагик разделся.

Гагик поспешно снял одежду, погрузился по горло в мыльную пену и, в блаженстве зажмурив глаза, прошептал:

– Здорово-то как...

А когда он надел мои черные диагоналевые брюки и цветастую ситцевую рубашку, о прежнем “кусо” напоминали только длинные лохмы.

– Вот это парень так парень! – с восхищением воскликнула бабушка и, поглаживая Гагикины волосы, сказала: – А с ними расправится наш дедушка Егиазар...

Спустя четверть часа полностью преображенный Гагик сидел перед дедом, беспокойно щелкавшим бусинками четок, и, точно подозреваемый, отвечал на его придиричivé вопросы, не сводя своих больших печальных глаз с дедовой руки.

– Да будет тебе! – возмутилась наконец бабушка. – В мире полно всяких воров и разбойников, а ты все бедного сироту пытаешь...

– Послушай, дочь Мгера, – оправдывался дед, – ведь должен же я выяснить, что отобрала у него улица, а что осталось...

– Что было, то было, – отчеканила бабушка. – Ты лучше поговори с Хачиком из Полиса*, попроси – пусть возьмет сироту под свое крыло, обучит какому-нибудь ремеслу, чтоб мог зарабатывать себе на кусок хлеба...

– Помилуй Господи душу отца твоего, дочь Мгера, – согласился дед, – только варпет Хачик и есть тот человек, кто возьмет сироту под свою защиту.

В нашем дворе полисца Хачика уважали все. Даже Овикаина мать и жена бухгалтера Сукиаса относились к нему с особым почтением. Это был мудрый и добрый человек, переступивший порог старости. Еще в 1912 году он в составе армянских добровольческих отрядов под командованием Андраника и Нжде принимал активное участие в Балканской войне. Изъездив почти полсвета, приехал в Ереван и поселился в нашем дворе. Изъяснялся он на литературном западно-армянском. Владел несколькими языками, но особенно любил французский и часто в разговоре прибегал к оборотам французской речи.

С началом войны Хачик, невзирая на преклонный свой возраст, устроился на работу в одном из ремесленных училищ города в качестве старшего мастера.

---

* Полис – так называют западные армяне Константинополь.

Каждый раз, когда в чей-нибудь дом приходила похоронка, мать осиротевшей семьи обращалась с просьбой к полицу Хачику:

– Братец Хачик, обучи моего сына какому-нибудь ремеслу, в долгу не останусь...

Назавтра сын погибшего появлялся у нас во дворе в форме воспитанника ремесленного училища...

– Ну что, Гагик, отвести тебя к варпету Хачику, чтоб ремеслу обучил? – спросил дед.

– Да, – с радостью согласился Гагик.

– Молодец! – воодушевилась бабушка. – Питание, обувь и одежда, даже спальные места – все там за счет государства, уж не говорю о том, что всякое ремесло, сынок, добрый кормилец на всю жизнь.

***

Первый день нового учебного года. Не хочу идти в школу. Благо есть и подходящий предлог – старенький портфель.

– С этой нищенской торбой я в школу не пойду, – заявляю я.

– Прости Господи, – возмущается бабушка, – как может отказаться от школы сын такого умного, жаждущего знаний человека, как твой отец!

– Купите приличную сумку – пойду.

– Да где же ее купишь?

– На черном рынке продают.

– Сынок, – мягко объясняет она, – на черном рынке и птичье молоко продают, а нам-то что?..

– Не знаю, – стою на своем, – пока хорошую сумку не купите – в школу не пойду!

– Ладно, ты денька два-три походи со старой, а я тем временем пошью тебе новую, – уговаривает бабушка.

– Не нужна мне твоя тряпичная сумка, хочу настоящую.

– Настоящей нет.

– А для Овика – есть ?

– Незачем тебе с Овиком тягаться... – жалобно говорит бабушка. – Его отец и братья – люди хваткие, точно шакалы.

С веранды раздается дедов хриплый кашель.

– А ну быстро бери портфель – и в школу, пока дед не узнал!

– А если и узнает? – отвечаю я заносчиво.

– Прости Господи, – крестится бабушка, – даже отец твой, за- слышав шаги деда, вытягивался в струнку. Как сегодня помню: од- нажды, увлекшись занятиями – отец твой тогда студентом был, – он не заметил, как в комнату вошел дед. Увидев его, он вскочил и, понутив голову, как провинившийся ребенок, проговорил: “Прости, отец, я не увидел тебя”. Ах мой сынок, умевший так свято беречь честь своих родителей!..

Бабушкины переживания были настолько бурными, что она да- же не заметила появления деда.

– Что случилось, дочь Мгера?

– Мало нам было забот, так еще и внук твой отказывается в школу идти... Портфель, говорит, истрепался.

– Не хочет – пусть идет работать грузчиком на черном рынке.

– Вай, что ты такое несешь, безбожник! – в ужасе заверещала бабушка.

– А где это слыхано, чтобы из-за потертого портфеля от школы отказывались!

– Дело не только в портфеле, – оправдываюсь я, – еще и учитель физики оскорбляет.

– Поделом, значит...

– Как это “поделом”? – возмутилась бабушка. – Он, что ли, поит и кормит нашего ребенка?

– Замолчи, дочь Мгера, – осадил ее дед, а затем обратился ко мне: – А ты не оскорбляешь его, когда не учишь урок или проказ- ничаешь?

Наставления деда вдруг прервались – в комнату в форме воспи- танника ремесленного училища вошел Гагик и весело приветство- вал нас:

– Здравствуйте!

Бабушка на радостях аж прослезилась, а дед, внимательно оглядев Гагика с ног до головы, протянул ему руку и торжественно сказал:

– Здорово, сынок, ну как ты?

– Спасибо, отлично, – приняв горделивую позу, ответил Гагик.

Дед, указывая на Гагика, обратился ко мне:

– Вот молодец, в ком и честь есть и совесть.

– Извини, дедушка Егиазар, но у Карена и чести, и совести по- больше будет, чем у меня.

– По-другому и не могло быть, – целуя Гагика, воскликнула бабушка, – он достойный сын своего отца!..

– Бабуля, – робко сказал Гагик, – я к тебе с просьбой одной, не откажешь?

– Да хоть с сотней, говори!

– Завтра у нас родительское собрание, придешь?

– Как не прийти... ради такого умного мальчишка, как ты, кто умеет и уважать, и слушаться старшего, – искренне сказала бабушка.

– Видал? – кивнув в сторону Гагика, укоризненно сказал мне дед, – а ты не хочешь в школу идти.

Я молча взял свой старый портфель, и мы с Гагиком вышли из дома.

– Что случилось? Почему ты не хочешь ходить в школу?

– Я ведь отцом своим поклялся, забыл, что ли? – напомнил я ему.

– А ты возьми свою клятву обратно.

– Как это?

– Плюнь, разотри ногой и скажи: “В чем поклялся, того и в помине нет...”

– Хорошо, положим, клятвы я не давал, но как быть с издевками учителя физики и парней с Блура?

– Учителя физики наказывать нельзя – он потерял ногу на фронте, а вот насчет блурцев я такое придумал, что мало им не покажется.

– Что, что придумал? – спросил я нетерпеливо.

– Нам надо заняться боксом. Вчера к нам в училище приходил тренер по боксу из спортивного общества “Трудовые резервы”. Составлял список желающих заниматься этим видом спорта. Я назвал и твою фамилию, но он не стал ее записывать, потому что ты не воспитанник нашего училища. Но тренер – бывший питомец полисца Хачика, ну я и попросил варпета посодействовать, так что вопрос этот уже утрясен.

На следующий день, когда мы с Гагиком вошли в полуподвальное помещение спортзала “Трудовых резервов”, у меня от теплового запаха пота защекотало в носу. Тренер окинул нас беглым взглядом, затем обратился к курчавому парню спортивного телосложения:

– Алик, проводи новичков в раздевалку.

– Идите за мной, – велел Алик.

В раздевалке Алик, указав на ряд шкафов, сказал:

– Первый – мой, остальными на выбор можете пользоваться вы.

Когда мы босиком и в коротких сатиновых трусах вошли в спортзал, мои розовые представления о боксе заметно пожухли. Гагик подошел к тренеру, а я, тушуясь, остался стоять возле двери.

– Ты что, парень, к земле, что ли, прирос, иди сюда, – по-дружески обратился ко мне тренер.

Я под насмешливыми взглядами присутствующих подошел к нему. Он протянул мне свою мускулистую руку.

– Давай знакомиться. Моя фамилия Саргсян, имя – Амбарцум, но ты можешь называть меня, как другие, товарищ Амбик. А как звать тебя?

– Карен, а меня – Гагик, – встрял Гагик.

– А что, у Карена языка нет? – сыронизировал тренер.

– Как нет, он еще и стихи пишет...

– Если у него есть язык, да еще он и стихи пишет, – строго выговорил тренер, – то впредь не суй свой нос, когда я с другими разговариваю...

– Карен для меня не другой, он мой друг.

– Ты, как я погляжу, упрямый парень, – сказал тренер, – упрямство для боксера хорошее качество, но подчас оно оборачивается назойливостью.

Гагик пристыженно повесил голову.

– Извините, товарищ Амбик, – набравшись смелости, заговорил я, – Гагик не назойливый вовсе.

– Та-а-к, наконец голос подал, – улыбнулся тренер. – Ну, раз так, хочу спросить у вас обоих: почему вы из всех видов спорта выбрали бокс?

– Чтобы защищаться от парней с Блура.

– А что им надо от вас?

– От меня – пока ничего, но Карена они избили, чтоб не встречался с девушкой, приглянувшейся Варазу – сыну продавца Амо.

Зал взорвался от хохота.

– Ладно, поговорили и хватит, – сказал товарищ Амбик, затем строго добавил: – Раз и навсегда зарубите себе на носу: бокс вовсе

не для того, чтоб защищаться от каких-то парней, – и подозвал парня, который сопровождал нас в раздевалку. – Алик, объясни им, пожалуйста, что такое бокс.

– Бокс – это вид спорта, главные составляющие которого – сила и красота. Боксер обязан всячески избегать уличных потасовок...

– Как это избегать?! – удивился Гагик. – А что делать, к примеру, если вдруг по дороге из школы тебя окружают парни с Блура, опустошат твои карманы и портфель, будут ругаться и драться?

Улыбнувшись, товарищ Амбик воскликнул:

– Все! Начинаем занятия!

***

Каждый раз, когда дед, аккуратно побритый и празднично одетый, собирался выходить из дома, бабушка спрашивала:

– Куда это ты собрался?

– Пойду посмотрю, что делается в мире, – отзывался дед.

Мир моего деда – это друзья его детства Желтый Мелкон и Варжапет Мкртыч.

Кличка смуглолицего Мелкона не вязалась с его внешностью, я как-то спросил у бабушки, почему его так окрестили.

Метнув пыливый взгляд в сторону Овикиной веранды, бабушка прошептала:

– За дело...

– Какое дело?

– Ну, – сказала она боязливо, – он занимается куплей-продажей золота.

– А Мкртыча почему прозвали Варжапет^{*}, когда он даже грамоты не знает...

– Это уже другая история, – улыбнулась бабушка. – Мальчонкой, когда он пас овец в окрестностях духовной школы Варагаванка, повстречался ему как-то один из учителей этого заведения – известный писатель Раффи. Погладив мальчика по голове, Раффи спросил: “А знаешь ли ты, дитя, кто основал эту школу, в райских окрестностях которой ты пасешь своих овец?” – “Конечно, знаю, – мой тезка католикос Мкртыч Хримян”. – “Молодец, с таким умом быть тебе варжапетом”, – пошутил Раффи.

---

^{*} Варжапет – учитель.

Мкртыч принял шутку писателя всерьез и, приукрасив, поведал о случившемся своим сверстникам, а те тут же окрестили его Варжапетом...

Желтый Мелкон жил в Конде, а Варжапет Мкртыч в одном из дворов старого Еревана под названием Зарабахан – недалеко от нынешнего детского парка. Из родни Желтого Мелкона осталась только его вдовая дочь. Сына Мелкона и мужа дочери в 1937 году расстреляли как “врагов народа”...

У Варжапета Мкртыча были две дочери. Отсутствие сына его ничуть не заботило, более того, он всюду с гордостью говорил о своих дочерях – учительнице и врачихе.

– Знаете, – говорил он с нескрываемым восхищением, – иметь таких образованных и добропорядочных дочерей тоже не дело! Иной раз закашляешься и тут же дочка-врачиха кладет тебе руку на лоб: “Отец, а нет ли у тебя жара?” Не успеешь пару слов сказать, как дочка-учительница выговаривает-де, глагол не так употребил.

Хотя мой дед и его друзья были людьми абсолютно разными – как характерами, так и предпочтениями, – их связывала неизбежная любовь к родному краю Васпуракану с его лазурной синевы озером, высокими горными вершинами, лесистыми ущельями, зелеными долинами, родниковой студеной водой и эдемовыми садами...

Дед и Варжапет Мкртыч были уроженцами Вана, Желтый Мелкон – Шатаха; он еще и приходился дальним родственником моей бабушке.

У троих этих друзей был нерушимый график встреч. Ежемесячно они собирались в доме у одного из них и, наслаждаясь сухим вином, любимым ванцами сыром “жажик”, соленьями и черным хлебом, засиживались за разговорами до поздней ночи.

Вино в трехлитровой зеленоватой бутылки, которую они почему-то называли “штоп”*, приносил Варжапет Мкртыч. Он торжественно клал ее на стол и, потирая руки от удовольствия, восклицал:

– Сам давил этими честными руками.

Сыр и соленья были наши, домашние, а хлеб – две черные буханки, завернутые в газету “Хорурдаин Айастан”, приносил Желтый Мелкон.

---

* По аналогии со “штофом”.

– Мелкон-ага, – с мягким укором говорила бабушка, – а не многовато ли – две буханки – в наше голодное военное время?

– Э, Салат-ханум, стоит ли говорить о такой малости? – замечал Желтый Мелкон, привычно поглаживая большим и указательным пальцами широкий густой ус, а затем добавлял с нескрываемой гордостью: – Или забыла, что со времени принятия Османской конституции и до начала первой мировой войны армянское население Шатаха пожертвовало на самооборону семь тысяч османских золотых монет?..

– Помню, как не помнить, – говорила бабушка и, тяжело вздохнув, добавляла: – Лишь бы в мире не было войн.

И начиналась беседа о мире и сохранении мира – прошлое, настоящее и будущее перемешивалось, перетекало одно в другое. Однако, едва коснувшись настоящего и будущего, разговор с удивительным постоянством возвращался к прошлому, к воспоминаниям о великомучениках, погубленных невинных младенцах, замученных до смерти женщинах и стариках, к разоренной родине, к угасшему очагу... Достойной расплатой за все и своего рода утешением было им героическое Ванское сражение. В такие минуты Варжапет Мкртыч вставал из-за стола и, прижав к груди руку со стаканом вина, держал торжественную речь:

– Светлой памяти генерал Назарбеков, наслышавшись о героическом сражении, сказал в большом волнении: “Я горд, что я – армянин.”

Выпив до дна и хлопнув стаканом по столу, он бессильно валился на стул и, обхватив голову ладонями, обращался к невидимому оппоненту:

– А ты как думал? Разве ж случайно, что первый сеятель революционного слова, мой тезка бессмертный Португалиян избрал страну Васпуракан местом для своей новой Нагорной проповеди?.. Или случайно разве, что о пробуждении армянского освободительного движения возвестил миру мой тезка – монах из Васпуракана?.. Разве можно без волнения представить, как восемьсот юношей из Айгестана пожертвовали жизнью ради освобождения родного края под Гюзел-Дереем и Кази-Дагом?.. Но и тогда васпураканец не оставил родной земли. Глотая слезы и стиснув зубы, он восстанавливал все, к чему прикоснулась кровавая рука турка...

– Эх, что и говорить! – брал слово Желтый Мелкон. – Хотя васпураканец и возродил родной очаг из крови и пепла, но никогда не переставал горевать по павшим молодым айгестанцам...

– И не было дома, в котором не поселилась бы смерть, – подхватывал дед, – и потому весь Васпуракан слагал в те дни скорбные песни о сложивших головы отважных его защитниках.

И тут трое друзей затягивали горькую песню, из кухни сквозь плач им вторила бабушка.

Затем Варжапет Мкртыч наполнял стаканы из наполовину опорожненного “штопа” и провозглашал тост:

– Вечная слава святой памяти отважной васпураканской молодежи!

– Слава! – восклицали все в один голос и пили.

Потом начинался другой разговор, инициатором которого был Желтый Мелкон.

– Удивительный мы народ, скажу я вам, – пожимал он плечами в недоумении. – Что заставило нас с таким безмерным энтузиазмом приветствовать провозглашение Османской конституции?

– Ну, мы думали, что это положит конец нашим мучениям и кровавым межнациональным столкновениям, – говорил мой дед.

– Да, но спустя год после принятия этой проклятой конституции случилась ужасная бойня в Адане, – напоминал Желтый Мелкон.

– Уже с самого начала первой мировой Турция раскрыла свою кровожадную пасть, – продолжал Варжапет Мкртыч, – и начала военные действия против русских. Спустя три дня русская армия вошла в Турцию. А прозвучавший из Моллагасана глухой рокот пушек Андраника наполнил ликованием сердца васпураканцев...

– Но радость была кратковременной, – грустно говорил Желтый Мелкон, – русские отступили, и это развязало туркам руки и позволило им злодейски расправиться с населением Васпуракана. Гром грянул в апреле. Васпуракан превратился в ад.

– И в этом аду, – продолжал мой дед, – Айгестан и Центр, Шатах и Песандашт встали бок о бок несокрушимой стеной, разбили турок и героически выиграли Васпураканское сражение...

– Но увы, – скорбно перебивал его Желтый Мелкон, – в марте восемнадцатого мы были вынуждены покинуть наш райский край и бежать...

И тогда Варжапет Мкртыч, опершись головой о сжатые в кулаки руки, пел песню о горемыке, чье сердце разбито и похоже на разоренный дом с обвалившимися стропилами и стенами, на руинах которого вскоре свили себе гнезда дикие птицы...

По завершении песни стаканы сразу опорожнялись и снова наполнялись, и Желтый Мелкон переносил своих друзей из полного печальных воспоминаний прошлого в настоящее.

– Будь он проклят, этот мир! – тяжело вздыхал он. – Мало нам было перенесенных бед, теперь еще и эта ужасная война.

– И не говори, – отзывался дед, – и сегодня льется невинная кровь армянина...

– Но ради кого? – возмущенно вопрошал Желтый Мелкон и бурчал себе под нос: – Ради узколобого тифлисского кинто в хромовых сапогах, вознесшегося на царский трон...

– Это ты уже напрасно, Мелкон, – упрекал его Варжапет Мкртыч и затем испуганно шептал: – Ты ничего не говорил, мы ничего не слышали...

– Чего ты боишься, человек божий? – с горькой усмешкой говорил Желтый Мелкон. – Я сказал, я и в ответе за свои слова. Не за кого и не за что мне больше бояться, все забрал этот кровожадный палач...

Дед, поникший и хмурый, молча крутил в своих мозолистых и нервных руках порожний стакан. А Варжапет Мкртыч продолжал боязливо увещевать Желтого Мелкона:

– Будет тебе, Мелкон джан, давай поговорим о другом...

– О чем о другом, Мкртыч-ага? – вопрошал с гримасой боли на щербатом лице Желтый Мелкон и, задыхаясь от ярости, продолжал: – Ладно, поговорим. Скажи вот, по чьей вине началась эта опустошительная война? Что ты, к примеру, знаешь о тайных переговорах между фашистом Гитлером и коммунистом Сталиным?

– К черту! – возмущался Варжапет Мкртыч, – от этого армянскому народу не жарко и не холодно...

– Слыхал, Егиазар, на какой лад запел наш Варжапет?.. – с усмешкой обращался к деду Желтый Мелкон. – Получается, твой единственный и десятки тысяч других армянских сынов там, на фронте, не кровь проливают, а на танцульках отплясывают?

Тут терпению деда наступал конец, и он, крепко выругавшись в адрес сидевшего на царском престоле тифлисского кинто, говорил:

– Разве не в результате недалковидности этого палача Германия использовала советский бензин для своих самолетов, сея смерть по всей нашей стране?

– Да разве только самолеты? – гневно дополнял Желтый Мелкон. – А танки, заправленные тем же бензином? В придачу ко всему мы снабжали их армию нашим хлебом...

– Но ведь договор о ненападении нарушил Гитлер, – возражал Варжапет Мкртыч, – а Сталин-то тут при чем?

– Вы только послушайте, что он говорит! – вскидывался Желтый Мелкон. – Да у кого язык повернется сказать такое об этом палаче, крестном отце тридцать седьмого года!

Вот тут-то и появлялась из кухни бабушка, неся медную кастрюлю, источавшую аромат плова. Торжественно водрузив ее на стол, она мягко просила:

– А теперь давайте ешьте, пока плов не остыл, для разговоров время всегда найдется...

Когда вина в “штопе” и плова в кастрюле оставалось совсем ничего, Желтый Мелкон настоятельно просил Варжапета Мкртыча:

– Будь другом, спой нам, Мкртыч-ага...

Прочистив горло, Варжапет Мкртыч своим звонким голосом пел о девушке, что прекрасна, словно роза, цветущая в садах Вана.

По окончании песни они молча наливали стаканы и, молча же чокнувшись, пили. Затем по просьбе Желтого Мелкона дед громко запевал песню ванцев о Мокаце Мирзе, и все дружно подхватывали ее.

Как-то во время одной из этих встреч к нам домой неожиданно заявился управляющий двором Сого и, придав голосу предельную строгость, обратился к деду:

– Извините, товарищ Егиазар Григорич, но я вынужден прервать ваше неуместное для военного времени пышное застолье и официально известить вас о том, что в соответствии с графиком, составленным отделом агитации и пропаганды горкома партии, ровно через четверть часа находящийся под моим контролем образцовый наш двор посетит старейший член КПСС, заслуженный пропагандист и агитатор товарищ Кыбачян...

***

Как человеческий тип старейший член партии, известный пропагандист-агитатор Кябабчян даже в своем кишевшем фари-сеями окружении оставался абсолютной загадкой.

Турецкий армянин, он в резню пятнадцатого года бежал в Грецию, где спустя время вступил в ряды коммунистической партии. Как активный член Коминтерна был приглашен из Афин в Москву, затем в тридцать седьмом направлен в Ереван – вести беспощадную борьбу с “врагами народа”.

Низкорослый, лысый и близорукий, он обладал на удивление басистым голосом.

Кроме управляющего Сого, у Кябабчяна в нашем дворе имелся еще один помощник – Овикина мать. В дни политзанятий она не только обеспечивала явку “аудитории”, но и, как выражалась с усмешкой жена бухгалтера Сукиаса, “на общественных началах сообщала Кябабчяну необходимую энергию ради успокоения тела...”

В этот день, как всегда, процесс мобилизации участников политзанятия и их сосредоточение под тутовым деревом сопровождался истерическими выкриками Овикиной матери.

– Эй, ты, – обращалась она к жене кладовщика Минаса, – куда подевались эта тихоня Србуи и потаскуха Лаура?

– Где Србуи – не знаю, ну а что касается Лауры – какое тебе дело, она ведь не постоянный здесь жилец...

Обычно к началу занятия братья Овика, следуя указаниям матери, выносили из их дома старый, обшарпанный стол с тремя стульями. Стол накрывали красной скатертью, которую приносил Сого, и ставили на него полный графин воды и стакан. Однако на этом ритуал предстоящего мероприятия не завершался. Его гвоздем был большой портрет Сталина, который с демонстративной осторожностью выносил из своего дома кладовщик Минас и закреплял на металлической рейке, специально с этой целью прибитой к стволу шелковицы. Мероприятие, прокашлявшись, начинал Сого:

– Законопослушные жители подконтрольного мне двора, политзанятие, которое, как всегда, будет вести член капээсэс, известный агитатор-пропагандист товарищ Кябабчян, объявляю открытым.

Под бурные и долгие аплодисменты с места вставал Кябабчян и рокотал:

– Товарищи члены Коммунистической партии, комсомольцы, пионеры и октябрята, считаю своим долгом еще раз напомнить вам, что в эти страшные дни Великой Отечественной войны мы все обязаны еще более безоговорочно укреплять наш общественный и государственный строй, быть еще более бдительными в деле обнаружения классового врага и всяких других враждебно настроенных элементов. В подтверждение готовности исполнить свой пионерский долг Коммун, мальчик с вашего двора, написал стихотворение, посвященное герою-пионеру Павлику Морозову.

И вот на базальтовом бордюре, окаймлявшем дворовый кран, появился сын бухгалтера Сукиаса Коммун и начал вдохновенно читать свое стихотворение. Вслед за одобрительным восклицанием Кябабчяна “Молодец!” последовали бурные аплодисменты присутствующих. А Коммун, по-пионерски отдав честь, крикнул срывающимся от волнения голосом:

– Клянусь неуклонно следовать примеру пионера Павлика Морозова и в случае необходимости повторить его героический поступок!

– Вай, мама джан! – в ужасе заверещала мать Коммуна – жена бухгалтера Сукиаса, и хлопнулась в обморок.

Соседи привели ее в чувство и, подхватив под руки, повели домой. Кябабчян же, поглаживая грушевидную голову сына бухгалтера Сукиаса, обратился к присутствующим:

– Берегите этого пламенного пионера, его ждет блестящее будущее...

Когда адресованные пламенному пионеру аплодисменты стихли, Кябабчян продолжил политзанятие.

– Тема сегодняшнего занятия – наша славная партия и ее мудрый вождь товарищ Сталин. Вам известны пророческие слова основоположника социалистического реализма, пролетарского писателя Максима Горького: “Мы говорим партия – подразумеваем Сталин. Мы говорим Сталин – подразумеваем партия...”

– Вы несете совершеннейшую чушь! – воскликнул возмущенно Вараг-Немрут. – Во-первых, эти строчки принадлежат не Максиму Горькому, а Владимиру Маяковскому, а во-вторых, они относятся не к Сталину, а к Ленину...

– Ха-ха-ха! – захохотал Кябабчян. – Вы антисоветский элемент, блуждающий в темных лабиринтах капиталистической идеоло-

гии... Что вы вбиваете клин между нашими гениальными вождями и блестящими писателями, воспевшими наших гениальных вождей и Великую Октябрьскую революцию... О вашем провокационном заявлении я обязан по завершении занятия немедленно уведомить надлежащие органы...

– Многоуважаемый товарищ Кябабчян джан, – заговорил Сого, – смурной он, не обращайтесь на него внимания и продолжайте обогащать наши знания...

Кябабчян заботливо поправил ярко-красный галстук, самодовольно улыбнулся, погрозил указательным пальцем и продолжал витийствовать:

– Товарищи, вы обязаны как зеницу ока беречь единство нашей славной партии, которая является фундаментом непобедимости нашей героической Красной армии, отважно воюющей с фашистскими захватчиками... Наш великий учитель и мудрый вождь товарищ Сталин учит нас вести неутомимую борьбу с врагами марксизма-ленинизма, с троцкистско-бухаринскими выкорышками, капитулянтами и предателями, которые пытаются сбить с коммунистического пути нашу доблестную партию, внести раскол в ее сплоченные ряды. Но они никогда не добьются своей подлой цели. Нет в мире сил, которые приостановили бы победоносное шествие коммунизма. Смерть немецко-фашистским захватчикам! Под знаменем бессмертного Ленина, под мудрым руководством великого Сталина вперед к победе коммунизма!..

– Ур-ра-а! Да здравствует великий Сталин! – воскликнул Сого.

– Родному Сталину – ур-ра-а! – восторженно подхватила Овикина мать.

Когда крики стихли, Кябабчян торжественно объявил:

– Сегодня право на заключительное слово предоставляется нашему любимому Коммуну, бесстрашному пионеру, автору произведения, посвященного Павлику Морозову.

Под бурные аплодисменты присутствующих сын бухгалтера Сукиаса снова поднялся на базальтовый бордюру и визгливым голосом с воодушевлением продекламировал:

*Гомер Ахилла воспевал, Рустама – Фирдуси,
Был вызолочен Бонапарт хвалою тысяч лир...*

(Н.Зарьян. Сталин. Пер. П.Антокольского)

– Умолкни, жалкого паразита отродье! – взорвал воцарившуюся на миг тишину сдавленный от ярости голос Варага-Немрута. В мгновение ока возмутитель спокойствия согнал с “пьедестала почета” сына бухгалтера Сукиаса и в горделивой позе встал на его место...

– Освободи немедленно это имеющее важное значение место, которое является собственностью подконтрольного мне двора! – угрожающе потребовал Сого.

– Нет, Согомон Минаич, и не подумаю... Я житель Парнаса, и только Аполлон может лишить меня права голоса, – отрезал Вараг-Немрут и затем обратился к присутствующим: – Люди добрые, я сейчас прочитаю вам стихотворение, автором которого является великий армянский поэт Егише Чаренц, расстрелянный как враг народа.

*И снова, Грозный Иоанн,
Из гроба вышла тень твоя,
Летит кровавый ураган
От стен Кремля во все края...*

.....

*Ужель, как в средние века,
Погибель сущего близка,
И грянут яростные дни
Нашествий, смуты и резни?*

*Истлеет в пепле и золе
Ряд поколений – все сгори!..
И жизнь пребудет в древней мгле,
Во тьме – до истинной зари...*

(Е. Чаренц. Сталин. Пер. М. Синельникова)

И покуда Вараг-Немрут декламировал, полузакрыв глаза и скрестив на груди руки, застигнутые врасплох обитатели двора в молчаливом ужасе взирали на Кябабчяна.

– Товарищи, среди вас, законопослушных жильцов этого двора, скрывается под личиной душевнобольного опасный провокатор и враг народа... Спокойно, без паники разойдитесь, товарищи, а этот подонок незамедлительно понесет достойное наказание...

Присутствующие, толкаясь, быстро разошлись. Двор опустел. И только дворовый песик кружился вокруг крана, на базальтовом бордюре которого застыл в горделивой позе Вараг-Немрут. Наутро он исчез...

***

Уже более года как мы с Гагиком занимаемся боксом. Участвовали во многих соревнованиях. Со мною тренер особых надежд не связывал, а Гагиком очень гордился. Скупой на похвалу, он не упускал случая, чтобы выразить восхищение им.

– Восходящая звезда армянского бокса, – говорил он и озабоченно добавлял: – Лишь бы не заболел звездной болезнью, как некоторые.

Тренер имел в виду Алика, который ушел от нас, мотивируя свой уход отсутствием условий, подходящих для тренировок такого класса спортсмена, как он. К юношеским соревнованиям на первенство республики мы с Гагиком готовились довольно долго. Повода для беспокойства у меня не было – некоторых участников моей весовой категории я уже побеждал на предыдущих первенствах. Беспокоился я больше из-за Гагика, ведь одним из его соперников был Алик, в бытность член нашей команды.

Наступил день соревнований. Ринг располагался на хорошо просматриваемой высокой площадке, оборудованной в центре цирковой арены. Зрителей собралось такое множество, что мест не хватало, особенно много было болельщиков – друзей и знакомых боксеров. Мы же с Гагиком проявили нерадивость – не подумали известить своих товарищей о предстоящих соревнованиях.

– Надо было сказать хотя бы Овику и Бабкену, – сказал я недовольно.

– Ничего, – улыбнулся Гагик, – справимся и без них...

– Понятно, почему не хочешь – знаешь ведь, что проиграешь, – подколот его я.

– А почему ты думаешь, что проиграю? – спокойно спросил Гагик.

– В первый же день соревнований ты по жеребьевке встречаешься с Аликом...

– Ну и что? – повел плечами Гагик, потом спросил: – А кто твой соперник?

- Мне он незнаком, знаю только, что кличка у него Моченый.
- Я знаю его, он из воспитанников нашего детдома.
- Э-эх, – потянул я разочарованно, – не с руки отправлять бедного сироту в нокаут...
- Пойдем, – улыбнувшись, сказал Гагик, и мы вошли в раздевалку.
- Ребята, – заглянув в список участников соревнования, обратился к нам тренер. – С учетом весовых категорий на ринг поочередно приглашаются Ашот, Карен, Гагик, затем остальные.

Еще не смолкли аплодисменты и радостные возгласы болельщиков Ашота, когда комментатор объявил наши имена и фамилии – мою и Моченого. Легким уверенным шагом я поднялся на ринг и занял отведенный мне красный угол. Моченого еще не было. “Наверное, узнал, с кем ему предстоит держать бой и с перепугу откачался”, – подумал я.

Но вот он появился в сопровождении своего секунданта – большоголовый, сутулый, кривоногий.

Следуя знаку судьбы, мы пожали друг другу руки. Прозвучал гонг на первый раунд. Сначала я, как кошка, играющая с мышью, наносил удары левой только с дальнего расстояния, но, увидев, что Моченый умело уходит от них, поменял тактику и ринулся в атаку. Моченый мастерски отвечал контрударами. И будто мало было этого, так меня еще и донимали издевательские выкрики его болельщиков.

- Вот так, Рубо джан! Врежь этому огородному пугалу еще раз!..
  - Да так, чтобы дорогу домой позабыл!
  - Смотри шкуру ему не повреди!
- “Ну хорошо, я сейчас вам покажу”, – думал я про себя, применяя все новые приемы и атакуя все яростней.

– Карен! – услышал я взволнованный голос товарища Амбика, – соберись, держи дистанцию и не петушись!

Но неисполненный неудержимого желания победить, я рвался по возможности быстрее отправить его в нокаут. Но, как говорится, желание – одно, а возможность – другое. Удары Моченого становились все более меткими и целевыми и по-прежнему сопровождались глумливыми выкриками его болельщиков. Одну из моих очередных атак Моченый пресек мощным контрударом. Все поплыло у меня перед глазами, в ушах раздался оглушительный звон, и я в полуобморочном состоянии рухнул на пол...

– Раз, два, три, – поочередно выпрямляя сжатые в кулак пальцы, отсчитывал судья.

Смутно понимая происходящее, я с трудом поднялся на ноги и, готовый продолжать бой, принял соответствующую стойку. Но мои усилия были напрасны – товарищ Амбик в знак поражения уже выбросил полотенце...

– Почему вы прервали бой? – с досадой спросил я его в раздевалке.

– Точно так же и я могу у тебя спросить: почему ты его проиграл?

– Но я уже пришел в себя и собрался с силами.

– К счастью, бокс не тот вид спорта, где применяется только грубая сила, – на этот раз сухо бросил он мне и с умилением обратился к Гагику: – Ну, мой орел, пошли...

Сжавшись в комок, я немного посидел в дальнем углу раздевалки, переживая свое поражение, затем отправился посмотреть бой Гагика с Аликом.

Первый раунд закончился почти в равной борьбе. Во втором раунде превосходство Гагика было очевидным. Ну а в третьем Алик, как говорится, искал пятый угол ринга...

С явным перевесом победил Гагик.

По дороге домой я, по-дружески похлопав его по плечу, сказал:

– Здорово ты его отделал, хвастуна этого...

Мы только входили в парк, что по соседству с Блуrom, как вдруг перед нами словно из-под земли вырос Язва со своей шайкой.

– Эй, братцы, вы только гляньте на них, – заржал Вараз, – идут, взявшись за ручки, будто новобрачные.

В ответ раздался наглый гогот всей кодлы.

– Не обращай внимания, – шепнул мне Гагик.

Но они уже взяли нас в плотное кольцо.

– Слушай, ты, “карусельный кусо”, где ты слямзил это? – с издевкой в голосе спросил Язва, указав на спортивную сумку Гагика.

– Я ее не слямзил, – спокойно ответил Гагик, – это моя спортивная сумка.

– Вот так так! Значит, его превосходительство “кусо” оставил свое фартовое дело и занимается спортом, так, что ли?

– Да, так, – спокойно ответил Гагик.

– И какой же вид спорта вы избрали?

- Бокс! – в бешенстве крикнул я вместо Гагика.
- Ого! Видали, как расхрабрился этот маменькин сынок?
- Ребята, – обратился к блурцам Гагик. – Мы ничего плохого вам не сделали, дайте нам спокойно уйти.
- Согласен, – сказал Язва, – но с одним условием: если вы здесь побоксируете друг с другом...
- Не выйдет, – возразил Гагик.
- Почему?
- Потому что мы с Кареном друзья, и, кроме того, для бокса требуются ринг и судья.
- Рингом, встав плечом к плечу, будут мои ребята, а судьей – ваш покорный слуга, – указал Язва на себя.
- Не выйдет, – снова возразил Гагик.
- В таком случае, ваше кусошно-побирушное превосходительство, у меня есть другой вариант, – радостно потирая руки, сказал Язва. – Значит, так: вы становитесь друг против друга, и каждый наносит другому по одному удару, но если вдруг кто-то из вас ударит вполсилы, то будет нами жестоко избит.
- Послушай, шут, не надоело тебе? – неожиданно вспыхнул Гагик и сделал мне знак головой: – Пошли...
- Куда это вы? – прошипел Язва, и они со всех сторон набросились на нас.
- Первым рухнул наземь Язва, вторым – Вараз, а потом какой-то верзила. Остальные дали тягу.
- Покачиваясь, словно пьяный, и цепляясь за ствол дерева, Язва кое-как поднялся на ноги. Гагик, показав на валявшихся без сознания Вараза и Верзилу, сказал с усмешкой напоследок:
- Ну, мы пойдем, а удовольствие приводить своих щенков в чувство предоставим тебе...

***

Каждый год перед началом летних каникул дома у нас разгорался спор между матерью и бабушкой. Дед же, храня свое мужское достоинство, в пререкания не вступал. Спор шел о том, где и как я буду проводить летние каникулы. Оптимальным вариантом для моей матери был дядин дом в деревне. Мать обосновывала свою точку зрения тем, что идет война, в городе полно голодных,

неправедными путями добывающих себе кусок хлеба сирот и побирушек, и общение с ними опасно для ее непредсказуемого и своенравного сына. В деревне же он будет под бдительным оком жены ее брата...

– Ну и ну! – возмущалась бабушка. – Значит, под присмотром твоей уродливой невестки моему внуку будет лучше, чем со мной?

– Дело не в ней, – оправдывалась мама. – Я весь день на работе, а ты еле успеваешь управляться с домашними делами.

– Хочешь сказать, что я стара стала, немощна? – продолжала наседать бабушка. – Так вот запомни: какая я ни на есть, все же лучше присмотрю за ним, чем твоя тощая невестка.

– Не понимаю, что ты хочешь от этой бедной женщины?

– Вот видишь, душой болеешь за нее! А у меня что, сердце камень? Да разве ж я стерплю такое, чтобы ты повезла моего внучонка в эту отсталую свою деревню?

– Другого выхода нет.

– Есть, – решительно возражала бабушка. – А пионерские лагеря, предусмотренные для детей, чьи отцы воюют на фронте?

– Они не для твоего внука, – отвечала мать. – Забыла, как он в прошлом году, не побыв и недели, удрал из кироваканского пионерского лагеря, а потом в грязном товарняке добирался до дома?

Хотя последнее обстоятельство и было сильным доводом в пользу матери, но бабушка не унималась и не собиралась отступить.

– А ничего, что средний сын твоей сестры украл мешок колхозной пшеницы и отсидел шесть месяцев в тюрьме? – говорила бабушка в отместку.

От безысходности мать тут обращала умоляющий взгляд на деда.

– Послушай, дочь Мгера, – шумно перебирая четки, возмущался дед, – что общего между той многолетней давности историей и вашим сегодняшним разговором?

– Если хочешь знать, очень даже много общего. А вообще, я не понимаю, почему ты вдруг заговорил вместо своей невестки, у нее что, языка нет?

Бабушкин выпад вывел деда из себя, и он взревел:

– А ну сгинь с глаз моих, змеюка!..

Бабушка в замешательстве прошла на кухню.

– Ты права, отправь его в деревню, – обращаясь к матери, вынес дед решение, не подлежащее пересмотру.

Затаившись за дверью спальни, я, подслушав этот разговор, безмерно обрадовался, поскольку деревня для меня была самым прекрасным местом для проведения летних каникул. Тем более что никакого “бдительного ока”, упомянутого моей матерью, там и в помине не было.

...Сидя на крупе дядиного старенького осла (на спину ему ввалили тяжелый хурджин), под тетнины недовольные и монотонные понукания “но-о, но-о”, еду в деревню. Сажу с видом фараона, с высоты своего величия вззирающего на бескрайние свои владения, и улыбаюсь, довольный и счастливый...

Мое необычайное состояние приподнятости вывело из терпения жену моего дяди.

– Скажи-ка на милость, что ты такого радостного узрел среди этих проклятых камней, что умиляешься как теленок? – недовольно пробурчала тетка и со свистом опустила на зад бедному животному хворостину, что держала в руке. – А ну пошла, старая!

– Зря ты его стегаешь, – вступился я за осла, – бежит почти рысцой, как жеребец.

– “Жеребец”, “рысца”, – тягуче проговорила тетка. – Что это за слова такие?

– Ну, как мне сказать, чтоб тебе было понятно. На вашем языке это означает...

Тут тетка пришла в такое негодование, что я осекся на полуслове.

– Что, ты англичанин или, прости Господи, немец, если делишь язык на ваш и наш? Или запомнил, что все в роду твоего отца были бездомными и голодными беженцами, едва спасшимися от турецкого ятагана? А когда после окончания института отец твой пришел просить руку твоей матери, на нем даже приличных штанов не было.

И поскольку в спорах с бабушкой мать часто пользовалась, как “тяжелой артиллерией”, вышеупомянутым фактом, то я, помня об этом, растерянно прошептал:

– Нет, не запомнил.

– Ну раз так, нечего меня держать за ишака, которого ты оседлал, и пускать пыль в глаза этими своими “рысцой” и “жеребцом”...

Сиявшая на моем лице самодовольная улыбка сразу потухла, и обьежавший свои бескрайние владения фараон тут же превратил-

ся в неразумного мальчишку, не замечающего шагающей за ним изнуренной, жалкой женщины, которая наверняка думала: “Вот и подарочек из города, лишнего рта мне недоставало...” Спустя время, волоча в такт топоту ослиных копыт ноги, обутые в изношенные полуботинки, жена моего дяди участливо спросила:

– Эй, парень, что это ты вдруг сник?

Ответа у меня не было.

– Думаешь, легко жить в деревне? – тяжело вздыхая, жалуется тетка. – Городские, они ведь всегда обижали деревенских, высмеивали по-всякому... Кабы не война да жизнь была бы хоть чуть-чуть сносной, я бы подумала: пусть их болтают почем зря, собака лает, ветер носит. Но как снесешь все это, если твой бедный дядя, отец пятерых несовершеннолетних детей, воюет на фронте и уже третий месяц нет от него никаких вестей...

Тетка прослезилась, промокнула глаза уголком платка и продолжала:

– Сказать по правде, положение твоего отца на фронте намного лучше, чем твоего дяди.

– Чем? – удивился я.

– А тем, что отец твой – командир.

– Ну и что из этого?

– А то, что он солдатам даст приказ “вперед”, а сам будет прятаться за их спинами...

– Тетя, ты напрасно думаешь, что командиры прячутся за спинами солдат.

– А как же иначе? – возразила тетка. – Для чего же тогда им дается право приказывать солдатам? Вот наш председатель сельсовета Чолоянц Амбо, к примеру, и сам не пошел на фронт, и всю свою родню сумел отстоять.

– Как это? – удивился я.

– А вот так, – сказала тетка. – Деньгами. Из райцентра он для брата выбил медицинскую справку, якобы тот неизлечимо болен. А теперь, неизлечимый этот, будь он проклят, словно бычок молодой гоняется за беззащитными женщинами и девушками нашего села.

– И вы это терпите?

– Кто сказал, что терпим? Собрались всей деревней и отправились в райцентр к безрукому военному с жалобой. Услышанное привело военкома в бешенство:

– Значит, ваши на фронте кровь проливают, защищая рабоче-крестьянскую нашу страну, а кулацкие эти выродки беспутничают, да?..

– Ну и? – нетерпеливо спрашиваю я.

– А что “ну и”? – недовольно проговорила она, стеганув осла. – Если раньше чолояновские выродки не слишком громко заявляли о себе, то теперь голоса их стали слышнее, руки если и не слишком распускали, то теперь и им дали волю...

– Почему?

– Потому что окаянный муж чолояновской старшей дочери занимает высокий пост в Ереване...

Пока, раздумывая, я мысленно подбирал достойное наказание чолояновцам и их высокопоставленному покровителю, мы добрались до деревни.

***

Получив похоронку на Ашота, Варсеник заперлась у себя дома и дни напролет, опустившись на колени перед большой фотографией сына, тихо причитала, временами напевая скорбную песню “Ворскан ахпер”.

– Так она долго не протянет, – говорила моя бабушка и заключала: – Хотя кто его знает, может, оно и к лучшему...

– Что ты такое говоришь! – удивлялся дед.

– Да, – спокойно отвечала бабушка, – для матери, потерявшей своего ребенка, смерть – это божий дар...

– Не бери греха на душу, – выговаривал ей дед, – смерть ни для кого не может быть божьим даром. Послушать тебя, так мы после кровавого пятнадцатого года не должны были жить...

– Не знаю, – ворчливо продолжала бабушка, – если вдруг и меня постигнет та же участь, типун мне на язык, я и одного часа не захо-чу жить.

Из дворовых женщин только Србуи, мать Бабкена, не говорила Варсеник утешительных слов. Она приходила, садилась рядом, подпевала ей, иногда переиначивая слова песни. В том месте, где потерявшая своего ребенка мать, обращаясь к охотнику, спрашивает: “Скажи, не видел ли ты мою кровиночку, мое дитя?” – Србуи пела: “Скажи, не видел ли ты мою надежду, свет очей моих Рубена моего?..”

Однажды, когда после очередного ритуала скорби Србуи собралась уходить, Варсеник задержала ее и, достав из-под стопки постельного белья маленькую серебряную шкатулку, протянула ее своей горемычной соседке и сказала дрожащим голосом:

– Возьми себе. Я это берегла для невесты моего Ашота.

– Вай, чтоб я ослепла! – возмутилась Србуи и, оттолкнув от себя шкатулку, воскликнула: – За кого ты меня принимаешь?..

– Умоляю тебя, Србуи джан, не отказывайся, – слезно попросила Варсеник, засовывая шкатулку в широкий карман ее ситцевого платья. Затем, перекрестившись, сказала: – Вчера ночью, сидя перед фотографией моего сыночка, я задремала ненароком, и мне приснился сон: Ашот в радостном настроении пришел домой и, крепко обняв меня, прошептал: “Бедная моя мамочка, что ты делаешь здесь одна-одинешенька среди этих чужих и холодных стен, давай я возьму тебя в отчий край, к твоим праотцам”. – “Хорошо, – обрадовалась я, – вот только возьму с собой украшения, что я хранила для твоей невесты”. – “Нет-нет, – запротестовал мой сын, – моя невеста на небесах, и никакие украшения ей не нужны, отдай их вдове погибшего, как и я, во цвете лет Рубена и попроси, чтоб зажгла свечу и помолилась во спасение наших грешных душ – Рубена и моей...” – “О каких таких грехах ты говоришь, мой невинный, как младенец, сын?” – спросила я. “А не грех ли то, что я обездолил тебя, а Рубен – жену и детей своих?..”

– Вай, матушка Варсеник! – воскликнула сквозь рыдания Србуи. – Это истинно сон праведника...

Варсеник нежно обняла Србуи и печально сказала:

– Возьми себе и бревна, привезенные Ашотом...

На следующий день Варсеник умерла. Србуи похоронила ее как родную, что стало поводом пересудов дворовых кумушек.

– И с чего бы это Србуи так расстаралась? – пожаловалась Овикиной матери жена кладовщика Минаса. – Что, Варсеник родней ей приходилась?

– Видишь те бревна, что лежат под навесом? Подари их старая карга тебе, ты бы тоже расстаралась.

– Если бы только бревна, – раздраженно бросила жена кладовщика Минаса. – Эта никчемная Србуи уже и замок повесила на дверь дома Варсеник. Поди хочет завладеть и домом.

– Этого не хватало! – взвилась Овикина мать. – Да кто она такая, чтобы по наглушке завладеть чужим имуществом?..

– Послушай-ка, ведь ты своими словами натолкнула меня на мысль: а что, если я устрою жить в бесхозном этом доме свою разведенную с мужем племянницу, дочь моей сестры?

– Как это так? – подскочила как ужаленная Овикина мать, – племянница твоя ведь не на улице осталась, у нее есть и богатые родители, и братья...

– Ну и что? – огрызнулась жена кладовщика Минаса.

– А то, что этот бесхозный дом по закону полагается моему старшему сыну, который, подвергая свою молодую жизнь опасности, трудится днем и ночью на железнодорожных путях.

– Ах вот оно что! Ну хорошо! – сжав кулак, пригрозила жена кладовщика Минаса. – Если так, завтра же пойду куда надо и выясню, каким это образом бывший продавец магазина со своими бугаями сыновьями железнодорожником вдруг заделался...

– Вай, и не стыдно тебе! Что ты такое несешь, или забыла, что мы с тобой близкие соседи? – испуганно прошептала Овикина мать.

– Раз соседи, прежде чем рот открывать, подумай хорошенько, с кем имеешь дело, – заявила важно жена кладовщика Минаса.

Через несколько дней после этого разговора во дворе раздались радостные возгласы Србуи:

– Люди, идите сюда, смотрите, чудо случилось!

И действительно случилось чудо: во дворе, прислонясь к шелковице, стоял на костылях сын Варсеник Ашот и улыбался. Заметив направленные на него странные взгляды, он сказал удивленно:

– Люди добрые, чего вы так уставились на меня, впервые, что ли, видите одноногого мужчину?

– Нет, братец Ашот, – сказала жена кладовщика Минаса. – Из-за этой проклятой войны мы уже навиделись одноногих мужчин. Нас удивило другое – вот только язык не повернется сказать...

– Говори, не тяни! – подтолкнула ее жена бухгалтера Сукиаса, – все равно рано или поздно узнает.

– Понял, – горько усмехнулся Ашот, – бедная моя мать, наверное, похоронку получила. – Затем, похлопав себя по пустой штанине, грустно произнес: – Я и вправду мертвец...

– Как ты можешь говорить такое! – еле сдерживая слезы, воскликнула Србуи. – Да я готова принести Богу в жертву что угодно, лишь бы и мой Рубен вернулся божьей милостью, как ты...

– Эх, Ашот джан, – с деланной грустью проговорила жена кладовщика Минаса. – Знал бы ты, как твоя бедная мать ждала тебя...

Будто бомба разорвалась под единственной ногой Ашота.

– Что с матерью? – спросил он, содрогнувшись.

– После получения похоронки она только и делала, что плакала дни напролет.

– Она молилась день и ночь, – подхватила Овикина мать, – чтоб ты вернулся целым и невредимым, обновил бы кровлю вашего дома, но после получения похоронки стала сама не своя и даже подарила бревна, что ты привез когда-то, никчемной этой Србуи...

– Врешь, – возмутилась Србуи, – бревна как были, так и остались на своем месте. Светлой памяти матушка Варсеник дала мне на хранение еще одну вещь, с тем чтобы я передала ее тебе, братец Ашот.

– Что за вещь? – нетерпеливо спросила Овикина мать.

– Не твое дело, – сухо бросила Србуи.

– Как это так! – взвилась жена бухгалтера Сукиаса. – Хочешь сказать, во всем дворе только у тебя у единственной душа болела за покойную Варсеник?!

– Погодите, милые соседи, – печально сказал Ашот. – После смерти матери мне ни дома, ни бревен для кровли, ничего другого не нужно. Жить здесь я больше не смогу... Только пусть кто-нибудь из вас проводит меня на кладбище и покажет могилу моей матери.

Невольно взгляды всех присутствующих обратились к Србуи.

– Братец Ашот, – взмолилась Србуи, – ты долгий путь проехал, устал, наверное, и голоден, иди домой, отдохни, а утром мы с тобой пойдем на кладбище.

– Нет, сестрица, – не согласился Ашот, – пойдем сначала на могилу матери.

Понутив голову, Србуи прошла вперед, Ашот, постукивая костылями, – вслед за нею.

С наступлением сумерек Србуи вернулась одна, неся в руке рюкзак Ашота.

– Совести у тебя нет, – набросилась на нее жена кладовщика Минаса. – Как ты могла оставить этого беднягу одного на кладбище?

– А что мне было делать? – пожала плечами Србуи. – Дал он мне в руки вещмешок и говорит: “Ты иди домой, сестрица, а у меня разговор есть с матерью...”

Поздно вечером Ашот вернулся вместе с известным в Блуре дудкистом Серобом. Всю ночь до рассвета из его дома доносились скорбные звуки дудука.

В полдень следующего дня Ашот отдал ключи от своего дома Србуи и ушел навсегда.

***

Неожиданное появление в нашем дворе этого мерзкого типа вызвало много разноречивых кривотолков. Однако преобладающим по убедительности фактов оказался вариант жены кладовщика Минаса.

– С бесстыдником этим Минас мой лично знаком. Его недоброй памяти отец, по кличке Помет, был известным на весь Блур голубятником. Потому его и зовут Сын Помета...

– Ладно, с этим, положим, разобрались, – хмыкнула жена бухгалтера Сукиаса. – А эта пава, интересно, где она-то подцепила его?

– В городском транспорте, – ввернула жена кладовщика Минаса. – Минас мой говорит, что проклятый этот Сын Помета неизлечимо болен.

– Хорош больной! – сыронизировала жена бухгалтера Сукиаса. – Посмотришь на него – высокий, плечистый здоровяк, аж зависть берет...

– Болезнь его невидимая.

– Припадочный, что ли?

– Нет, Минас мой говорит, что он из тех мужчин, что, в транспорте ли, в разных ли очередях или других многолюдных местах, подбираются к незнакомым женщинам и лапают их ниже спины...

– Гм-м, – произнесла многозначительно жена бухгалтера Сукиаса. – Я уже догадываюсь, как началась их близость. Но только не пойму: как спускают ей это откровенное беспутство ее шальные сыновья.

– Мой Минас говорит, что вначале они стали на дыбы, но отец живо приструнил их, дескать, пусть не забывают, что броню они заимели благодаря Сыну Помета.

– А собственно, кто он такой, Сын Помета?

– Да потише ты, – одернула ее жена кладовщика Минаса и боязливо прошептала: – Он в кагэбэ работает.

– Ах вот оно что! – в ужасе воскликнула жена бухгалтера Сукиаса. – А я-то думаю, чего это наша пава, споря с кем-нибудь, завершает перепалку угрозой: “Ну хорошо, посмотрим!..” А недавно она нахамила даже бедному вардапету*.

– За что?

– Она ему, мол, заслуг у него в деле строительства нашей рабоче-крестьянской страны кот заплакал, но двухкомнатную квартиру сумел-таки себе отхватить.

– Стало быть, она зарится на его квартиру.

Вардапет не был старожилом нашего двора, однако в предвоенные годы часто приходил навещать овдовевшую после геноцида свою болезненную сестру. Очевидцы вспоминали, как молодые женщины и девушки буквально теряли голову, когда этот красивый и статный мужчина в одежде священнослужителя степенно шел по нашему двору.

– Ах, какой был очаровательный мужчина! – воскликнула, закатывая глаза, жена кладовщика Минаса.

– А чем он сейчас хуже? – подлила масла в огонь жена бухгалтера Сукиаса.

– Что ни говори, он все равно уже не тот, – возразила жена кладовщика Минаса. – Тогда и мы были молоды, и он еще оставался вардапетом...

– Разве мужественность зависит как-то от священнического сана?

– А кто он сейчас – расстрига... Без рясы, бороды и усов, скажу я тебе, он ничем не отличается от этого бугая, мужа нашей павы.

– Смени пластинку, она сюда идет, – прошептала жена бухгалтера Сукиаса, кивнув на Овикину мать.

– Эй, трещетки, о чем вы тут судачите? – подойдя к ним, вполухотку-вполусерьез спросила Овикина мать.

---

* Вардапет – архимандрит.

– Да толковали о том, что вардапеты дают обет безбрачия и не имеют права ложиться с женщиной, – с ходу сочинила жена кладовщика Минаса.

– Если они в состоянии, то всякие там обеты им до лампочки, – убежденно сказала Овикаина мать и добавила: – А наш-то вардапет еле ноги волочит, ему и подавно женщины не нужны.

– Хорошо, хоть ноги еще волочит, – сказала жена бухгалтера Сукиаса, – если вспомнить тот ужас, что он пережил...

– Думай что говоришь! Наша рабоче-крестьянская партия и самое гуманное в мире правительство не станут на пустом месте травить человека, – строго выговорила Овикаина мать.

– Бедняга десять лет мыкался по сибирям.

– Сам виноват, пусть сказал бы, где спрятал золото...

– Золото? – удивилась жена кладовщика Минаса. – И где оно сейчас?

– Да почему мне знать! – возмутилась Овикаина мать. – Что, я казначей его?

– У него же нет ни одной родной души, кому ж оно достанется, умри он?

– Не смекнула еще? – фыркнула Овикаина мать. – Той, кому досталось все имущество Варсеник.

– Да, наверняка, – согласилась жена бухгалтера Сукиаса. – Эта Србуи, пропади она пропадом, теперь уже весь день хлопочет у него – стирает, убирает, готовит...

– По-моему, Србуи тут ни при чем. Просто вардапет не доверяет нам, – заключила жена кладовщика Минаса.

– Ну, это мы еще поглядим, кому он доверяет, – угрожающе воскликнула Овикаина мать.

Спустя несколько дней, в полночь, во двор со зловещим урчанием въехал черный автомобиль КГБ. Из него выскочили Сын Помета и еще какой-то тип и, не постучавшись, ворвались в дом вардапета.

Вардапет, сидя в протертом кресле, читал Библию под керосиновой лампой. Незнакомец, угрожающе размахивая удостоверением в красном переплете, жестким голосом представился:

– Ответственный работник Комитета государственной безопасности Армянской Советской республики майор Артем Осипов.

– Уважаемый майор, чем я, недостойный, удостоился вашего внимания? – прижимая к груди Библию, спросил вардапет.

Майор достал из кармана какую-то бумажку.

– Это ордер на обыск.

– Много лет назад вашему покорному слуге уже доводилось ознакомиться с подобным документом. Господь наш Христос говорил: “Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть царство небесное”.

– Молчать, классовый враг, продавец опиума! – яростно взмахнув кулаком, вскричал Сын Помета.

– Что я классовый враг – факт неопровержимый, – с горькой усмешкой пробормотал вардапет, – а что продавец опиума – клевета целиком и полностью...

– Так ты считаешь клеветой учение основоположника научного коммунизма, гениального Карла Маркса, который говорил, что религия – это опиум для народа.

– Короче говоря, – вмешался майор, – если не хочешь снова в Сибирь, тогда скажи как на духу, куда золото спрятал...

– Мое золото там, где мое сердце, – сказал вардапет, указывая на небо.

– Ты что, мать твою, издеваешься?..

– Никоим образом. Как преданный богу христианин я не мог собирать себе “сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут”.

– Сволочь! – прошипел в бешенстве майор и с силой ударил вардапета в челюсть.

Кресло перевернулось, и вардапет, потеряв сознание, упал на пол. Сын Помета грубо пнул его ногой. Придя в себя, вардапет пробормотал:

– К вам обращаю слова Господа нашего Христа: “Если говорил я плохо, засвидетельствуй, что это плохо, а если хорошо, то зачем ты бьешь меня...”

Майор кивком головы подал знак Сыну Помета, тот, схватив вардапета за ворот, поставил его на ноги, прижал к стене и зашипел:

– Так скажешь ты, наконец, где золото?

Вардапет молчал. Окровавленное лицо его кривила усмешка.

– Говори! Что молчишь, сволочь?! – ударив еще раз, взвизгнул майор.

– Можете возложить мне на голову терновый венец, можете издеваться сколько угодно – все равно я не буду отвечать вам, нечестивцам, ибо молчал и Господь наш Христос перед неправедным Пилатом...

– Слушай, а кто этот Пилат?

Сын Помета пожал плечами.

Майор направил дуло пистолета на вардапета.

– В последний раз спрашиваю: где ты спрятал золото?..

– Стреляйте, я не боюсь, ибо Господь наш Христос говорил: “Бойтесь более того, кто имеет власть и душу и тело погубить в геенне...”

– Да разве ж мы не власть, козел вонючий?

– Нет, вы не власть, вы дети Мамоны, ибо алчностью своей вы оквернили землю – подножие ног Господних. Господь гневается на вас и взыщет за ваши грехи... И когда, разгневавшись, Пилат сказал Иисусу: “Не знаешь ли, что я имею власть распять тебя?”, Сын божий отвечал: “Ты не имел бы надо мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше, посему более греха на том, кто предал меня тебе”.

– Проклятый пес, значит, ты не хочешь сказать, куда запрятал золото, являющееся всенародной собственностью?!

– Нет у меня золота, – застонал в ответ вардапет.

– По поступившей к нам достоверной информации – есть! – заорал Сын Помета.

– Пилат сказал Сыну Божьему: “Твой народ и первосвященники предали тебя...” – проговорил слабым голосом вардапет.

– Да будь прокляты и Господь твой, и Пилат, мать твою! – И майор с размаху пнул вардапета.

Вардапет вновь очутился на полу без сознания.

Ничего не обнаружив после тщательного обыска, они бросили истерзанного священника в кузов своего автомобиля и увезли.

***

Всякий раз, намереваясь подтрунить над бабушкой, дед, кашлянув, спрашивал:

– Ну и что, Мгерова дочь, будет с миром этим?..

– Что у тебя опять на уме, говори, пока не забыл, – переходила в наступление бабушка.

– Ты вот всех уму-разуму учишь, а себе и капли не оставила...

– Положим, оставила бы, а дальше что ?

– Тогда, может, ты и не вспомнила бы сегодня о шельмоватой этой гадалке, жене портного Гаро...

– А тебе-то что? – возмущалась бабушка.

– Как это что? – усмехался дед. – Помню, когда мы венчались, поп спросил: “Будешь ты мужем ей, сынок?” – “Да”, – ответил я.

– И охота тебе вспоминать... – недовольно вздыхала бабушка.

– А ты, Мгера дочь, разве неохотно идешь к этой шельме, чтоб она погадала тебе?

И когда, наконец, терпение у бабушки лопалось, она в знак протеста молча покидала поле боя.

Так же она поступила и в этот раз. Сняла с себя ситцевый фартук, бросила его на колченогий кухонный стул и быстрым шагом пошла к дому бухгалтера Сукиаса. Я сразу же смекнул, в чем дело. Жена портного Гаро занималась гаданием в доме бухгалтера Сукиаса.

Тайком я последовал за бабушкой.

Поднимаясь по лестнице веранды бухгалтера Сукиаса, она заметила меня и, перекрестившись, воскликнула:

– Свят, свят, а ты откуда взялся?

– Не сердись, ба! – взмолился я.

– Но если дед твой узнает, со свету меня сживет.

– Клянись отцом, не узнает...

– Вай, жизнь отдам за моего сыночка! – прерывисто дыша, отозвалась бабушка, затем шепнула мне: – Хорошо, пойдем, но ты будешь тих и нем.

В одной из просторных комнат верхнего этажа Сукиасова дома, в центре усевшихся кругом женщин, низкорослая и полная жена портного Гаро, опершись на отороченную золотистой бахромой мутаку, шумно прихлебывала чай вприкуску и, щуря мелкие подвижные глазки, говорила:

– Я говорю этим бабам с Блура: “Имейте совесть, отпустите меня. Ведь и у других родные воюют на фронте. Что с того, что вы больше платите. Ведь не ради денег я использую свой богоданный дар... А одна из них-де: “Что ж ты не учиываешь, сестрица, что у нас намного больше мужчин воюют на фронте...”

– Ха, нашли чем хвастать – своими никудышными мужьями... – бросила презрительно Овикаина мать.

– Напрасно ты так, – оборвала ее Србуи, – для каждой женщины ее мужчина – бог...

Овикаина мать одернула было Србуи, но тут жена портного Гаро, сделав последний глоток, строго сказала:

– Замолчите, начинаю.

– Как это начинаешь, если луны еще не видать? – возразила Србуи со свойственной ей наивностью.

– Что за ужасная подозрительность! – хлопнув себя по толстым ляжкам, воскликнула жена портного Гаро.

– Помолчала бы ты лучше, неверующая невежда, – поддержала ее жена кладовщика Минаса. – Неужто наша богоизбранная сестра хуже тебя разбирается, появилась луна или нет?

– И то правда! – в сердцах добавила жена бухгалтера Сукиаса.

– Черного кобеля не отмоешь добела, – заключила Овикаина мать.

– Будет тебе, – поднося к вспотевшему лицу цветастое полотенце, осадила ее жена портного Гаро, – из-за проклятой этой войны бедная, видать, совсем голову потеряла, да и откуда ей знать, что с божьей помощью луну я вижу и в дневное время...

Србуи попыталась оправдаться:

– Но ...

– Никаких “но”! – воскликнула жена портного Гаро. – Чем глупости болтать, сядь и положи правую руку на мое колено.

Србуи молча исполнила ее требование. Пухлая рука жены портного Гаро медленно скользнула меж ее пышных грудей и достала из-за пазухи перстень червонного золота. Внимательно изучив его, она сказала Србуи:

– Богоданный мой перстень ясно показывает, что ты обещала принести жертву...

– Да, верно, – смущенно прошептала Србуи. – Как только рассветет, пойду к вашим, куплю большого петуха...

– Смотри не ошибись, чтобы потом не рвать на себе волосы, – предупредила жена портного Гаро, затем, взглянув на перстень, зажатый между ее большим и указательным пальцами, сказала: – А говорили, что Рубен твой погиб...

– Кто говорил? – возмутилась Србуи. – Похоронку, да, получили... Но ее и Варсеник получила, но видали, что было потом...

– Ну да ладно, не мешай, – одернула ее жена портного Гаро и, уставившись на свой перстень, покачала головой: – Вот он, Рубен твой, жив-здоров, сидит в окопе, курит и тревожится о своей семье...

– Да сойдет на тебя божья благодать, сестрица! Значит, и вправду жив мой Рубен...

– Вот он отложил в сторону оружие и вышел из окопа...

– Пусть сопутствует ему удача! – радостно воскликнула Србуи.

– Замолчи, не мешай, – одернула ее жена портного Гаро и, отводя изучающего взгляда от перстня, продолжала: – Но постой-постой, куда это он свалился, бедный твой Рубен?..

– Вай, ослепнуть мне! – жалобно запричитала Србуи. – Куда, куда он упал?

– Думаешь, легко определить? – пожаловалась жена портного Гаро. – С одной стороны огонь, с другой – вода...

– Вай, Рубен джан! – в ужасе завопила Србуи.

– Да уймись ты, наконец, пускай закончит, – вмешалась Овикина мать.

– И то правда, помолчи, посмотрим, что будет дальше... – вернула жена бухгалтера Сукиаса.

– А что еще может быть, – пробормотала сквозь рыдания Србуи, – если с одной стороны огонь, а с другой – вода ...

– Если ты и дальше будешь мне мешать, перестану гадать и – айда с вашего двора! Женщины с Блура все глаза проглядели, ожидая меня, – пригрозила жена портного Гаро.

– Нет-нет, не делай этого, бога ради, – поглаживая влажные от пота волосы жены портного Гаро, взмолилась жена бухгалтера Сукиаса и, бросив уничтожающий взгляд на Србуи, сказала:

– Надоела, ей-богу! Или ты думаешь, только у тебя одной воюет на фронте родной человек...

– И не скажи, – поддержала ее Овкина мать.

– Слушайте, – обратилась ко всем жена портного Гаро, – когда отец небесный подвергает вас испытанию, каждый должен искать утешения сам по себе, поняли?..

– Поняли, – хором ответили все.

Жена портного Гаро, снова вперив изучающий взгляд в перстень, радостно воскликнула:

– А вот и ангел Господень явился и протянул волосяной мост через огненную реку, чтобы Рубен твой достиг спасительного берега... Ты тут все плачешься, что он беспомощный, а поглядела бы, как он ловко бежит по этому мосту – любому удалцу на зависть. Ну, Рубен джан, еще несколько шагов, вот так, а теперь прыгай, гоп, все – спасен!..

– Вай, всяческих благ тебе и твоему богоданному перстню, – радостно завершала Србуи.

– Смотри не забудь принести обещанную Богу жертву, – сказала жена портного Гаро и обратилась к присутствующим: – А теперь сами решайте, чья очередь...

– Моя, – тут же отозвалась жена кладовщика Минаса и поспешно заняла место Србуи.

– Ну и ну! И кто же это из твоих родных воюет на фронте? – хмыкнула жена бухгалтера Сукиаса.

– Как это так, – возмутилась жена кладовщика Минаса. – А Сарибек наш, сын родного брата моего Минаса? Или проливаемая им кровь – водица?

– А есть ли семья у сына родного брата твоего Минаса? – спросила жена портного Гаро.

– Да откуда?.. Чтоб ты сдох, Гитлер! Не успел он из-за этого кровопийцы...

– Это хорошо, что у него нет семьи, – значит, быстрее закончу. А ты сядь, руку положи мне на колено и опиши, какого цвета волосы и глаза у сына брата твоего Минаса.

– Волосы – цвета воронова крыла, глаза – небесно-голубые, плечистый, рослый...

– Хватит! – отрезала жена портного Гаро, – его плечи и рост меня не интересуют. А на каком фронте он воюет?

– Не знаю, последнее письмо было из Керчи.

– Понятно, – сказала жена портного Гаро и, взглянув на перстень, тревожно воскликнула: – Ох ты Господи помилуй! Как сильно волнуешься ты, Черное море, пенишься и яростно бьешься о берег! А вот и наш холостяк Сарибек. Сидит в углой лодке и гребет руками к берегу...

– Кому же грести, как не ему! Могуч, как Давид Сасунский, – воодушевленно воскликнула жена кладовщика Минаса. – Помню, как-то раз поехали мы на Севан...

– Не мешай, – не отрывая глаз от перстня, оборвала ее жена портного Гаро. – Вот он достиг берега и теперь умывается морской водой...

– Конечно будет умываться! Он у нас всегда был чистюлей, – вновь встряла жена кладовщика Минаса. – Помню, как придет с работы, сразу скидывает рабочую одежду и бежит к умывальнику...

– Следующая! – чуть ли не вырвав деньги из рук жены кладовщика Минаса, крикнула жена портного Гаро.

– Так быстро? – удивилась жена кладовщика Минаса. – Хотя бы сказала, что стало с Сарибекком после того, как он морской водой умылся.

– А что с ним станется после того, как он морской водой умылся? – удивилась жена портного Гаро. – Согласно богоданному моему перстню нет смерти фронтовику, который умылся морской водой, поняла?

Жена кладовщика Минаса невольно кивнула головой.

Следующей была жена каменотеса Бардуха. Загодя сунув деньги во влажную ладонь жены портного Гаро, она молча села и положила свою бледную руку на ее толстое колено.

– Имя мужа твоего, – строго спросила жена портного Гаро.

– Бардухимеос.

– Длинное-то какое!

– Так его назвал мой свекор.

– Сколько у тебя детей?

– Семеро.

– Много.

– Бардух мой говорил: “Не то еще будет, обязательно обойду своего деда”.

– А разве не знал он, что война идет...

– Да откуда же было знать такое бедному каменщику! Он ведь не водился с этим проклятым фашистом Гитлером или с коммунистом товарищем Сталиным.

– Что за антисоветчину ты несешь! – вскричала Овикина мать, ущипнув жену Бардуха.

– Антисоветчину?! – ужаснулась жена каменотеса Бардуха.

– Чтоб ты сдохла! Как ты посмела произнести рядом с именем великого и мудрого вождя всего трудового человечества, нашего родного отца товарища Сталина гнусное имя фашиста и кровопийцы Гитлера!..

– А ну проваливай отсюда, пока Бог не разгневался, – угрожающе зашипела жена портного Гаро.

Жена Бардуха в замешательстве пошла было к выходу, но вдруг, вспомнив о чем-то, повернулась и недовольно буркнула:

– А мои деньги?

– Слышали? – обратилась ко всем жена портного Гаро. – Нет чтобы убраться подобру-поздорову, так она денег просит.

Жена Бардуха торопливо вышла вон.

Очередь дошла до Санам из Алашкерта. Жена портного Гаро, недовольно глянув на потрепанные деньги в ее руке, спросила:

– Где ты нашла эту древнюю денежку?

– Я ее не находила, эта наша последняя сторублевка.

– Гм-м, – протянула жена портного Гаро и, взглядываясь в перстень, недовольно пробормотала: – Что это за город, прости Господи, весь в огне и в дыму?

– Керчь, наверное, последнее письмо от моего Айро мы получили оттуда, – сказала Санам из Алашкерта.

– И верно, Керчь, – подтвердила жена портного Гаро. – А вот и твой Айро – сидит живой и невредимый в окопе и только хочет высунуть голову из окопа, как проклятые фашисты начинают стрелять...

– Да отсохнут руки и ослепнут глаза у тех, кто стреляет! – прокликает Санам из Алашкерта. – Что плохого им сделал мой бедный Айро?

– Тоже мне нашла оправдание, – усмехнулась Овикаина мать. – На то и война, чтоб стреляли друг в друга...

– Да не мешайте же мне, у меня ни охоты, ни времени нет на ваши разговоры, – не отрывая взгляда от перстня, осадил женщину жена портного Гаро и затем радостно объявила: – Враг прекратил стрельбу...

– Перерыв, наверное, – заключила Санам из Алашкерта.

– Ты что, умом тронулась? – фыркнула Овикаина мать, – какой перерыв на фронте!

– А что, те, кто воюет, из камня сделаны? Вместо хлеба и воды воздухом питаются? – сказала Санам из Алашкерта.

– Да замолчите же, наконец! – прикрикнула на женщин жена портного Гаро и затем сказала Санам из Алашкерта: – Мой богоданный перстень показывает, что после того, как прекратилась стрельба, твой Айро перевел дух, отложил винтовку в сторону и закурил...

– Но мой Айро никогда не курил, – возразила Санам из Алашкерта.

– Ну и что с того! – возмутилась жена портного Гаро. – Человек оставил пятерых ребятишек и отправился на фронт – да тут любой закурит, поняла?

– Поняла, – плаксиво ответила Санам из Алашкерта и горестно запричитала: – Ой, Айро джан, родимый, как же извела тебя тоска по дому, что ты курить начал...

– Прекрати! А если Айро вдруг услышит твой плач через богоданный мой перстень? Представляешь, что с ним будет?

– Вот, – закрыв рот ладонью, прошептала Санам из Алашкерта, – пускай ослепну, если пикну...

Жена портного Гаро утерла потный лоб и обратилась к присутствующим:

– Чья теперь очередь?

– Моя, – сказала бабушка.

– Ура! – радостно завопил я, подпрыгивая.

– Господи, – недовольно поморщилась жена портного Гаро, – чей этот пацан?

– Внук мой, – смутилась бабушка.

– В этот час его ровесники спят.

– Вообще-то он поздно ложится.

– Ну это меня уже не интересует, – сухо сказала жена портного Гаро.

– Карен, сынок, иди домой, – взмолилась бабушка.

– Пойду, но спать не буду, – угрожающе взглянув на жену портного Гаро, я победным шагом направился к выходу.

***

С утра следующего дня зарядил монотонный осенний дождь, но бабушка, надев свое старенькое пальто и накинув на голову черную шаль, собралась уходить.

– Его, пошла я, – сказала она деду.

– Куда, дочь Мгера? – удивился дед.

– На богомолье в Цахкеванк. Вчера вечером богоданный перстень жены портного Гаро показал, что жизнь нашего сыночка в опасности... Пойду свечу поставлю и помолюсь.

– Мгерова дочь, если ты хочешь свечу зажечь и помолиться – вон она, церковь Сурб Саргиса, совсем рядом...

– В Сурб Саргис я хожу каждый день.

– Да, но как ты одолеешь в такую непогоду этот неблизкий путь?

– Непогода и длинная дорога не помехи для паломничества...

– Для тебя помехи, дочь Мгера, ведь у тебя большое сердце.

– Господи помилуй, – перекрестилась бабушка, – значит, наш сынок там находится в опасности, а я тут должна думать о своем большом сердце?

Моя бабушка, почти никогда ничего не делавшая наперекор воле деда, в тот день поразила меня своей непреклонностью. И когда рассерженный дед, махнув рукой, вышел на веранду, я шепотом попросил бабушку:

– Ба, а можно и мне с тобой?

– Нет, сынок, – возразила она, – дождь и ветер на дворе. Вот придет весна – тогда и пойдем с тобой.

– Пока весна придет, будет уже поздно...

– О чем ты это?

– Сон, – экспромтом сочинил я.

– Какой еще сон, сынок? – забеспокоилась бабушка.

– Этой ночью мне приснился отец, – выпалил я и пошел сочинять дальше: – С удочкой, что смастерил для меня дед, спустился я к речке рыбу ловить, и вдруг навстречу мне всадник, весь в белом...

– Ну и?.. – поглаживая меня по голове, нетерпеливо спросила бабушка.

– Он подошел ко мне и спросил: “Чей ты сын?” Я сказал: “Симона из Вана, который пятилетним мальчиком во время Большой резни прошагал нога в ногу с матерью весь путь из Вана до святого Эчмиадзина, ни разу не ойкнув”.

Хотя и о близком к фольклору по форме изложения вышеупомянутом факте я неоднократно слышал от нее самой, однако в тот миг волнение бабушки было столь велико, что она, проигнорировав вопрос “авторского права”, нетерпеливо спросила:

– Ну и чем же кончился твой сон, сынок?

– Затем всадник, высоко подняв в руке крестообразный меч, сказал: “Если ты действительно сын Симона, то попроси от моего имени свою благочестивую бабушку, чтобы она, отправляясь на богомолье, брала тебя с собой...”

– Вай, душу бы отдала за твой сон! Ведь то был Сурб Саргис, – боязливо перекрестилась бабушка. – Оденься-ка потеплее и пойдем.

Когда мы выходили, дед возмущенно спросил:

– Куда ж ребенка-то с собой берешь?

– Если узнаешь, какой ему сон привиделся, слова поперек не скажешь...

– Послушай, дочь Мгера, меня не сон его заботит, а то, что ты надумала в такую-то непогоду взять его с собой к черту на кулички.

– Свят, свят, свят, – боязливо трижды перекрестилась бабушка.

– Ах ты безбожник, да как у тебя язык повернулся святое место именем черта называть...

– Правду говорят, что если Бог кого-то хочет наказать, то он его лишает разума, – фыркнул дед и вышел на веранду.

И вот мы с бабушкой молча шагаем по каменистой дороге. Согласно бабушкиной программе мы до наступления темноты должны были добраться до Егварда, переночевать в доме моего дяди и рано утром подняться к Цахкеванку, что находится у подножия горы Ара.

После ночного дождя утреннее осеннее солнце слабо грело. Бабушка радостно сказала:

– Видишь, сынок, какой сегодня день погожий? Это значит, что наше паломничество угодно Господу Богу.

– Ба, что значит паломничество?

– Паломничество, сынок, это обет и клятва, что дает смертный царю небесному.

– Зачем?

– Чтобы волею царя небесного исполнились мечты сынов Адамовых...

– А без царя небесного невозможно?..

– Нет, сынок, без его воли даже муравей не может исполнить свое желание.

– Не может, так как нет у него ни разума, ни языка.

– Не говори так, сынок. Всякое живое создание имеет и разум, и язык.

– А почему тогда люди не понимают языка животных?

– Э, сынок, а разве друг друга они понимают?.. – вздохнув, сказала бабушка.

Прошагав молча какое-то время, я сказал:

– Ба, я хочу научиться языку волков.

– Волков? – недоуменно переспросила бабушка. – Для чего это тебе, сынок?

– Я покажу в цирке такие номера, что зрители окаменеют от удивления. Например, в загон с овечьим стадом я пушу стаю волков.

– О Господи, – перекрестилась бабушка, – да они окаменеют единственно от твоей жестокости...

– А вот и нет. Ведь волки не съедят овец.

– Как это?

– Очень просто. Я научу волков с помощью их языка не трогать овец...

– Ты хочешь сделать доброе дело, сынок, но человек не в силах убедить волка...

– Почему?

– Потому что овца от века создана царем небесным в корм волку...

– А почему он совершил такую ошибку?

– Прости, Господи, тысячу раз прости! – Бабушка мелко перекрестилась и сказала мне с укором: – Карен, если ты будешь продолжать свою сатанинскую болтовню, то мы тут же повернем обратно.

Угроза бабушки так подействовала на меня, что я промолчал всю дорогу до деревни.

Ночь мы проспали в дядином доме, а утром бабушка разбудила меня.

– Вставай, сынок, нам надо пораньше выйти в дорогу, чтобы успеть вернуться засветло.

Горная тропа, ведущая к церкви, становилась все круче, и чтобы как-то поддержать бабушку, я запел.

– Прекрати, – задыхаясь от ходьбы, строго одернула она меня, – не на свадьбу идем...

Лицо у нее побледнело, глаза налились кровью, губы посинели.

– Бабуль, ты устала, сядь, отдохни немного, – попросил я ее.

– Нет, сынок, как так можно, чтобы паломник устал, – возразила она, тяжело дыша.

– Но ты и вправду устала, ба.

Горькая улыбка еще больше обозначила мелкую сетку морщин на ее лице.

– Сердце у меня больное, сынок, не выдерживает подъема.

– Если не выдерживает, то давай вернемся...

– А как же богомолье – бросить на полпути?

– Ну присядь хотя бы на несколько минут, отдышись, – вновь попросил я ее.

– Нет, сынок, если присяду, уже не встану...

Шагавшая рядом с нами статная миловидная девушка, которая, наверное, слышала наш разговор, взяла бабушку под руку и сказала с мягким укором:

– Разве ты не знаешь, майрик, что с больным сердцем нельзя подниматься в гору?

– Знаю, дочка, знаю, но я обещала царю небесному зажечь свечу в Цахкеванке и помолиться за моего единственного сыночка, который сейчас находится на фронте...

– Братишка, – обратилась девушка ко мне, – возьми ее под руку с другой стороны.

Когда мы наконец с большим трудом одолели подъем, девушка с улыбкой простилась с нами.

Бабушка достала из сумки завернутые в черную тряпку две свечи: одну она протянула мне, другую зажгла сама и начала молиться. В тот миг ее бледное лицо зарделось, а дрожащие губы порозовели...

На обратном пути настроение у бабушки было отличное. Она вспоминала разные смешные истории из жизни ванцев, шутила и весело смеялась.

Едва мы успели, обойдя деревню, выйти на наезженную дорогу, ведущую в Ереван, как с громким скрипом с нами поравнялась запряженная в волю телега. Небритый молодой возница в линялой солдатской гимнастерке и изношенных сапогах мурлыкал что-то грустное под монотонный скрип колес, время от времени стегая заезженных волов.

– Пстой, сынок! – окликнула его бабушка.

– Чего тебе, старая? – остановив телегу, недовольно спросил возница.

– В Ереван едешь?

– А куда еще можно ехать по этой проклятой дороге?..

– Не сердись, сынок, – мягко сказала бабушка. – Прошу, возьми и нас с внуком, я заплачу.

– Какая еще плата, фаэтонщик я, что ли, или шофер-шабашник... Хотите в Ереван – садитесь вон на те мягкие мешки.

– Большое спасибо, сынок, дай тебе Бог долгой жизни и удачи во всем.

– Э, майрик джан, отвернулась от меня удача, – тяжело вздохнув, отозвался возница.

– Молод ты, грешно так говорить, сынок.

– Почему грешно?

– Да потому что жизнь у тебя впереди.

– Ха, – глухо проговорил возница, – жизнь моя осталась там, на фронте...

– Ты, конечно, извини меня, сынок, – мягко возразила бабушка, – но как так жизнь на фронте оставил, если сейчас ты жив-здоров и управляешь телегой?

– Здоров? – Расхотавшись как полоумный, он несколько раз сильно стеганул кнутом себя по правой руке. – Вот как я здоров – ни руки, ни боли!.. И если бы только это!

– А что еще, сынок? – жалостливо спросила бабушка.

– Вот она где, моя рана, боль неизлечимая, – срывающимся голосом выдохнул он, указывая кончиком кнута на грудь. – Пока я воевал, дружок мой, подлая душа, женился на возлюбленной моей, сучке этой...

– Чтoб ты сдох! – повернувшись в сторону деревни, прокляла бабушка заочно “подлую душу”. – Неужели в вашем селе не нашлось другой, что глаз положил на любимую своего ушедшего на фронт друга...

– То же самое сказал и я этому поганцу, а он-де: “Я не виноват, она сама мне на шею вешалась...” – “Правду он говорит?” – спрашиваю я эту сучку. – “Да, – говорит, – от тебя долгое время не было вестей, я и подумала, что ты погиб”. – “Хорошо, – продолжаю, – а будь ты, скажем, незамужем, а я вернулся с одной рукой – вышла

бы ты за меня?” – “С какой такой радости! Что я, рябая или косая, чтоб за однорукого выходить!”

– Убить ее мало, бесстыжую, – возмутилась бабушка.

– Вот так, майрик джан, – жалобно заключил возница и сильно стегнул волов.

– Колхозные? – указывая на них, спросила бабушка.

– А чьи еще? – усмехнулся он горько. – Разве кто допустит, чтобы крестьянин сегодня хозяином волов стал? Эту телегу мне, как инвалиду войны, доверили специальным решением правления колхоза. А недавно встретила мне сучка эта и с усмешкой говорит: “Небось доволен? Взамен утерянной руки телегу получил...” Внутри у меня все вскипело, но смолчал я...

– И правильно сделал, сынок, – одобрила бабушка, – с такой очага не затеплишь, сынок.

– Знаю, майрик джан, только вот сердце свое не могу уговорить, – сказал он горестно.

– Не горюй, сынок, время его уговорит, – утешила бабушка.

Было уже темно, когда мы добрались до дома. Дед вышел нам навстречу и, поглаживая ус, сказал шутливо бабушке:

– Ну как, Мгерова дочь, свечу свою полностью сожгла или приберегла половину до следующего раза?

Относящийся к вере любой дурной намек, произнесенный даже в шутку, воспринимался бабушкой как святотатство. Возмутилась она и на этот раз:

– Всегда говорила и буду говорить, что все наши беды – от твоего безбожия ...

Против обыкновения, дед не рассердился и, мягко улыбаясь, сказал:

– Дочь Мгера, ты со своим больным сердцем долгий путь прошла, пойдй ляг, отдохни...

Бабушка молча прошла в спальню. Я вышел во двор. Под шелковицей стоял, понурясь, Овик.

– Случилось что? – спросил я.

– Да, у нас дома траур, – сказал он.

– Почему?

– Мой старший брат купил новый обеденный стол, а отец ему: “Ты что, надумал отделиться от нас?” – “Да, – ответил брат, – именно потому и купил”.

Тут во дворе, выписывая кренделя, появился пьяный в дым кладовщик Минас и подошел к нам:

– А вот и наш Левон Мадоян*, – погладив Овика по голове, сказал он. – Достань-ка, сынок, из-за пояса свой дудук и сыграй что-нибудь задушевное.

– Не могу, – печально ответил Овик. – Сегодня у нас в доме траур.

– Умер кто-то, что ли?

– Нет, мой старший брат обеденный стол купил, хочет отделаться...

– Ха-ха-ха! – разразился хохотом кладовщик Минас. – Вот что я скажу Левону Мадояну нашего двора: это не траур, а праздник, настоящий праздник для твоего дурака брата и его толстозадой жены... Ну да ладно, ты давай дуди!

– Что сыграть? – вынужденно уступил Овик.

– Что за вопрос! Или запомятовал любимую песню своего дяди Минаса?

Едва Овик коснулся губами своего дудука, как кладовщик Минас принялся подпевать хриплым голосом и приплясывать, паясничая.

– Каре-ен! – разнесся по двору громкий крик моего деда.

Я бросился к деду, неподвижно стоявшему на веранде.

– Что случилось?

Он крепко схватил меня обеими руками за плечи и, пряча затуманенный взгляд, зарыдал:

– Карен, рухнул наш дом...

Очнулся я в кровати с холодной примочкой на лбу.

– Как ты? – склонилась надо мной мать.

***

Спустя несколько дней после смерти бабушки к нам во двор усталым, неверным шагом вошел наш почтальон и, подойдя к стоявшей возле дворового крана Овикиной матери, что-то сказал ей вполголоса.

– Нет, не мое это дело!.. – воскликнула та и показала на меня: – Вон их мальчик...

---

* Известный дудукист.

Почтальон подошел ко мне и, протянув какой-то серый конверт, прошептал:

– Отдашь это вашим...

С конвертом в руке я вошел в дом.

Дед, по своему обыкновению перебирая четки, ходил взад и вперед по веранде. Я молча протянул ему конверт.

– Что это? – недовольно спросил он, повертев конверт в руке.

– Не знаю, почтальон принес...

Дед не спеша достал из кармана свои очки с потресканными стеклами и взглянул на конверт. Жилы на его морщинистом лице вздулись еще больше, и в следующее мгновение конверт в его натруженной руке превратился в серую массу...

– Дед, что это за конверт? – испуганно спросил я.

– Карен, – зарычал он, – никакого конверта ты не видел, понял?..

Я молча кивнул головой.

Он крепко-крепко прижал меня к себе, и, с несвойственной ему нежностью погладив меня по голове, сказал:

– Смерть моя уже за порогом, и пока она не переступила его, матери о конверте ничего не говори...

Смерть деда и вправду была очень близка. Он умер через несколько дней после получения похоронки...

***

– Люди, радуйтесь, ликуйте, война окончилась! – первой добрую весть у нас во дворе огласила Овикина мать, и уже в следующую минуту отовсюду раздались ликующие возгласы и крики.

Во двор под оглушительные звуки зурны и доола вошел в чьем-то пиджаке, увешанном орденами и медалями, кладовщик Минас и, широко раскрыв объятия, воскликнул:

– Эгей, дорогие мои соседи, кутила Минас просит вас спуститься во двор! Будем петь, плясать и веселиться!

Вмиг двор наш превратился в своеобразную танцплощадку, где мозабенно пели и плясали мужчины и женщины, старики и дети...

А те, для кого война окончилась намного раньше, остались безучастны к этому буйному празднеству...

СВЕТЛАНА СОЛОЖЕНКИНА

Из стихов об Армении

***

Армения выходит из Союза!
Она права,
сто тысяч раз права.
Но кто порвет мучительные узы
духовного родства?!
Кто виноват,
что неделимо горе?
Что сердце – остров,
а не материк?
Тогда из берегов выходит море,
когда не слышат
тонущего крик.

***

Последняя надежда армянина –
Господь.
А предпоследняя –
Россия.
Что делать нам,
как оправдать ее?!

***

Отдельной правды нет.
Все в мире ложно,
когда страдает хоть одна душа,
И это – неизменно, непреложно.
Не строят дом на лезвии ножа.

***

Не ведаем ни дня, ни часа,
но всходит черная звезда,
и вот – напевы Комитаса
мои отныне навсегда.

Постигнув азбуку страданья,
я это знание не предаю,
мы все читаем в мирозданьи
любовь и нежность по складам.

***

Я помню озеро Севан,
каким оно когда-то было –
о чем сама Земля забыла...
Севан – одна из наших ран.

И Атлантида снится мне,
и половина Арарата...
Зачем в осенней тишине
вдруг воскресают все утраты?

И все спаленные леса,
И “Скорбь Ануш” Аветисяна *,
и снова – синева Севана:
вот памятник тебе, слеза!

---

* “Скорбь Ануш” – одна из картин Минаса Аветисяна, погибшая при пожаре в его мастерской.

***

Я хочу пройти по Еревану
в самый тихий сумеречный час,
наклоняться к сонному фонтану
и не верить в то, что день угас.

А потом у Матенадарана
голубая расцветет луна...
Может быть, в глубинах океана
есть еще такая тишина.

Может, на другой какой планете
есть еще такая красота –
я не знаю... Но мгновенья эти
не забуду, словно боль Христа.

То, чего нельзя стерпеть бумаге,
может вынести народ один...
Розы раскрываются во мраке,
словно раны памятных годин.

ВОСПОМИНАНИЕ

Коричнево-зеленые холмы
и снежные вершины Арарата
с усилием мне припоминать не надо:
есть то, что изначально знаем мы.

Мне кажется, когда-то я жила
не на холмах на этих, а над ними:
да, я звездой пастушеской была
и позабыла собственное имя.

Но помню тихий говор пастухов,
и бляенье овец, и запах дыма...
О, почему так горько и любимо
то, что ушло навек, в конце концов?

Зульфа Оганян

Из глубины

РАССКАЗ

Утро выдалось самое обычное. Пока я собирала разбросанную детьми по углам одежду, готовила завтрак, между делом причесывалась и наносила макияж, взгляд мужа неотрывно следовал за мной. Не находя этому объяснения, я старательно делала вид, что не замечаю сверлящих глаз, ждала, когда он заговорит и все станет на свои места. Но он молчал. Дети, пересмеиваясь и переговариваясь, уже вышли из дома, и тогда я не выдержала.

– Что-нибудь случилось?

– Не то чтобы, – протянул муж. – Но я давно думаю, что пора мне уехать на заработки: дети подрастают, мы с такими доходами долго не протянем.

– И куда же ты собрался?

– Да вот друзья зовут за кордон, сговорились с капитаном корабля, завтра же и отправимся.

– Как же я буду одна?

– Во-первых, с тобой будут дети. И еще, я буду писать тебе, часто-часто, и деньги присылать, конечно. А как подкоплю достаточно, вернусь – через несколько лет. И соскучиться толком не успеешь...

Я хотела возразить, но слова застряли в горле, и, боясь разреваться, только развела руками.

– Ну вот и отлично, – повеселел муж. – Я знал, что ты поддержишь меня.

...И только несколько месяцев спустя я поняла, что плотный вакуум (ощутимо плотный) окружает меня со всех сторон, звуки доносятся как сквозь вату, на работе ли, дома ли все делаю механически, ловлю на себе недоумевающие взгляды сослуживцев и своих детей и в ожидании какого-то знака свыше безвольное отдаюсь фатальному ходу событий.

Деньги мне приносили какие-то незнакомые люди, отсутствующие писем объясняли занятостью мужа или просто пожимали плечами. Я же делала вид, что все в порядке, благодарила и не задавала лишних вопросов.

Первое письмо пришло ниоткуда. Как оно попало к нам? Не помню, не могу объяснить. Лишь почувствовала ожог, прочитав его.

Письмо первое

Уже три месяца, как я лежу на дне океана. Постепенно привыкаю: уютное лежбище из камней, водорослей, с проплывающими надо мной серебристыми рыбками. О тщете жизни задумываюсь, но вскользь, не особенно напрягаясь. Я мечтал всегда спрятаться в каком-нибудь укромном монастырском уголке и сквозь шелест деревьев узнавать нашептываемые ветром новости, вполголоса, невнятно. Как сквозь толщу воды. Отречься от всего и всех, как подсознательно стремился с детства. Нынче все пути отрезаны, одиночество уже данность.

И смерть мне всегда представлялась так: исчезаю совсем, не остается ничего от брэнной оболочки и нет необходимости в похоронах, могиле и прочих обрядах. А что же люди? Одни были кривыми, другие – слепыми зеркалами для меня. Что ж, пусть завершится этот зеркальный ряд и осколки ничего не удержат в памяти. И не будет упреков в претенциозности и снобизме. Мой мирок раздражал всех, но разрушить его не мог никто, это было нелегко и чужакам по духу не под силу...

К кому он обращался в этом письме? Откуда оно? Что за мистика окутала мой дом? Как мне справиться с этим? А в городе и душе осень, одиночество засасывает как тряпина, и чужеродность окружения ощущается сильнее и болезненнее.

И поскольку земное жестоко, жду милосердия от небес. Внешне все обстоит буднично и гладко. Хлопчу по хозяйству, выхожу на прогулку с детьми. Стараюсь ни на минуту не оставаться без дела и думаю: наверное, в прошлой жизни я была рабыней и сейчас пребываю в обслуге. А ранняя, слишком ранняя осень будто предвещает что-то.

*... дожди за моим окном,
беды и блажи на сердце...*

Взгляд останавливается на корешках книг, но разгадки нет, и знакомые предметы ничего не подсказывают, лишь растрavляют душу. Не только не осуждаю тех, кто быстро и ярко сжег свою жизнь, но даже завидую им. Кругом деятельные самодостаточные люди – родные, друзья, знакомые. Говорю с ними о пустяках, а в душе неразстворимый тяжелый осадок. За что мне такая участь? “Люби ближнего, как самого себя.” Или не люби – по той же схеме.

Надвигается – нет, не старость, пока еще преддверие старости. Возраст вначале замечаешь на киноактрисах. Кажется, совсем недавно она играла романтическую юную деву, и вот уже солидная матрона с горькой складкой у губ и усталостью в глазах. Потом уже избегаешь глядеться в зеркало, иначе возникает противоречие: в душе прежняя незрелость, а облик печальный, умудренный. Да и расслабляться нельзя. Безделье не удлиняет, а ускоряет время. Оно текучее, если его ничем не удерживаешь.

А где мой муж, где отец детей моих? Наверное, я доживаю его жизнь, своей нет уже давно. О письме не думать, забыть, не сходить с ума.

Письмо второе

Меня всегда раздражало обилие света, вот и выплеснули на меня сплошную серую краску, даже без оттенков. Начинаешь

привыкать к тусклой гамме своего существования. Круг замкнулся, и в нем придется пребывать оставшиеся дни. Это у живого человека всегда в запасе шанс сделать шаг – вперед или в сторону, ибо самоуспокоение опасно, останешься в проигрыше. Но пишет тебе – кто? Живой или мертвый? Мертвый непогребенный, но с живыми думами. Даже ощущениями. И с огромным желанием говорить и общаться с тобой, а через тебя – с нашими детьми. Не устаю любоваться скользящей толщей воды и сквозь дрему вспоминать то, что в шутку или всерьез называлось жизнью. Этот долгий-долгий обман, иллюзия бытия. Сознание фиксирует детали, все казавшиеся важными мелочи, утраты и находки, падения и взлеты. Но сейчас важнее всего эти месяцы, пребывание в неподвижности и глубина, откуда мне легче общаться с тобой. Другие не поймут, назовут все мистикой или розыгрышем, но это меня не волнует. Я хочу общаться с тобой, и теперь даже сильнее, чем раньше, когда был рабом своих чувств и устремлений. И неясный абрис вокруг твоего лица в зеркале – это я. И утренний шепот – тоже. Я не зову тебя к себе, это слишком тяжело и обременительно для женщины вроде тебя, слабой, нежной, робкой и в то же время выносливой. Ты научишься слышать меня, ты уже общаешься со мной. Но никому не проговорись, пусть будет у нас общая тайна.

Решила пойти в церковь. Нет-нет, не для того, чтобы заключить сделку с Богом, просто так уж заведено, и потом – эстетический фактор притягивает даже сильнее веры. Когда дом, твой дом (да и чужие тоже) давит как живое существо, надо чаще выходить на люди. Жить придется научиться без любви, так гораздо удобнее. А долгожданная гармония наступит лишь тогда, когда к людям буду относиться сугубо рационально, а любовь оставлю для себя. Чисто чувственное наслаждение доставляют природа и искусство, во всем остальном много примесей. Кажется, это буддисты придумали афоризм: Христос так совершенен, что его могло и не быть. А отношение к нему настолько сложно и неоднозначно, что постигаешь лишь одно – он

всеобъемлющ. А как он направляет человека, наказывает, прощает – можно толковать по-разному. И, глядя, как процветают посредственности, хамы и подлецы, приходишь к неутешительному выводу: Спаситель все оставил на самотек, не желая или не в силах нести бремя страстей человеческих.

Я не пытаюсь отдаться во власть доморощенной философии, просто хочу из фарша, в который я перемололась, снова вылепить человека, связанного с прежним разве что памятью, не запуганного и не стертого пронесшейся жизнью. Это было в другой жизни, твержу как заклинание, сегодня пора перестать думать об этом, но думы все неотвязнее, одна мрачнее другой.

Письмо третье

Надеюсь, тебе приносят деньги. Не пугайся, в этом нет мистики, была договоренность с подельниками. Предаюсь запоздалым сомнениям. Я отмечен или мечен судьбой? А раздражительными бывают добрые или злые люди? И с чем это связано? Что такое потребность в общении? Зачем выплескивать накопившееся в душе? Все равно вновь соберется и сгустится. Что такое карьеризм? Честолюбие, властолюбие или корыстолюбие? Но когда хочешь очень немногого, то тебе неизменно в этом отказывают, и приходится вырываться как лисе из западни, отгрызая собственную лапу.

О чем беседуют со мной проплывающие мимо рыбки? Откуда этот неяркий, но озаряющий все вокруг свет? Я начинаю видеть и тебя и, как некогда, сравнивать с множеством незнакомых людей. Мой мирок сузился сильнее некуда, но и расширять его хочется все меньше. Я получил то, что заслужил. Сбежал от людской глупости, злобы, жестокости в собственный кокон, в кажущуюся недосыгаемость.

Я знаю, чувствую, что письма мои доходят до тебя. И что они нужны тебе. Я же, со своей стороны, жду живого отклика на происходящее. Не пугайся ничего. Все так ничтожно! Здесь столько камушек, ракушек, кореньев, но я занимаюсь лишь коллекционированием своих ошибок. Их было много, не убавилось и здесь. Это тоже деятельность, только со знаком минус.

Меня всегда тянуло к людям умеренным. И мужа выбрала, поскольку понравилась его тактичная услужливость. Познакомились случайно – помог в магазине выбрать обои. Жили в полной гармонии, сознавая, конечно, что другой (другая) могли достичь большего в жизни. Считали, однако, что дом, наш общий дом и дети достойны любых жертв и не сожалели ни о чем. Переломить судьбу, с чем-то предстать перед миром и людьми, с риском для жизни или репутации прорваться к иному измерению – так нет же, не дано, и баста. И лучше не трепыхаться, не смешить людей, а самим новых шишек не набивать. Балансировать на проволоке, пока хватит сил, подобно канатоходцу.

Так и жили, и ничего, вроде бы получалось. Жизнь текла прозрачная как вода, и никакой тайны, тем более мистики не было и в помине. Мне и сейчас кажется, что туман рассеется, все станет на свои места, и прежняя надежность воцарится снова. Но нет. Раздвоенность уже овладела мною, никому ни открыть душу, ни даже намекнуть о чем-либо не могу. Напротив, стараюсь казаться беспечной и довольной.

Стараюсь понять, что нынче для меня важнее: остаться с детьми или незаметно соскользнуть на дно океана и очутиться рядом с ним. Но что это даст? И почему я должна неотступно думать о нем? Может, и письма эти – плод моего воспаленного сознания.

Письмо четвертое

Свобода, пресловутая свобода, к которой мы стремились, шли ради нее на какие-то лишь нам самим кажущиеся смелыми свершения... И вынуждены бывали для чего-то более важного (тоже наша точка зрения) ограничивать ее, поступаться ею. Но наступает долгожданная свобода (относительная, разумеется), и оказывается, что воспользоваться ею нет ни сил, ни возможностей, ни даже желания. И все, что предшествовало ей, и было жизнью, пусть не самой веселой и удачной, но все же не прозябанием. Наступили дискомфорт и сплошное изгойство. В оторванности от жизни есть что-то постыдное, чувство виновности в неучастии. Где-то бурлит, кипит схватка, делают-

ся открытия, совершаются действия и противодействия, а ты вне всего этого. И тускнеют краски, размываются впечатления, остается лишь тяжесть на сердце...

Но все это в плане ретроспекции. А настоящее – мутные или порой светящиеся водяные пузырьки, какой-то мерный шорох, плеск, колыханье вокруг и удивительная близость к тебе, твоим снам, мыслям. Меняются ракурсы, но неизменна переплетенность наших мыслей и, в конечном итоге, судеб. Тебе нечего страшиться и не о чем сожалеть. Твоя постель так же уютна, как и раковина, выдолбленная тяжестью моего тела. Ты паришь над обыденностью, а я погружаюсь в глубину все больше и больше, чтобы быть ближе к тебе.

Он неоднократно подает мне знак. И я должна быть готова понять и принять его. Но мне трудно ориентироваться в мире абстракций. У меня типично женский ум, женское мышление. А действительно, может ли человек воспарить, если освободить его от всех бытовых забот? Или, напротив, появится ощущение пустоты, ибо не все призваны вершить великие дела. Как бы то ни было, важно найти свою нишу, избрать верную линию, дабы наступили покой и удовлетворенность. А когда считаешь неважными заботы по дому, зная, что ты в этом несовершенна, а духовная деятельность не совсем твоя стезя, – в таком случае не покидает чувство вины. Неужели жизнь растрочена впустую? И почему не оказалось рядом родных по духу людей? Я ли близорука или меня не разглядели? А когда все вокруг в большей или меньшей степени раздражают тебя, то ждать от них тепла тоже глупо.

Как угадать свое призвание, миссию в жизни? Рождена ты посредственностью или из-за трусости и лени сама себя сделала такой? Сплошные вопросы без ответов. В то же время сознаю, что вступать в борьбу, оставаясь в тени, едва ли выполнимо. Надо уметь пренебрегать чужими мнениями и нападками, быть готовой к ним, а не выбирать одиночество и изоляцию, когда все умиротворенно забывают о тебе или не замечают вовсе. Самоуничужение – тоже вид гордыни, это я ясно сознаю, но свык-

нуться с тем, что жизнь пресна, скучна и напрасна, зато все длится и длится, трудно и даже невозможно.

Письмо пятое

Пустяки порой ранят сильнее всего. Казалось бы, ничего особенного, подобное можно было предвидеть. Однако ж, смотри ты... Но когда ждешь именно пустяков – ведь они ничего не стоят людям, – а получаешь пшик, то чувствуешь себя как в бою. Ждешь удара, но не можешь угадать – откуда. Но отрывать от себя людей с мясом или малой толикой крови может живой человек... Мне передали, нашептали чьи-то голоса извне, что ты флиртуешь с моим лучшим другом. Ощущение двойственное. Хорошо, что не поддаешься хандре, но как же легко и быстро ты забыла меня! Я понимаю, тебе мало слышать меня, и нужен живой, теплый, осязаемый человек, беседа с ним, более яркие и комфортные дни...

Как хорошо, что до смерти любить

Тебя никто на свете не обязан...

Но когда у тебя отнимают единственное, что еще способно занимать твои мысли, то сознание затуманивается и может угаснуть совсем. Я далек от упреков, тем более попытки ревновать: у тебя свой тяжелый крест, и не мне тебя винить, но неужели прошлое забыто и похоронено? Как ты радовалась моим самым незначительным проявлениям внимания, комплиментам, шутивным признаниям! – а когда я нынче отрываю и посылаю тебе кусочки моей души, то, возможно, надоедаю тебе. И, отложив в сторону мои признания, ты легко и бездумно летишь навстречу жизни, к тем остальным, кому имя легион...

В один прекрасный день я задала себе вопрос: почему соглашаюсь на такое существование?

Надо угадать, для чего ты пришел в этот мир и по возможности исполнить предначертанное. А ныть и погружаться в депрессию неумно и нечестно. Выход же из тупика приходится искать самой, никто в этом деле тебе не помощник. Ждешь знака извне, но он или не поступает вовсе, или по незначительным

поводам. И как найти достойное деяние, достойное не тебя, а других по охвату и значимости? А раз нет такового, то почему бы не жить, как все?

Последнее письмо мужа – из глубины – несколько развеяло мистический туман. Что-то тут не так. Как и откуда он мог узнать о флирте с N? Какая рыбка нашептала об этом? Человеческая натура многогранна, и добро часто притягивает зло, ты как бы расплачиваешься за некогда хорошее к тебе отношение. И наоборот: после учиненной тебе неприятности вдруг, как снег на голову, добрый и даже великодушный поступок.

*Зло в добре, добро во зле,
Полетим в нечистой мгле...*

Не скрою, последнее письмо мне кажется подозрительным. Что за упреки? Неужели жизнь дана лишь для того, чтобы фатально принимать все удары, сжиматься в ожидании новых и радоваться, что день прошел спокойно? Но беспочвенные химеры – тоже слабое утешение. И довольно с меня таинственных посланий, я живая женщина в этом мире – пока.

Письмо шестое

Все дни для меня одинаковы и в то же время значимы по своему. И напоминают о чем-то давно случившемся или несбывшемся. И даже здесь какой-то отрезок времени представляется светлым, другой – тревожным. Но тревога утихает, когда уже предотвратить все равно ничего нельзя. Ложь и правда взаимозаменяемы. Люди в основном выживают с помощью лжи, но своя правда есть у всякого. И никто не чувствует дырявости своей правды. Ложь во спасение, во имя честолюбия, ложь для достижения каких-либо целей или от избытка воображения – может, это и придает остроту и аромат жизни.

Моя жена в миру, для меня – жена вовеки, я ни в чем не виню тебя. А знать обо всем – это как вести ниоткуда и отовсюду. И если прервется невидимая нить, связывающая нас, и ты перестанешь слышать меня, то считай, что обокрали не только меня. Я не прошу тебя раствориться во мне, утратив все то, что мне было так дорого в тебе. В сложных переплетениях не

найдешь концов. Я эгоистически тянусь к тебе, возможно, тешу не совсем понятные мне порывы, но иначе тот тонкий лучик, что брезжит в этом глубинном царстве и светит мне, погаснет. Неужели ты хочешь, чтобы я, как андерсеновская Русалочка, превратился в пену морскую? Я и так очень близок к этому.

Я всегда любила цветы. Ранние весенние, ибо “весна нежна и жестока”. Полевые и осенние. К летним относилась равнодушнее. Ты редко дарил мне цветы, тем радостнее были внезапные букеты: будто вспыхивало чудо – желтое, белое, оранжевое, фиолетовое. Эту ни с чем не сравнимую радость я переживаю и поныне. Утешают и книги. Но неужели ты действительно перешел в иную реальность? Иногда сомневаюсь в этом...

Не могу удержаться и не привести цитату из французского писателя Кристиана Бобена: “Пишу быстро-быстро. Хочется, чтобы слова в моем дневнике были так же легки, как то, что осталось – и цветет, ликует, торжествует – от твоей жизни, после того как ее рассеяло, расплыло, растворило твоей смертью”. Но ведь виртуальная реальность не может быть настолько понятной и близкой. Не знаю, что и думать. Я-то живу не на дне океана, а на этой грешной земле. И вынуждена посещать знакомых, чтобы не обидеть их, соглашаться на что-то самой совершенно ненужное и неинтересное, выслушивать злые– или благоглупости.

Но компенсирует встреча с искусством, которое вбирает тебя в свои владения и не отпускает в течение долгого времени. Наверное, среди варварства круговерти, именуемой историей, всегда существовала некая позолота в виде эстетического феномена, иначе людям слабым, пассивным, рефлексирующим не выжить бы.

Письмо седьмое

Похоже, остаток жизни мне предстоит провести в полном одиночестве. Когда ничего не происходит, то остаешься в обществе малоинтересных сновидений. Люди меняются с годами:

расплываются черты, теряется осанка, гаснет взор, и к тому же происходит внутренний крен, и давно знакомые перестают слышать и понимать друг друга.

Чувствую себя отторгнутым всеми. Но как остановить время? Оно струится, летит и вскоре закончится, иссякнет. Земное время можно остановить чем-то значительным, полезным, а я лишь позволяю ему утекать, и это сродни преступлению. Человек – самая необъективная категория на свете. Если искусство извилистыми путями, через забвение, непонимание, хулу пробивает себе путь к вечности, то человек забывается, обрастает мифами, теряет свое истинное лицо и предстает затем в искаженном свете. И не остается ничего, кроме могильных плит, хотя именно о нем, о человеке, писались романы, слагались стихи, пелись песни. Он – удобрение для почвы, на которой возрастет искусство. Природа уродует, превращает цветы в тлен, обманчиво-прекрасную молодость, а искусство возвеличивает и облагораживает все, вплоть до неприглядного увядания.

Угасание, мертвенное равнодушие. Чья участь тяжелее? Живых или отошедших в мир иной? Легко, отрадно или невыносимо тяжело нести бремя лет? Этого я уже не узнаю никогда. Прости, что тревожу твой покой, вторгаюсь в сны и явь...

Седьмое письмо было последним. Деньги, однако, приносили исправно, и немалые. Мы с детьми приоделись, повеселели и, как это ни странно, перестали задаваться вопросом, откуда они и что за мистификация с исчезновением отца и мужа. Я стала заметно беспечнее и общительнее, а мой друг проявил себя тонким и заботливым человеком. О браке мы не помышляли, нам было довольно и такого союза. И поскольку я приписываю любому свои качества и свою ценностную ли, нравственную ли ориентацию, то решила не спешить и тем избежать разочарования. Никто никому ничего не должен, а за бескорыстную помощь приходится дорого платить.

Я мало полезного сделала в жизни и мало радовалась. И не оправдывает сие то, что другие сделали еще меньше. Но наверное, счастливый мир – это выдуманный мир, в реальности все

иначе, и незачем до старости не понимать этого. Смирение – не добродетель, это дар, и дается оно людям достойным.

Смейся, и с тобой будет смеяться весь мир.

Плачь – и ты будешь плакать один...

Жизнь человеческая не стоит ничего, и пытаться найти разгадку событиям – пустая трата времени. Что может быть томительнее ожидания, если даже повод пустяковый? Поневоле погружаешься в безрадостный фатализм, хотя именно благодаря ему понимаешь: ожидаемое было ничтожным и не стоило эмоций. И вообще, нет трагедии кроме смерти, хотя и застойное состояние не лучше. Из прожитой жизни я сделала выводы: любовь никому не нужна, она лишь тяготит всех, будь это друзья, знакомые или родные; жизнь бессмысленна, если нет свершений, независимо от того, считаешь ты себя счастливой или нет; долг человека до конца нести свой крест и не роптать, принимать все с олимпийским спокойствием, не раскрывать душу ни перед кем – это опасно и вдобавок больно. И помнить: к тебе возвращается бумеранг за все неделанное, за то, чем не успел насладиться, и ты несешь то знамя, которого заслуживаешь.

Неужели я таки стала моралисткой?

...Телефон звонил не умолкая, пока я наконец решилась прервать свои размышления и ответить. Чей-то голос четко продиктовал адрес больницы, куда после автокатастрофы привезли моего мужа.

– Какого мужа? – вырвалось у меня.

– А у вас их несколько? – саркастически спросил звонивший.

Не помню, как я добралась до больницы, как увидела участливое лицо врача.

– Идите к нему, это его последние минуты. Мужайтесь...

Бескровные губы на незнакомом восковом лице умирающего прошептали:

– Все это время я жил на соседней улице, странно, что мы не встретились, что разминулись...

ГУРГЕН БАРЕНЦ

Пена

***

С неба упало три яблока.
“Я вам рассказывал сказки.
Значит, первое яблоко – мне”, –
Сказал глава государства.
“А я эту сказку раскрасил
Во все цвета радуги,
И раскрашенной она стала
Съедобной и удобоваримой,
Так что мне тоже
Причитается яблоко”, –
Сказал премьер.
С третьим яблоком вышла проруха.
Для господ олигархов
Это яблоко стало
Предметом раздоров и споров.
Мне, как обычно, досталась
Только дырка от бублика.
“Все нормально, довольствуйся малым”, –
Сказал глава государства.
“Довольствуйся тем, что имеешь”, –
Согласно кивнув головою,
Сказал премьер.
“Тебе и этого много”, –
Сразу забыв о раздорах,

Дружно гаркнули олигархи.
И вот я брожу по городу,
Руки держу в карманах,
И в каждом кармане – по кукишу.
Слабое, но все же утешение.

***

Скоро выйдет трава –
Попасемся.
И терпением впрок
Запасемся.
И узнаем от членов
Правительства,
Что на благо нам
Их попустительства.

Нас поздравит премьер
С тем, что выжили,
Что зимою
Не всё из нас выжали.
И узнаем мы много
Полезного:
Неумеренность
Очень болезненна.
Нам расскажут поверья,
Предания
Про лечебный эффект
Голодания.

А трава – ведь она
С витаминами.
Травку ели герои
Былинные.

...Скоро выйдет трава –
Попасемся.

И терпением впрок
Запасемся.
Мы на скрипке еще
Попиликаем.
Мы еще поживем,
Почирикаем.

***

Мы – народ, и нас – много.
Они – правители, и их – мало.
Но вы бы видели,
Как здорово, с какой сноровкой и рвением
Наши правители тянут
На себя одеало народа!..

***

Выскочил из супермаркета,
Весь искусанный и облаянный ценами.
Фу! Еле ноги унес.
В следующий раз
Прихвачу с собой длинную палку.

***

Если стану богатым –
Куплю себе место в парламенте.
Для вложения денег
Это самое лучшее дело.
Все затраты вернутся сторицей.

Посижу там в велюровых креслах
И в тепле и комфорте
Отмотаю свой срок с прилежаньем –
От звонка до звонка.

На людей посмотрю
И, конечно, себя покажу.
Напущу на себя важный вид,
Озабоченный, очень серьезный,
Буду выглядеть очень усталым
И нуждающимся в поддержке.

Поголяю по свету
На халяву бюджетных ресурсов.

Стану часто мелькать на экране,
Попозирую в теледебатах,
Чтобы быдло смотрело и слушало,
Как слуга и избранник народа
Самозабвенно и самоотверженно
Тащит на хрупких плечах
Заботы о благе отечества,
Как печется он о народе.

Решено – если стану богатым,
Всенепременно
Забронирую себе место
В нашем народном парламенте.

***

У нас в семье –
Четкое распределение функций:
Я зарабатываю на хлеб насущный,
Жена – на насущную воду.
Но мы не сетуем:
Мы вдохновляемся тем,
Что наш президент,
Наш парламент и наше правительство
Сбиваются с ног, разрабатывая
Новые формы и методы
Борьбы с коррупцией и бедностью.

А этих форм и методов больше,
Чем бедствующих людей.

***

Я стал Фомою Неверующим.
Не верю речам президента,
Не верю обещаньям правительства
И парламента.
Если кому-то и верю,
Так это Гидрометцентру:
Он время от времени
Попадает пальцем в небо.

***

Театр абсурда требует, чтоб мы
Кричали “браво!”, громко восторгались
Правлением невежд и прохиндеев.
Мы принимаем правила игры.
Приветствуем их: “Слава прощелыгам!”.
Они в ответ довольно скалят зубы,
Приветливо кивают головами.
Они довольны нами и собою.
Собой, конечно, более, чем нами.
И в этом-то вся соль
И прелесть жанра...

***

Правительство считает,
Всё считает,
Дни и ночи напролет
Всё считает,
Всё почетных гостей
Привечает,
Вычитает, итоги сличает,

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

Над балансом навзрыд
Причитает,
Всей командой нам зубы
Считает,
Просто нас за людей
Не считает.

***

Страна больна. Мы знаем, чья вина,
Кто кандалы надел ей на запястья.
Не важно, чьи напишут имена.
Увидеть бы обломки самовластья.

ЛИЛИТ КАРАПЕТЯН

ПЕРЕВЕЛА ЕЛЕНА ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН

КЛЮЧ

*Любить – значит смотреть не друг
на друга, а в одном направлении.*

Антуан де Сент-Экзюпери

Знаю, что придешь. Точно знаю. Наверное, сейчас ступаешь по тротуарам, рассматриваешь вывески на магазинах и стенах домов: “Предлагаем 250 000 драмов за 1 кг волос!” и размышляешь о том, что мог бы продать мои волосы. Ты боишься улиц и всегда пользуешься подземными переходами. Жаль, очень жаль.

Вновь чувствую кислородный голод. Разжигаю камин и начинаю ворошить огонь. А ты снова шагаешь по тротуарам, рассыпаешь улыбки и приветствия по сторонам. Так просто тебя удивить.

Как неприятно играть с угольками, которые напоминают твои глаза... Ты боишься малейшего дуновения ветра, так как есть вероятность простудиться. Ты всегда возвращаешься в точное время.

Но почему ты не хочешь переходить улицу?

В комнате все разбросано – я никогда не была хорошей хозяйкой и вряд ли когда-либо буду. Яичница готова. Так как – ты придешь домой?

Вот выходишь с работы, садишься в транспорт. О горе, ты забыл перчатки! Сегодня пятница, и ты никак не сможешь обойтись без перчаток до понедельника... Сейчас, дорогой мой, тебе придется перейти улицу... Быстро перебегаешь первую половину дороги, пропуская машины. На черте стоишь в нерешительности. Потом, набравшись духу, переходишь оставшуюся часть дороги. И тут... твой расчет оказывается неверным – одна из машин сбивает тебя. Ты умираешь...

– Я не опоздал, любимая? – спрашиваешь ты, переступая порог квартиры. – Я добирался на метро...

– Нет, ты, как всегда, вовремя, – отвечаю я.

И – пронзительная тишина. Нам не о чем говорить. Хотела сказать, что мечтала бы быть первой женщиной, рискнувшей облачиться в брюки, но в этот момент ты задаешь вопрос в пустоту:

– Интересно, о чем думал человек, придумавший галстук?

Я молчу. Боясь, что тишина затянется, ты говоришь:

– Помнишь ту женщину, которая водит машину и курит?..

– Да, помню.

– Я сегодня ей прямо в лицо швырнул: “У вас мужской характер!” – гордо говоришь ты.

– Какая смелость!.. И что она?

– А она спросила, есть ли во мне такой же мужской характер? Когда я ответил – да, представляешь, она надменно бросила: “Тогда о чем вы беспокоитесь?”

“Какая деликатность!” – думаю я.

– Знаешь, – опять начинает он, – сегодня, когда я возвращался домой, меня вдруг пронзила мысль, что ты попала под машину... Даже представил, как ты переходишь улицу, не соблюдая правил, рассеянно смотришь по сторонам, будто немного пьяна. Вдруг замечаешь на другой стороне какого-то мужчину. Не обращая внимания на светофор, сломя голову несешься к нему через дорогу, но на полпути тебя сбивает машина и ...

– И я умерла? – едва сдерживая смех, спрашиваю я.

– Нет! В этот момент я вспомнил...

– Что?

– Я запер тебя в доме, и у тебя нет ключа, чтобы выйти.

Мы сидим на полу, глядя в одном направлении – на Ключ. Это оружие, несмотря на раскалившуюся обстановку, даже и не думает плавиться...

СВАДЬБА

Мы идем рядом – я и Стул. Я, с покрасневшими глазами, еле передвигаю ноги, стараясь не сбиться со счета. У меня счет такой: раз-два... раз-два... правой-левой... правой-левой, а у него: раз-два-три-четыре – или правой-правой, левой-левой. Так что я ускоряю шаг и волочу за собой тяжелое белое платье.

Поднимаю руку, чтобы поправить волосы, и только сейчас замечаю, что забыла надеть фату. Очень даже хорошо – она явно была лишней.

Мы уже у церкви. Торжественно играет музыка. Взгляды людей, завистливые, равнодушные, любопытствующие или притворно радостные, сосредоточены на нас. То там, то тут слышится шепот:

– А знаешь, чья она невеста?

– Стула, – не заставляет себя ждать ответ.

Или что-то вроде этого:

– Стоят друг друга!

– Жених – Стул, невеста – Человек!

А притворщики, вскидывая руки, радостно восклицают: “Да все отлично! Они же чудесная пара!”

Я иду вперед, мысленно раздвигая дышащие стены церкви, взглядом поднимая высокие купола, над которыми вместе с ласточками порхает моя мечта, в которой я свободна и счастлива, в которой он свободен и счастлив...

Медленно подходим к священнику – он не мешкая водружает на наши головы железные короны и спрашивает то, что обычно спрашивается в таких случаях: “Клянешься ли ты любить Ее и заботиться о Ней в здравии и в болезни, в радости и в

печали, в богатстве и в бедности?..” Потом поворачивается ко мне: “Клянешься ли ты любить Его...”

– Угу, – отвечаю угрюмо.

Все. Действие первое окончено. Я и Стул теперь супруги. Встаем у стены. Нет-нет, никто нас расстреливать не будет – настало время поздравлений. От этой мысли мне становится горше, глаза наливаются слезами, веки краснеют.

– Ах, дорогая! – обращается ко мне моя тетка, подставляя щеку для поцелуя. – Я вижу, как ты несчастна! – слегка прижимает меня к своей пышной груди. – Я же говорила тебе – выходи замуж за Кресло!

КАМИЛЛА

В тоске ПО ЛЮДЯМ

БЫТИЕ

Я не там, где я есть.
Вы видите лишь тело.
Мой дух творит мое бытие.
Слова мои уносит ветер,
Они расцветают в долинах,
Голос мой живет
В шелесте трав.
Я не там, где я есть...
А стихи мои
Мне на рассвете приносят птицы...

ВОПРОС

– Разве вы так устроили этот мир,
Что приглашаете нас
Войти в него? – спрашивают
Еще не родившиеся дети.

ТОСКА

Уставшая от тоски
Тоска ко мне пришла.
– Что можешь предложить мне,
Чтоб я хотя бы на миг
Себя забыла?
– Выбери, – сказала я, –
День завтрашний или вчерашний.
– Все это чушь, – ответила тоска.
– Тогда живи теперешним мгновеньем.
Тоска в молчаньи удалилась.
Немного погода узрела я,
Как в коридоре дома моего
Висит, качаясь, с потолка тоска...
Покончила с собой.
Наверное, чтобы избавить меня от себя.

КИТЫ

Киты
    плывут,
        плывут,
            плывут...
                И в тоске
                    по людям
                        кидаются на берег...

ФОРМУЛА

Когда ты встретишь себя –
Останься наедине с самим собой.
Это – самая верная арифметика жизни.
Прибавь, чтобы отнять,
Вычисли, чтобы достичь
Формулы Единства:
Ты + Ты = Вселенная.

ДЕТСТВО

Мои глаза живут
На улицах моего детства.
Увидела я их,
Когда девчонка с мячиком играла,
Одетая в мой детский сарафан,
В моем саду.
– Привет! – сказала я той девочке,
Которая одетая в мой сарафан,
С моими глазами
И с мячиком моим
В моем саду
Играла... мое детство...
– Здравствуй!

СИРОТКИ

Я в сумерках пошла бродить.
Вернувшись, принесла с собой
Две сиротливые строки...
Как хорошо теперь им в моей тетради!
Наверное, несметное количество баллад
В холодной мерзлоте
Сейчас по людям плачут...
Найти б их всех, впустить в свою тетрадь,
Пригреть!..

СТРАНСТВИЕ

Руки пианиста
Замерли на клавиатуре.
Умолк аккорд.
Я странствую вослед последним звукам...
За ними я иду...
Знает ли кто –
Где живут ноктюрны Шопена?

Зорий Балаян

Кругосветка

Экспедиция, возглавляемая писателем, журналистом, путешественником Зорием Балаяном, этой зимой прошла пик своего кругосветного плавания – самую южную точку земной суши, мыс Горн. По данным Книги рекордов Гиннеса, этот своеобразный полюс планеты никогда не покорял мореплаватель в возрасте З.Балаяна, которому исполнилось 76 лет. Экипаж получил поздравление известного путешественника Фёдора Конюхова, который предложил провести следующую экспедицию совместно.

Мыс горн и книга рекордов Гиннеса

Последние мои путевые заметки в “Литературной газете”, отправленные с борта парусного судна “Армения”, о плавании по дорогам спюрка (мировая армянская диаспора) назывались “Кругосветка длиной в два экватора”. Дело в том, что многочисленные армянские колонии со своими церквями, школами, общественными и культурными организациями рассеяны по всем пяти континентам, в более чем ста странах. И для того чтобы наша экспедиция, носящая имя основателя армянской письменности Месропа Маштоца, посетила их, нужно было начертить похожий на лабиринт, странный маршрут. Вот краткий перечень географических названий только начального этапа нашего плавания: Средиземное море, Атлантический океан, Карибское море, Панамский канал, Ти-

хий океан, Калифорния (США), возвращение снова через Панамский канал в Атлантику, с тем чтобы посетить Бразилию, Уругвай, Аргентину.

Кажется просто странным, если не сказать абсурдным, когда во время кругосветного плавания, достигнув уже Тихого океана, возвращаешься назад, вместо того чтобы идти дальше вокруг Земли. Но вопрос не только в том, что на восточном побережье Южной Америки расположены перечисленные страны с крупными армянскими общинами, но и в самой сути и логике кругосветки. Если мы пошли бы дальше по Тихому океану, то, выходит, миновали бы мыс Горн, не обогнули его. А это уже своего рода криминал, отрицательно влияющий на “авторитет” подобного путешествия. Так уж повелось, особенно в нынешних спортивных кругосветках. А в нашей экспедиции, конечно, тоже присутствует спортивный элемент. И все без исключения члены экипажа – мастера спорта.

Словом, сложный, запутанный маршрут привёл к тому, что, оставив за кормой около сорока тысяч километров, мы прошли лишь половину пути. Отсюда и “литгазетовское” заглавие “Кругосветка длиной в два экватора”.

Именно на середине маршрута случилась с нами беда. Тяжело и очень неожиданно заболел наш многолетний кок Самвел Саркисян. Отправили его из Бразилии домой и вскоре получили тревожную весть: болезнь неизлечима. Экипаж поставил яхту на зимовку и вылетел в Ереван. Всей командой предали мы друга земле. Отметим христианские сорок дней и на следующий день, 23 ноября, вылетели в Буэнос-Айрес, где нас ждала “Армения”.

Три недели приводили в порядок двадцатиметровый одномачтовый шлюп, на бортах которого выведены древнеармянским шрифтом тридцать шесть месроповых букв. Армянская община устроила нам торжественные проводы, и с той минуты как отдали швартовы, все восемь членов экипажа думали в основном уже о мысе Горн.

В первый же день к вечеру, на пути к порту Мар-дель-Плата, вопреки прогнозу погоды совершенно неожиданно с юга на нас буквально набросился холодный шквалистый ветер. Непривычно звучало словосочетание “холодный южный”. При вынужденном нашем маршруте часто, вот как сейчас, приходится идти в основном против природных морских течений и пассатных ветров. Что-

бы подобрать хоть чуток воздушного потока, то и дело нужно менять галс, а это значит перебрасывать парус слева направо или справа налево. Всё это ведет к потере времени, удлинению маршрута, ломает график.

Самый южный город на Земле – Ушуая. Мы знали о нём всё. Как-никак – самый. У нас было две цели, когда планировали войти в этот порт. То, что он “самый”, и то, что он является стартовой площадкой для путешествий в Антарктиду, экскурсий на ледники, в национальный парк Огненной Земли. Дома здесь в три раза дороже, чем в столице – Буэнос-Айресе. И мы хотели встретить Новый 2011 год в самом южном городе планеты. Но нам не повезло. Подходили с севера на юг к мысу, за которым следует поворот и вход из Атлантики в канал, названный в честь знаменитого судна “Бигль”, во время плавания на котором в 1831–1836 годах молодой Чарльз Дарвин вдребезги разбил господствовавшую в то время концепцию происхождения наших далёких предков. У нас был большой запас времени. Накануне, 30 декабря, наш штурман Гайк Бадалян зафиксировал, что мы пересекли пятидесятью широту. Это значит, из ревущих сороковых вошли в неистовые пятидесятые. Именно она, пятидесятая широта, официально считается началом маршрута, огибающего мыс Горн.

Шли под большим парусом-флагом (он так называется потому, что имеет расцветку флага Армении: сверху вниз – красно-синее-оранжевый) довольно бодро. По прогнозу знали, что нет ничего опасного в районе Бигля. Вот и рассчитывали, что успеем отметить Новый год в Ушуая.

Но Бигль встретил нас жутко недружелюбно. Кроме его природного, встречного для нас течения и встречного, опять же природного, пассата ко всему прибавился невесть откуда взявшийся циклон. С обоих бортов было видно, как навстречу нам быстро движутся отары белых барашков, подгоняемые ветром-пастухом. “Армения” шла зигзагами по очень широкому каналу. В какой-то момент стоящий на вахте боцман Мушег Барсегиан закричал, перекрывая вой ветра: “Мы стоим!”. Стало ясно, что не мы будем встречать Новый год нормально, на суше, а Новый год сам встретит нас неизвестно в какой точке Бигля.

Так и вышло. В 17 часов по местному времени (в Ереване было ровно полночь) весь экипаж собрался на кокпите (небольшое от-

крытое углублённое место на палубе), в центре которого уже стоял складной стол. Качало сильно, и все атрибуты держали в руках: огромная бутылка шампанского, подаренная послом Армении в Аргентине Владимиром Кармиршальяном, ёлочка “ручная”, стаканы, вместо новогоднего поросёнка – курочка. И заорали на всю Патагонию так, чтобы нас услышали дома. Я вспомнил, как новый 1973 год встречали в открытой камчатской тундре во время экспедиции на собаках. Предусмотрительный, тогда двадцатисемилетний, Никита Михалков достал из рюкзака множество разноцветных игрушек, и мы всей командой – четыре человека – развешивали подарки на живой симпатичной ели, которая на наших глазах превращалась в новогоднюю ёлку.

В издательстве “Художественная литература” выходит мой седьмой том. Предисловие к первому тому я написал, помнится, после Панамского канала, ко второму – в Атлантике, у берегов Бразилии. Работая над изданием, приходится всё время перелистывать шестьдесят с лишним моих книг. И вот на что я обратил внимание. Почти все они написаны в дороге.

Путешествовал я и по странам, где находились армянские колонии. Всюду обращал внимание на то, что почти у всех моих соотечественников были реликвии, вывезенные из отчего дома после геноцида армян в Османской империи. Чаще всего это были Библии, иногда даже древние манускрипты, фотографии дедов и разные кресты. Маленькие, не очень маленькие, деревянные, бронзовые. Я искал крест, но чтобы он был металлический и связан с каким-нибудь событием. И вот в Буэнос-Айресе в школе имени благодетельницы Мари Манукян у писателя, журналиста, учительницы армянского языка и литературы Росситы Иосифян узнал, что в доме её матери хранится семейная реликвия – бронзовый крест с узорами армянского хачкара. История его такая. Младотурецкие головорезы в 1915 году в городе Урфе (Западная Армения) заживо сожгли сотни армян в церкви Святой Богородицы. В Аргентине небольшая часть более чем стотысячной армянской общины – переселенцы из Урфы. Отец Росситы Овсеп Иосифян полвека назад, задолго до своей смерти, увидев в одном армянском журнале изображение креста на урфинской церкви Святой Богородицы, заказал художнику-литейщику его точную копию. И эту реликвию великодушная Россита передала нам.

С тех пор я потерял покой. Часто вспоминал, как во время плавания на парусной яхте “Киликия” по семи морям вокруг Европы у нас возникла идея установить крест на европейском берегу пролива Гибралтар. Армянский мировой спюрк образовался задолго до самолётостроения. Первые армяне появились в Северной Америке ещё до образования США, в самом начале XVII века. Туда и во многие другие страны до середины XX века они добирались, естественно, на различных судах. Так что Гибралтар был очень символичен для установки памятного креста. Но увы!

Однако идея сохранилась, тем более что сопроводительный текст, без которого невозможно понять суть задуманного, заготовлен был давно. Чуть ли не с детства. Впервые я услышал эти слова от дедушки Маркоса – моего деда, потерявшего в Великую Отечественную войну трёх сыновей.

С утра оформили все “отходные” документы в префектуре Ушуая. 2 января 2011 года в полдень “Армения” отшвартовалась от причала. Курс – на мыс Горн. Ещё во время завтрака, вглядываясь в лица ребят, я не мог не заметить, что все они одновременно и спокойны, и возбуждены. Вот капитан – Самвел Карапетян, в котором я всегда ощущаю чувство паруса, чувство ветра и волны – и всё это от Бога. А вот старпом Армен Назарян – дедушка армянских виндсёрфингистов. Через несколько дней у него юбилей: исполнится семьдесят. Когда Армен ныряет в воду, мы всем экипажем начинаем искать его, так долго он находится под водой. Вообще-то он электронщик, был директором Института лазерной физики. Гайк Бадалян – начальник вахты, электрик, моторист, фотограф, штурман, племянник выдающегося армянского артиста Мгера (Фрунзе) Мкртчяна. Самый молодой – боцман Мушег Барсегян, шестикратный чемпион Армении по парусному спорту. Взбирается на мачту, как гибралтарская обезьяна. Чуть старше Ваагн Матевосян. Спрашиваю: “Готов ли ты в одиночку совершить кругосветку?” Отвечает: “Готов, но не хочу”. – “Почему?” – “Жду сына”. Самвел Бабасян – моряк. Может всё. И всё получается. Но сам он считает себя телеоператором. Автор более сорока фильмов, в том числе – трёх кинолент о плавании на “Киликии”. И, наконец, новый кок Саркис Кузаян. Никогда не плавал. Но за два месяца не только прижился – многое прочувствовал. И принят всем экипажем. Как это важно – быть принятым экипажем.

И все мы сегодня думаем только об одном. Нет, не о том, что, обогнув мыс Горн, попадём в элитарный список моряков, покоривших этот легендарный мыс. Есть такой клуб. Он так и называется – “Братство покорителей мыса Горн”. Мысли были о том, сможем ли подняться на остров Горн, чтобы установить там крест?

Второе января было вовсе не случайным днём. Его подарила нам начальник службы прогнозов армянской метеорологии Зара Петросян. Она передала сводку на ближайшие пять дней, и лишь 2 и 3 января оказались подходящими не только для того, чтобы пройти, касаясь правым бортом, знаменитую скалу мыса, но и подняться на берег.

Но в два часа ночи с визжащим сигналом к нам подплывает военно-морской патруль Чили и сообщает, что мы должны вернуться в Ушуая. Этого требует аргентинская сторона: она не так оформила документы.

После этой встречи, измерив давление, я обомлел. Никогда оно не поднималось у меня выше 180, а тут дикие цифры: 220 на 110! И тогда в моей одиночной каюте с целой экспедиционной библиотекой при двенадцативольтном свете я сказал себе, намеренно вслух: “Ты стоишь перед свершившимся фактом. Что ты так убиваешься? Где твоя спасительная формула: “Бог знает, что делает”? Что ни делается – всё к лучшему! Ты взгляни на прогноз погоды и узнай, какой из следующих дней хоть чем-то напоминает второе января”. И ведь нашёлся такой день. 9 января. Ветер всего лишь 20–30 узлов. Это около 15 метров в секунду. То есть половина урагана, если не считать порывы. Измерил давление: 175 на 80. И уснул.

Во сне видел Фёдора Конюхова. В жизни я его не видел. Много раз говорили по телефону. Он нас поздравил с окончанием первого плавания на “Киликии”. Считаю его великим путешественником, и не только мореплавателем. И ничуть не удивился, когда в апреле 2010 года узнал, что он организовал специальную экспедицию, которую благословил Патриарх всея Руси Кирилл, и установил в часовне на острове Горн православный крест в память о погибших моряках. Это был счастливый для меня день. Конюхов показал, что можно. И это вдохновило нас.

Было решено вторую попытку начать 8 января, чтобы или вечером, или на следующий день, 9-го, поднять крест на остров. С раннего утра до вечера шла борьба с волнами, которую можно назвать

скорее испытанием. И в 18 часов 30 минут мы бросили якорь у восточного берега мыса Горн, в местечке, которому нельзя дать географического определения. Ни залив, ни бухта, ни гавань, ни лагуна. Скорее подойдёт термин “заводь”.

У знаменитого острова, объявленного ЮНЕСКО заповедником, нет, естественно, никакого причала. Значит, суда не могут подходить к нему. Только стоять на якоре. И на лодке с мотором или вёслами добираться до крутого, бугристого от аморфных базальтовых валунов берега.

Мы поднялись на пологую вершину. Первое, на что я обратил внимание, – это океан. Редчайший случай, неповторимое мгновение! Единым взглядом смотришь и видишь одновременно два океана. Ведь именно здесь, за мысом, проходит та самая условная линия, которая не то отделяет, не то объединяет Атлантический и Тихий океаны...

Остров Горн. Ветер дует со всех сторон, но в основном с северо-запада, морозный, валит с ног, заставляя передвигаться согнувшись в три погибели. Тропа, мощённая досками, ведет к маленькому храму. Деревянный домик, срубленный из дуба. Напоминает добрую рязанскую хату. Божий домик. Внутри очень мало света. Присмотрелись. На противоположной стене слева я увидел, чувствовалось – тяжёлый, православный крест. Это Фёдор Конюхов и его экипаж из девяти человек. На другой стороне мы укрепили наш бронзовый крест высотой в 45 сантиметров с узорами, напоминающими элементы традиционных армянских хачкаров. И вдруг наступила какая-то сплошная тишина. В теле не то слабость, не то покой. Может, это и есть осязаемое ощущение счастья... Всё-таки сделали. Смогли.

Это было в мае 1945 года. Мне десять лет. К нам, в давно опустевший дом, пришли родственники. Отца уже нет, он враг народа, и реабилитируют его не скоро. Мать – в ГУЛАГе. Все подолгу беседовали с дедушкой. Дед в таких случаях не отпускал меня от себя. Я привык к этому и молча слушал. Дядя Андраник заговорил о жертвах на войне и не только на войне. Я не очень понимал, о чём это он. И вдруг дедушка Маркос сказал нечто такое, что, как мне показалось, я понял. Хотя там были такие слова, как “жертва”, как “святые”, как “невинный”. Очень тяжёлые для детского уха. Дед ска-

зал: “Если хотят спасти мир, то надо, невзирая на цвет кожи и национальность, причислить все невинные жертвы к лику святых”.

Мысль деда проникла в меня. Объединив всех невинных жертв, объединишь и тех, кому они дороги. Вот мы и оставили у бронзового армянского креста текст на пяти языках: “Светлой памяти всех невинных жертв на нашей планете посвящается этот армянский крест. Доставил его на мыс Горн экипаж парусной яхты “Армения” 8 января 2011 года”.

Впервые я узнал о мысе Горн примерно в четырнадцать-пятнадцать лет. Наверное, из Жюль Верна. По крайней мере, я долго помнил ту библиотечную (в наше время школьники ходили в библиотеку), зачитанную до дыр книгу. А в 60-е весь мир с волнением следил за беспримерными кругосветками англичанина сэра Фрэнсиса Чичестера. Тогда все говорили о “дурной славе”, “печально известной”, “трагически популярной” географической точке на самом юге земного шара. Всегда помнил о координатах 55 градусов 59 минут южной широты и 67 градусов 16 минут западной долготы. И место это называли то кладбищем десятков тысяч моряков, то последним пристанищем восьми сотен кораблей, из коих около двухсот – большие и известные. Чаще всего погибали, когда шли с востока на запад, то есть против природного течения и пассатных ветров, и это при том, что около 300 дней в году здесь бывает неспокойно. Именно поэтому все кругосветные гонки проводятся так, чтобы яхты шли с запада на восток. Мы же были вынуждены идти с востока на запад.

Утром мы вышли в пролив Дрейка, который отделяет Южную Америку от Антарктиды, и направились к мысу. Побережье крохотного острова, где на самом юге выступает знаменитый мыс, мы обходили четыре часа. Никогда не было такого, чтобы на коротком участке приходилось более 100 раз менять галс. И всё это чтобы стать под углом к встречному ветру, который будет нести тебя в сторону, но всё-таки чуть-чуть – по желанному курсу. Моряки знают, что к любому ветру можно приноровиться, но только не к порывам. Порыв. Как часто я в жутких условиях ухитрялся каракулями в блокноте описывать какие-то детали, штрихи, мелочи, связанные с Порывом, который мне так и хочется писать с заглавной буквы. Я ведь убедился, что белой шапкой Девятого вала (в данном случае – без кавычек) Айвазовский своей волшебной кистью рас-

крыл образ его величества Порыва. Порыв – это не только и не просто ветер, который представляет собой, говоря языком энциклопедических словарей, движение воздуха относительно поверхности океана. Порыв – это некая реальная мистика. Это энергия. Мощь. Сила. Порыв – это свобода и взрыв. Ибо взрыв – это и есть освобождение большого количества энергии в ограниченном объёме за короткий промежуток времени. Порыв – это Вдохновение. Это – Стремление. Это – Страсть. А какие словосочетания: в порыве гнева, радости, порывы благие, добрые, недобрые. Ну и, конечно, чаще всего люди произносят “порыв ветра”, который, как уже говорилось, в два, в три раза сильнее, чем сам ветер. И проявляется в течение мгновений. Этих мгновений бывает достаточно, чтобы случилась катастрофа. Чтобы родился Девятый вал.

И мы видели это. Мы его преодолели. Это был наш ПОРЫВ. Прошли с востока на запад, из Атлантики в Тихий.

Однако у нас была ещё одна задача. А для меня – давнишняя мечта. Вряд ли кто-нибудь “одновременно” проходил и мыс Горн, а затем ещё и Магелланов пролив, чтобы теперь уже снова войти в Тихий океан именно там, где прошли три из пяти судов Фернана Магеллана. И где он, пионер кругосветки, произнёс историческое – “ТИХИЙ океан”. Он ошибся. Но это была ошибка гения, с которым мы ещё встретимся.

Преодолеть себя

В предыдущей главе я вовсе не случайно поставил вопрос: “Вряд ли кто-нибудь проходит мыс Горн, а затем ещё и Магелланов пролив, чтобы снова войти в Тихий океан именно там, где проходили три из пяти судов Фернана Магеллана”. В самом деле, зачем это надо? Для того, чтобы совершить кругосветное плавание, достаточно либо из одного океана в другой пройти через Магелланов пролив, либо обогнуть мыс Горн. Тут дело в том, что давно ведутся толки и споры: какой из путей тяжелей, страшней, опасней. Доказательств в “пользу” пролива больше. Но вот по части легенд, рекламного шума и романтики мыс Горн не имеет равных, и имен-

но на мысе Горн, точнее, на острове Горн мы установили армянский крест в память обо всех невинных жертвах планеты Земля.

И все же нам не хотелось изменить бесстрашному и мужественному Магеллану. Вот и пошли на самое необычное и невероятное. Обогнув Горн и пройдя изрядное расстояние по Тихому океану, повернули и, минуя бесчисленное количество островов Огненной Земли, вошли в Магелланов пролив. Теперь “Армения” вновь направилась к Тихому океану, но уже по пути, пройденному Магелланом. Именно этот участок считается самым тяжёлым. Здесь мы засняли торчащие из воды у вулканических берегов носы или кормовые части затонувших кораблей. Около двухсот километров шли, то и дело меняя галс, подбирая косой ветер сероватым стакселем, ловя себя на мысли, что так же, наверное, шёл Магеллан четырёхста девяносто лет назад.

Я позволю себе вспомнить о первой в мире кругосветке для того, чтобы сравнить, каково было первым, пионерам, носителям идеи. Сейчас, когда над миром нависла угроза бездуховности, я хочу в этих заметках сказать о силе духа, о воле человека, воодушевленного благородной идеей, высокой целью, преодолевающего всё и себя – для их достижения.

“В Тихий океан вышли три из пяти судов Магеллана”. Почему “три из пяти”? Речь о целой драме пионера кругосветки. О драме, переросшей в трагедию. На каждой из пяти каравелл было более пятидесяти человек. Вспомним, что во второй половине цивилизованного XX века мореплаватели испытывали лишения на яхтах со стальными корпусами, со спасательными кругами и плотом, со спецодеждой, с картой глубин, природных морских течений и пассатов, с витаминами и поливитаминами, с прогнозом погоды и всем таким прочим. А там – кромешная тьма, особенно когда тучи закрывают солнце и звёзды. Но тьма пострашнее – это экипаж. И вовсе не случайно ещё в самом начале, где-то на траверзе Канарских островов, начались стычки, бунты, убийства. Уже в южной части Атлантического океана не было эскадры Магеллана как таковой. И речь шла не только о традиционных морских бунтах, а о жестоких восстаниях и вероломных предательствах. Бывали моменты, когда три из пяти кораблей оказывались в руках мятежни-

ков. Несмотря на казни, аресты и кандалы Магеллану едва удалось с тремя каравеллами пройти пролив, который тогда ещё был безымянным.

Великой цели всегда достигали, преодолевая тысячи бед. Нетрудно представить, какие тогда были не только условия, но и возможности. Холодом и ужасом веет от документа: “Черви сгрызли остатки сухарей... Началась цинга, кожа покрылась язвами. Содрали кожаную обшивку с рей, несколько дней мочили в море, затем жарили и ели”. Вспомним трагическую статистику: из 264 членов пяти экипажей домой вернулись лишь 18. Возвратился всего один корабль. Только носитель великой идеи, каким был Магеллан, мог бывшему своему врагу Элькано, которого сам некогда заковал в кандалы, признаться, что их главная задача – чтобы домой вернулся хотя бы один из них. И 8 сентября 1522 года завершивший экспедицию после гибели Магеллана Хуан Себастьян Элькано произнёс историческую фразу: “Мы доказали, что Земля наша круглая”.

После мыса Горн и Магелланова пролива наш одномачтовый шлюп двадцать дней тащится против ветра на север вдоль западного побережья Южной Америки, переходя из неистовых пятидесятих в ревущие сороковые. Нас ждут в Чили, где есть армянская община со своим Армянским домом и часовней. Горстка соотечественников живёт там уже больше века. Среди них есть крупные учёные, академики, адмирал, общественные деятели. Они ждут нас, не зная, что творится на борту. Ветер встречный. Двадцать метров в секунду. Больше половины классического урагана. Часто меняем галс. Идём зигзагами. Время от времени усиливается шум, гул. Это уже вездесущие порывы. Вдруг прямо перед твоими глазами целое стадо белых барашков, которые снимают все вместе свои белые шапки. Это ураганный порыв косит поверхность океана, разом сдувая пенистые вершины пологих холмов. Но всё это длится несколько мгновений. Куда важнее то, что непрерывно происходит внутри парусника. Несколько суток он тащится на боку. Моментами угол крена доходит до сорока пяти градусов. Что творится в такие дни на борту? А ничего особенного. Кок, Саркис Кузаян, как и прежде, каждый день готовит завтрак, обед и ужин. Правда, надо видеть, как он работает при таком крене и такой качке. Надувшись

от ветра, паруса как бы тянут на себя мачту. А мачта наклоняет корпус набок, и в таком виде парусник то медленно взбирается на холм, то стремглав спускается по его склону, то, управляемый рулевым, обходит стороной огромные валы. И всё становится будничным, нормой. Экипаж несёт службу. Всем тяжело, даже тем, кто спит после вахты.

Опять нет связи. Что-то там, говорят, со спутником. Вроде бы считается надёжной эта спутниковая связь. А отошёл на десять миль от берега – не работает мобильный телефон, нет спутниковой связи, наглухо закрывается электронная почта. Так может длиться долго. Неделями. Неожиданно доносится с палубы: “Есть связь!” Это Мушег Барсемян. Тотчас же звонит мой мобильный. Жена, Нелли. Слышно, как галдят мои бесенята, пятеро внуков. Давно не слышал голос жены. Она просит: “Скажи что-нибудь хорошее, необычное, неожиданное”. И я выпаливаю: “Я помню: в этом году исполняется сорок лет со дня начала нашего счастья. Отметим”. Трубка отвечает молчанием. Это значит, я попал в точку и она прослезилась. Вдруг в трубке звучит голос моей старшей внучки, Риточки: “Дедушка, возвращайся скорее. Без тебя дома нет порядка”. – “Что ты имеешь в виду, балик джан?” Чуть подумала и громко сказала: “Твои сказки”. Теперь и я прослезился.

Отошли от Чили. За кормой Южная Америка. Она теперь в целой кипе моих записных книжек. Там же судьба одной женщины, которую экипаж “Армении” никогда не забудет. Абуэла Роса. Последняя из могижан. Давайте вспомним, откуда это страшное и трагическое словосочетание. Так Фенимор Купер назвал свой роман о вымершем племени индейцев. Правда, у Купера речь о Северной Америке. А Абуэла Роса доказательно считалась последней чистокровной индианкой племени яган на Огненной Земле. Она умерла в 1983 году в возрасте восьмидесяти лет. Вместе с ней ушла и живая память о её народе, и уникальная культура первобытных людей, о которой историки пишут: “Духовное развитие яган недалеко от культуры цивилизованных народов”.

Впервые узнав об Абуэле (Абуэла – означает “бабушка”, так все её звали), я задумался о том, что творилось у неё в душе, в уме, в

сердце, в памяти на смертном одре, когда она с болью сознавала: с её закатом солнце родного племени больше не взойдет. Уверен, когда она ещё в раннем детстве услышала, что “Бог – в каждом из нас”, то прекрасно понимала: в ней, чистокровной индианке, живет свой Бог. И перед смертью, наверное, подумала, что уходит в землю вместе со своим Богом, которому уже нечего делать в небесах. Судьба Абуэлы Росы – и конкретный, и обобщенный пример жертвы настоящего геноцида. Народ архипелага в суровых условиях Огненной Земли окультуривал землю, даже скалы, которые в свою очередь окультуривали и закаляли своих хозяев. У народа этого была своя земля, свои острова, своя цивилизация, своё солнце. И всё это вдруг осталось в хрупком теле и душе одной-единственной женщины. Бабушки Росы. Уже сегодня мало кто её помнит. Разве только пока – полукровки. Похоронена она в самом южном порту нашей планеты. В Пуэрто-Уильямсе.

Как только мы отдали якорь на рейде Пуэрто-Уильямса и в нашей резиновой лодке добрались до берега, я решил обязательно найти могилу Абуэлы Росы. Вспомнил, как в Стокгольме, куда мы добрались в 2006 году на яхте “Киликия”, долго искали на кладбище могилу Альмы Йохансон, которая в годы геноцида армян спасала тысячи и тысячи жизней наших соотечественников, написала книги “Народ в изгнании” и “Жизнь депортированных армян”. Мы нашли могилу, на которой так и написано: “Миссионерка в Армении”. Возложили цветы.

В самом южном порту Земли букетов не продают. И мы по дороге на кладбище нарвали целую охапку экзотических цветов и веток кустарника. Долго, всем экипажем, молча стояли у могилы последней, я бы с горечью отметил: очередной последней из могилок на нашей планете. В бетонную плиту вставлен фотопортрет Абуэлы. Негатив. Кто-то потом нам скажет, что есть в этом некий смысл. Мол, теперь уже никогда это лицо не проявится, как на фотобумаге. Невозможно разглядеть черты. Гайк Бадалян, мастер на все руки, ухитрился однако – “проявил” в компьютере: не очень чёткий, но всё-таки позитив. И мы увидели испещрённое морщинами лицо Росы. Увидели её грустные глаза. Я сделал набросок её лица в блокноте. На надгробии написано: “Здесь покоится прах Росы Яган де Миличик – последней из рода яган. Родилась 3 марта 1903

года, умерла 1 апреля 1983 года”. И её слова, обращённые ко всем нам: “Я уже оставила вас. Меня взял с собой мой Бог”. Историки ещё вернутся ко всем последним из могикиан, ибо сказано: “Время становится историей, когда умирает её последний живой свидетель”.

Презрев мистику, я хочу верить, что когда-нибудь вернётся на свою родину Бабушка Роса Яган и вместе с ней весь её род. Вернутся все последние из могикиан на свою родную землю. Если же я заблуждаюсь, то, как говорил мудрый Овидий, позволь мне остаться в моем заблуждении.

И всё-таки наше плавание больше, чем просто кругосветка. Это тяжёлая экспедиция, в рамках которой происходит кругосветное путешествие. То же самое было у нас на парусном судне “Киликия”, совершившем плавание по семи морям вокруг Европы. Двадцать шесть раз на “Киликии” меняли государственные флаги стран-хозяев территориальных вод. В пятидесяти семи портах мы встречались с давным-давно обустроенными армянскими общинами. И обо всём этом надо было регулярно писать. На борту у меня есть своеобразное правило. В ткань репортажей вплетаю этикие “штрихи к портретам” моих коллег, членов экипажа, будь то наш тяжеловес Самвел Карапетян или “в весе мухи” Ваагн Матевосян. На “Армении” восемь человек, и все мы ужасно разные. Одним я гожусь в братья, другим в отцы, третьим в дедушки. И все не только не похожи друг на друга, но и незаменимы. Я посылаю по электронной почте (техническими вопросами занимается бывший директор Института лазерной физики Армен Назарян) два-три репортажа в неделю по пять-шесть страниц. И в каждом материале, я подсчитал, около двадцати различных информации. Так я делаю всегда. И в 60-е годы во время плавания на лодках “Вулкан” и “Тейзер” от Тихого океана до вод Атлантики, и в 70-е во время экспедиции на собаках и оленях по морозной тундре Камчатки и Чукотки, и в 70-80-е во время многомесячного путешествия по всем без исключения районам и населённым пунктам Армении и армянским общинам США и Канады, и... всегда. Всякий раз непременно итогом экспедиции были книги, в которых, кроме прочего, я пытался дать портреты членов экипажа. Я не фотографировал, не рисовывал. Видя самобытность каждого, стремился заглянуть ему

в душу. У меня ведь есть замечательный учитель – Иван Александрович Гончаров.

При упоминании имени автора “Обломова” вспоминается другое русское имя. Граф Евфимий Васильевич Путятин, который был государственным деятелем, дипломатом, адмиралом. Но главное – в молодости совершил кругосветное плавание. Это он пригласил Гончарова принять участие в экспедиции на “Палладе”, прекрасно зная, что Иван Александрович обессмертит фрегат. Но для меня важнее было другое. Мастер реалистической прозы (так называли литературоведы Гончарова) честно признавался, что если бы он образы моряков фрегата “Паллада” списал с природы, как в дагерротипии (так тогда называли фотографию), то получились бы скучные самодовольные типы. Уроки Гончарова для меня сводились к тому, чтобы не только обозначить отношение автора к своему герою, но и рассказать о задачах, которые решает вся команда на борту. При этом, как я убедился, каждый чётко осознает, что выполняет не только свою судовую роль, но и общую для всех экспедиционную функцию. В нашем случае мы идём по самым трудным и даже, как пишут специалисты, самым “непроходимым маршрутам” океанских дорог не для установления спортивных рекордов, а потому, что этого требует география рассеянных по всему миру армянских общин и церквей.

Остров Пасхи. Ещё одна мечта юности моего поколения. Конечно, благодаря Туру Хейердалу, автору романтической книги “Кон-Тики”, который поведал миру о фантастических загадках острова Пасхи. Тогда, в 50-х, мы знали, что в географическом отношении остров Пасхи – самый отдалённый от материка населённый пункт в мире. Так, например, расстояние от него до континентального побережья Чили составляет более трёх тысяч семисот километров. А до ближайшего острова Питкерн – 2079 километров.

На всём протяжении от Южной Америки до Пасхи мы не видели ни одного плавсредства. Не видели ни днем, ни ночью. Ведь у нас всегда включен радар. Правда, больше запомнилось то, что за две недели пути не было мгновения, чтобы яхта наша не переваливалась с боку на бок. То есть 336 часов подряд мы непрерывно раскачивались, наклоняясь до предельных углов. Запало в душу и

то, что мы не видели ни плавающих водорослей, ни грязных пятен. Именно здесь у меня зародилась мысль написать письмо в ООН. И в блокноте сделал пометку: “Тема для “ЛГ”: экология океанов и проект ООН”.

Шестой месяц пльвём, и чаще всего в открытом океане. Окрест нет никаких ориентиров. На все четыре стороны света – туманная линия горизонта, описывающая какой-то сказочный круг, в центре которого ты и находишься. Представить бы себе, как выглядит с этой условной линии горизонта судно, в котором мы живём. Тёмно-синий невысокий борт, белая островерхая мачта, круто наклонившаяся с раскрытым грот-парусом на правый бок. Время от времени, неожиданно и как-то сразу, появляются с обеих сторон стаи шустрх торпед – дельфинов, иногда акулы, редко киты. На душе становится теплее. Через час – чуть меньше, чуть больше – они так же мгновенно исчезают. И ты остаёшься, я бы сказал, один на один с голым океаном. Время от времени достаю из кармана блокнот и делаю записи. Об океане. Об океанах. Об экологии океана. Перелистал бы уважаемый генеральный секретарь Пан Ги Мун мою записную книжку, прочитал бы, что я там пишу, и, уверен, он был бы счастлив. В конце концов, может же хоть кто-то похвалить ООН! Я не шучу. Я серьёзно. Вспомним, как летом 1970 года выдающийся норвежский этнолог, археолог и путешественник Тур Хейердал совершил (со второй попытки) трансатлантический переход на папирусной лодке “Ра” и по окончании экспедиции выступил с высокой трибуны ООН с тревожным докладом о трагическом состоянии экологии океана, демонстрируя снимки нефтяных и химических пятен на всём протяжении маршрута “Ра” от берегов Африки до острова Барбадос. Именно после этого, в 1972 году, состоялась знаменитая Стокгольмская международная конференция, а вскоре была утверждена и принята Программа ООН по окружающей среде, в том числе, конечно, и по морям и океанам. Так получилось, что в восьмидесятые годы в рамках международной экологической организации “Байкальское движение”, организованной Союзом писателей СССР и “Литературной газетой”, я как сопредседатель (вместе с Валентином Распутиным и японским философом Хироси Номой) ездил по многим пресноводным озерам

мира. Уже тогда я следил за решением задач, вошедших в стокгольмские проекты ООН. А в ходе трехлетнего плавания на паруснике “Киликия” по семи морям вокруг Европы постоянно вел записи об экологическом состоянии огромных водных бассейнов. И видел, как из года в год положение улучшается. А теперь, уже в Атлантическом океане, именно на маршруте Тура Хейердала, мы не заметили ни одного пятнышка. То же самое могу сказать о Южной Атлантике, о Тихом океане аж до Австралии. Разумеется, речь идет только о внешнем наблюдении. Но это тоже важно. Так что нам, экипажу “Армении”, есть о чем радостно рассказать генеральному секретарю ООН. Ведь океаны – это главная надежда сохранения жизни на земле.

Во многом не разделяя политические действия Организации объединенных наций, особенно в национальных вопросах, в то же время не могу закрывать глаза на реальный результат созданной в рамках ООН Программы по окружающей среде, на деятельность такого мобильного и оперативного органа, как ЮНЕП, направленную на развитие природоохранного сотрудничества государств. Мы, члены экологической организации “Байкальское движение”, видели, как Япония спасла крупнейшее своё пресноводное священное озеро Бива, как не дали погибнуть Рейну и Темзе, как Армения возрождает Севан. Значит, можно...

Середина Тасманова моря. На тёмно-стальной бугристой поверхности мирно и мерно сосуществуют одновременно холмы и ложбины. Значит, корпус судна то оказывается в глубоком ущелье, то на пике. И так уже пятый день. Часто вспоминаем расхожую фразу: “Тасманово море не для прогулок”. Невозможно готовить пищу, стоять на ногах, есть, печатать, спать. Но мы и едим, и стоим, и спим, и я печатаю.

Восемь утра. Даже при таких условиях приходит пора накрывать стол. Кстати, сам стол застлан материалом, на котором удерживаются, не скользя, все плоские предметы утвари: тарелки, широкие чашки. Всё остальное должно быть в руках. Кок помогает мне перетащить машинку с бумагами и книгами в мою каюту, на двери которой написано “Литературная газета”. Завтрак (рисовая каша) длится недолго: держа тарелку в руке и качаясь из стороны в

сторону, расслаживаться не станешь. Вдруг с верхней палубы доносится громкое “Торнадо!” Это кричит вахтенный Мушег Барсегян. Это действует сильнее, чем банальный “Аврал!” Все на палубе. На горизонте светится огромный ярко-белый шар. Он растёт вверх, как ствол дерева. На наших глазах вырос высоченный столб. То, что я назвал шаром, вертится. Столб гнётся то влево, то вправо. Ребята всё это снимают. Самвел Бабасян – конечно с телекамерой. Мы знаем, что торнадо – это атмосферный вихрь, возникающий из грозового облака. Знаем также, что смерчи над сушей и морем разнятся и по своим характеристикам, и по внешнему виду. То, что я назвал столбом, учёные именуют рукавом или хоботом. Вращаясь вокруг своей оси вихрем шириной до ста метров, они на суше двигаются с приличной скоростью. На море все иначе. Видно, как вода, словно превратившись в нечто твердое, вращается, разбрасывая по сторонам многотонные осколки-брызги. Однако на этом уникальный спектакль не заканчивается. На наших глазах слева от длинного рукава начало зарождаться второе вихревое явление. А вскоре и третье. Это действительно надо видеть. Таинство. И всё это снято для будущего фильма.

Войдя в Бассов пролив, “Армения” перешла из Тихого в Индийский океан, на берегу которого красуется порт Мельбурн. Там крупная армянская община со школами, церковью, общественными организациями. Там же на мраморной стене олимпийского стадиона высечены имена победителей XVI Олимпиады (1956 год), и среди них король колец или, как называли его в Австралии, “человек-крест” – гимнаст Альберт Азарян и легендарный боксер Владимир Енгибарян. Мы обязательно посетим это памятное место и поклонимся кумирам моей юности. Не надо бояться этого слова. Кумир. В Библии о другом кумире говорится. И я согласен с Библией. Я же о тех, кто, преодолевая себя, побеждает. Преодолеть себя. Эту строку из Эмиля Верхарна взял для названия своего сборника рассказов другой кумир молодёжи пятидесятых–шестидесятых, самый сильный человек планеты Юрий Власов, тоже не раз побеждавший себя. Я полвека занимаюсь профессиональными путешествиями и не раз убеждался, что из невероятных, опасных ситуаций можно выйти, если сумеешь действительно преодолеть себя, победить в себе накопившиеся страх, безволие, отчаяние. Мой

выдающийся коллега, французский врач и мореплаватель Ален Бомбар еще в сороковых–пятидесятых годах прошлого века, исследовав последствия кораблекрушений, пришел к выводу: вместо того чтобы поверить в себя, люди верили в неизбежность неминуемой гибели. Решив доказать своим пациентам (Бомбар был врачом в морском порту), что сила воли побеждает стихию, он сел в крохотную резиновую лодку без куска хлеба, без капли питьевой воды и вышел через Гибралтарский пролив в Атлантический океан. Течение прибило его через два месяца к острову Барбадос. Я не буду излагать содержание книги “За бортом по своей воле”. Надо взять её в библиотеке и прочитать. Бомбар, как показала жизнь, спас сотни, тысячи людей своим примером, даже тем, что в своей книге обратился ко всем погибшим на море: “Жертвы легендарных кораблекрушений, погибшие преждевременно, я знаю: вас убило не море, вас убил не голод, вас убила не жажда! Раскачиваясь на волнах под жалобные крики чаек, вы умерли от страха”.

И еще один мой, скажем, не кумир, а учитель. Сэр Фрэнсис Чичестер. Его имя гремело особенно в пятидесятые–шестидесятые годы XX века. Его кругосветки поражали воображение современников. По своей сложности, по своим скоростям, маршрутам. Он во время одной из своих кругосветок назначил свидание жене в Сиднее и пришел вовремя, чем вызвал у нас, в том числе неженатых, зависть. Но мало кто знал тогда, что в 1957 году, за десять лет до его фантастических мировых достижений, ему был поставлен диагноз-приговор: рак лёгких. Нет, ошибки в фатальном диагнозе не было. Но произошло то, что иногда в медицине бывает: рост опухоли остановился. Никакой мистики. Забегая вперед, скажу, Чичестер умрет-таки от рака. Но это будет много позже. А пока он не давал себе покоя. Рекорды за рекордами. Он готовился серьёзно и по-настоящему преодолеть себя, победить смертельный недуг. И совершил невозможное: не раз побеждал в одиночных трансатлантических и кругосветных гонках. Ему было шестьдесят пять лет. Все двести двадцать пять дней кругосветки он чувствовал себя нормально. Газеты тогда писали, что встречающие, в том числе королева Елизавета II, увидели измученного, истощённого старика, его шатало от постоянного головокружения, от открывшейся язвы, и он задыхался от приступа астмы. Это газеты. А вот что писал сам

мореплавателю: “Всё, что я пережил, подтверждает единственную мысль: здоровье определяется главным образом душевным состоянием человека. Я считаю, что причина большинства болезней, кроме оспы, чумы и других инфекционных заболеваний, кроется в состоянии угнетённости, и прежде всего – эмоциональной подавленности”.

Часто на нашем маленьком шлюпе, когда бывает очень и очень тяжело, я рассказываю друзьям новые и новые эпизоды из жизни этого настоящего учителя духа. Умер он именно от рака лёгких в 1972 году, в возрасте семидесяти лет, пережив, как он выразился, свою смерть на целых пятнадцать лет. Кстати, именно за эти пятнадцать лет Фрэнсис Чичестер стал сэром Фрэнсисом Чичестером, оставив не только память о себе, но и уроки того, как **преодолеть себя**.

*Борт парусного шлюпа “Армения”,
Атлантический, Тихий и
Индийский океаны*

ВАЛЕРИЯ ОЛЮНИНА

Арбуз и дыня В коньяке

– Нет, – сказал Григорий Потоцкий. – Никакого завтра. Едем к Завену прямо сейчас. Быстренько принимаем душ – и через пятнадцать минут в холле.

Всемирно известный скульптор Потоцкий имел полное право командовать и в Ереване. Мы только что из Степанакерта, где по его вине президент республики и спикер собрания занимались сущими пустяками: резали нитки, отпуская на волю воздушные шары. Прямо возле его скульптуры “Одуванчик”, где глаз – на каждой ладони и смотрит так, что сама ладонь становится зрячей.

– Вы сами-то хоть поняли, что вы сделали? – спросил Потоцкого кто-то из свиты.

– А что? – опять не понял Потоцкий.

А за несколько минут до этого владыка Паргев в своем черном клубуке стоял под целой связкой этих шаров. На моей фотографии он обрамлен радужным пузырящимся нимбом.

Мы спускаемся ровно через десять минут: Потоцкий с Ольгой Барэ и я с подарком Завену... Холл гостиницы “Ани” на улице Саят-Нова – что бульвар Капуцинов. Съезжаются гости фестиваля искусств “Карот”. Здесь можно увидеть Игоря Косто-

левского и Эммануила Виторгана, Александра Семчева и скульптора из Парижа Давида Ереванци... Навстречу из лифта выходит наш любимый Мокий Парменych – Алексей Петренко, в спортивном костюме, со своей Азимой.

– Лёшка! – кричит Потоцкий. – Быстро переодевайся и едем к Завену!

– Куда едем-то? – переспрашивает Алексей Васильевич. И, кажется, даже не услышав куда, уходит в лифт.

Потоцкий, Ольга Барэ, Алексей Петренко, Азима и я ловим маленькую машинку, загружаемся как придется и едем в квартал Дзорагюх, в музей Параджанова.

Здесь конечно застолье. Сидят итальянцы – приехали договариваться с Завеном об установке энергосберегающих ламп. Итальянцы смотрят на нас, а мы на них. По счастью, встает армянский гость Завена и говорит Алексею Петренко:

– Вы великий артист! Не могу не позать вам руку!

Теперь наш визит оправдан.

Я выкладываю маленькую колючую рыбку – морского ежа, каждая игла ее украшена бусиной. Нелепо пытаться скрыть настоящую женскую сущность этой рыбной ежихи – она продолжает вытягивать подкрашенные алым маслом губы, призывать к поцелую, за которым известно что последует. Завен кладёт плотоядную тварь на подоконник, придвигая к ней тарелку с яблоками.

Мы поднимаемся наверх.

Перед нами коллаж “Жизнь и смерть генерала Радко”, сделанный из почти помойного мусора, собранного в один пакет его далеким потомком: талеры, выдавленные в тюрьме ногтем из молочных крышек; как будто обгоревшие куклы в грязных кружевах – теперь вечно живые пластмассовые дети, пережившие войну; шляпы для несыгранных ролей Наты Вачнадзе, и улыбка умершей от туберкулёза сестры Веры, и маленькая детская ручка Джоконды, вытирающая платком слёзы...

Алексей Васильевич потрясен. И Азима тоже. Мы – и Григорий, и Ольга, и я – уже были здесь. Поэтому для меня уже интересней наблюдать за глазами Петренко. Он только что прилетел в Ереван по внутреннему русскому паспорту. Он подумал – ну раз СНГ, значит можно. Можно на Украину, в Белоруссию, но не в Армению! И полчаса его, народного артиста РСФСР, допрашивали в каком-то изоляторе, обвиняя в нарушении государственной границы... Всё это отлетело, когда мы перешагнули порог этого дома, где Параджанову жить не было суждено. Но где он живёт.

За месяц до этой поездки я звонила Алексею Васильевичу – он был на Волге и давал мне интервью по телефону. Но сейчас я наслаждаюсь теплым магнетизмом, исходящим от его похудевшей фигуры, пусть даже он и опирается на палку...

Мы подолгу простаиваем в каждом зале. Особенно долго в той самой комнате, где сохранился запах тбилисского дома. Где есть кровать, застеленная покрывалом-кумачом с золотыми словами про грузинскую компартию. В прошлом году Алексей Васильевич похоронил жену, Галину Кожухову. Она была театральным обозревателем газеты “Правда” и матерью их сына, известного телеведущего Михаила Кожухова. И только после посещения православного монастыря в Новом Афоне его отпустило. Настоятель храма сказал: “Радуйся, ведь она уже там!” Постепенно он словно вернул себе право на жизнь, а потом и на Азиму...

Алексей Васильевич вспоминает эпизод из далёкого прошлого, когда ночью в их доме раздался звонок знаменитого кинооператора Сергея Урусевского. Он только что посмотрел параджановский фильм “Цвет граната” и звонил Галине, крича от восторга в трубку.

Мы спускаемся – и нас уже ждет вновь накрытый стол. Это, может быть, единственный в мире музей, где по вечерам очень часто накрывают стол. Вернее, где с него никогда не срывают скатерть. На больших тарелках – ломти арбуза и дыни, возле них – бокалы и коньяк. Мы уже говорим друг с другом так, буд-

то все знакомы давно, а Завен еще и фотографирует нас, держа фотоаппарат у своей груди: Завен сердцем видит, я давно это знаю....

Сначала мы пьем и закусываем коньяк, но Завен предлагает макать куски дыни и арбуза в рюмки. Так и вправду вкуснее. Но коньяк с таким подходом заканчивается.

– Завен, – говорит Алексей Васильевич. – А можно я еще по-макаю?

Мы макаем по третьей...

Мы слушаем рассказы про величайшего в истории кинорежиссера, про его дружбу с Андреем Тарковским – он, будучи в Ереване, останавливался там же, где и мы, – в “Ани” (в каком же номере: у Петренко? у Потоцкого?) ...

Знаменитые параджановские слова “Я отомщу любовью” заставляют Петренко вспомнить случай из детства.

– Однажды соседка, злая полячка, за какую-то провинность брата передушила всех наших кур. Брат давился слезами от злости, грозился отомстить. А мама наша взяла и наварила больших кусков мяса, нарезала колбасы, положила всё на тарелку и велела брату отнести ей. После того случая ничего худого полячка нам не делала.

Так в разговоре в который раз замыкается кольцо. Ведь Алексей Васильевич родился на Черниговщине, а там есть маленькое село Сосница – родина Александра Довженко. У него, после смерти Игоря Савченко, и доучивался Параджанов, а на студии его имени создавал свои шедевры.

– Завен, а теперь мы покажем вам самое красивое, самое замечательное, что есть в мире! Мы покажем вам... спину гостя! – говорит Петренко.

Мы смеёмся и нехотя поднимаемся с кресел.

Спину гостя пришлось нам показать и Сергею Иосифовичу... Так и остались мы стоять на той фотографии, где за нами не прятался, а освящал наш приход сюда Сергей Параджанов. Держа в правой руке большой белоснежный цветок, похожий на спящего голубя, прикрывающего голову крыльями...

Путеводные звёзды Спендиарова

“Милый Александр Афанасьевич, если вы свободны сегодня после обеда, зайдите ко мне и захватите с собой цветные карандаши. Давайте поставим ударение во втором акте “Алмаст” у меня”, – писала соавтор текста либретто знаменитой оперы София Парнок Александру Спендиарову. В 140-ю годовщину со дня рождения композитора мы вспоминаем о его творчестве, о том, как создавалось единое пространство армяно-русской музыки, и, конечно, о его любимом детище – опере “Алмаст”, судьба которой после смерти автора будто внесла драматический нюанс в жизнь, прошедшую без суровых испытаний...

Арам Хачатурян, встречавшийся со Спендиаровым и официально, и полуофициально, и просто дружески, вспоминал: “Александр Афанасьевич был меньше всего “классиком” в возвышенном смысле... Небольшого роста, в очках, умные глаза, обаятельная улыбка, выразительное лицо. Человек удивительно простой в общении с людьми, немного стеснительный, всегда внимательный к собеседнику, предельно ясный в суждениях, стремлениях, действиях... С огромным волнением я приносил ему на суд свои первые композиторские опыты, но его вдумчивое, серьезное отношение к моему творчеству, внимательность и участие вдохновляли и поощряли меня”.

Как эти слова похожи на те, что писал в своих дневниках, сам Спендиаров, до конца жизни почитая своего учителя Николая Андреевича Римского-Корсакова, неизменно подписывая письма к нему “Искренно преданный вам...”

Встречи Спендиарова и молодого Хачатуряна проходили в Москве, часто в Доме армянской культуры. Здесь собирались талантливые актеры, художники, музыканты, поэты. Спендиаров делал для них невероятно много. Приехав в Армению в 1924 году, за четыре года до своего ухода, продолжал писать статьи, рецензии, беседы, воспоминания о встречах с Петром Чайковским, с Максимом Горьким. После приезда в Ереван он сразу же выступил в прессе со специальной статьей о роли симфонической музыки в воспитании эстетических вкусов народа. До Спендиарова армянская музыка была преимущественно вокальной, композитор, как писал Арам Хачатурян, “поднял её потолок, сделал другими масштабы и критерии”.

Всегда была на исторической родине и живая работа: знакомство с ансамблями восточной музыки, квинтет реконструированных восточных инструментов, составление плана организации музыкального издательства Армении, первое исполнение в Ереване Симфонии № 3 Бетховена, наконец, создание симфонического оркестра при Ереванской консерватории. И про молодёжь Спендиаров никогда не забывал. Он преподавал, организовывал концерты оперного класса консерватории, писал рецензии на выступления молодых исполнителей.

Но начиналось всё не с любви к Армении – она появилась и окрепла много позже его детства. Долгое время он и не считался армянским композитором, подтверждая это в своих записях: “Я причисляю себя к русской школе”.

Любовь к музыке, особенно ориентальной, родилась с татарскими песнями, что напевала ему мама.

Родился композитор 1 ноября 1871 года в городе Каховка Таврической губернии Днепровского уезда. Сейчас этот город известен своим большим фестивалем “Таврийские игры”. А тогда... Военные оркестры да песни уличных музыкантов – вот и всё начальное музыкальное образование Александра, и таким бы оно и осталось, если бы не мать и отец-коммерсант. Мама, урожденная Селинова, происходила из карасубазарской мещанской семьи. Отец Натальи Карповны был двоюродным братом художника Ивана Айвазовского, сам же Александр Спен-

диаров женился на внучатой племяннице художника Варваре Леонидовне Мизировой. Наталья Карповна, хотя получила лишь начальное музыкальное образование (как, впрочем, и отец композитора), хорошо играла на фортепиано, как и её сестра. Брат играл на скрипке.

Город Каховка был основан в 1791 году на месте прежней турецкой крепости Ислам-Кермен. Известное торговое местечко... Из исторических летописей узнаем, что благодаря своим ярмаркам наёмного труда, которые собирали до 40 тысяч приезжих работников, Каховка стала играть роль поставщика рабочей силы для крупных помещичьих усадеб.

В конце XIX века население Каховки насчитывало несколько тысяч жителей. Скучную жизнь провинциальной Таврии и Крыма Александр раскрашивал сам. С трёх лет мастерил из бумаги разных птиц и животных, да так здорово, что Иван Айвазовский взял несколько поделок шестилетнего мальчика, чтобы показать в Академии художеств. Александр и стихи писал, и рисовал. Потом стал сочинять марши и салонные романсы – того требовала псевдокультурная среда, в центре внимания которой были очень плохие оперные спектакли Симферопольского театра (мальчик с девяти лет учился в Симферопольской классической гимназии). Самое поразительное в «увертюре», предвосхитившей легендарную жизнь композитора, это то, что, не зная основ музыкальной теории, Александр записывал опусы без единой ошибки. Сам впоследствии удивлялся, заглянув в гимназические тетради.

Но однажды вместе с отцом он поехал в Европу. В Венском оперном театре он слушал “Кармен”. Потрясение и вместе с тем неслыханная по дерзости мечта: “Ошеломленный, я вышел из театра, мечтая, как о высшем счастье, услышать когда-нибудь свое произведение в исполнении такого же прекрасного оркестра”.

...Исполнению симфонической картины “Три пальмы” будут аплодировать здесь, в Вене, а еще в Хельсинки, Карлсбаде, Риме, Москве, Харькове, Одессе... В 1913 году в Берлине в театре “Кроль-опера” состоится премьера балета Михаила Фокина

“Семь дочерей царя джиннов”, поставленного на музыку сюиты “Три пальмы”, где будет блистать Анна Павлова...

Ну а пока начались годы ученичества. Тоже со своими зигзагами. По-настоящему музыкой Александр занялся только с девяти лет и вскоре бросил фортепиано – не выносил гамм и экзерсисов. С четырнадцати лет – игра на скрипке. Показал очередную марш известному музыканту Н.С.Кленовскому – начались занятия теорией композиции. Потом Николай Кленовский едет в Тифлис, а Александр – в Москву, учиться в университете: год занимается на естественном факультете, но заканчивает всё же юридический. Поступает частным учеником к Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову. Примечательно, что в год рождения Спендиарова Римский-Корсаков становится профессором Санкт-Петербургской консерватории.

Именно русская ориенталистика пленяла Спендиарова: “Шехеразада” Римского-Корсакова, “Князь Игорь” Бородина... Это направление в музыке объединило музыкальные пласты обеих культур. Музыковед Маргарита Рухьян подробно разработала тему кровной связи начального периода творчества Спендиарова, завершившегося “Тремя пальмами”, с традицией русской ориентальной музыки. Для него это был не просто отклик на зов Кавказа. Он откликался и на сочувствие русской интеллигенции к судьбам кавказских народов, чье будущее решалось в царских палатах. М.Рухьян слышит здесь и голоса русских художников, обретающих собственный взгляд на откровения Востока.

Справедливый упрек бросает исследователь русским композиторам. За все годы совместного сосуществования ни один армянский образ, ни один армянский пейзаж не был отражен в русской музыке. Не озвучена ни одна армянская мелодия. Темы Востока развивались слишком абстрагированно и от других национальных культур, исключение делалось лишь для Грузии. И даже восточные темы гениальной “Шехеразады” признавались её автором слишком умозрительными, “из головы”.

Римский-Корсаков говорил об этом Спендиарову, направляя его к написанию симфонических картин и особенно – восточ-

ной оперы. До самой смерти учитель был рядом с Александром Афанасьевичем. Да и не он один. Творчество армянского композитора поддерживали Анатолий Лядов, Александр Глазунов, Антон Аренский, Владимир Стасов, Антон Чехов, Фёдор Шаляпин.

И все же был не только ориентализм, положенный на стихи Михаила Лермонтова, Гафиза, но и армянская музыка. Может быть, даже хорошо, что она легла на уже подготовленную душу и мастерство. В 1898 году Спендиаров встречается с Николаем Фаддеевичем Тиграновым, и «незнакомая своеобразная мелодика и ритмика армянских плясок, чарующая прелесть арабесок, персидских и курдских баяти в обработке Тигранова» производят на него сильнейшее впечатление. Он собирает записи и граммофонные пластинки с музыкой наставника. Какие-то её фрагменты он использует позже в опере «Алмаст».

В 1916 году в Тифлисе, слушая народных певцов и вспоминая разговор с Мартиросом Сарьяном об Александре Гречанинове, тоже верном ученике Римского-Корсакова, который собирался писать оперу на сюжет поэмы Ованеса Туманяна «Ануш», Спендиаров решает. Случайно-закономерное пребывание в Крыму поэтессы Софии Парнок, вместе с Вячеславом Ходасевичем примкнувшей к литературной группе «Лирический круг», которая тяготела к античному и пушкинскому классицизму, сводит две замечательные руки. Исследуя рукопись либретто оперы «Алмаст», написанную по поэме Ованеса Туманяна «Взятие крепости Тмук», искусствовед Карине Худабашьян отмечает: «Эта тетрадь была вещественным доказательством той огромной работы над самим текстом либретто, которая была проделана либреттистом и композитором, прежде чем начала создаваться сама музыка». Исследователь пишет об интересном факте: Парнок, скорее всего, обращалась за помощью к автору подстрочника «Ануш». Ведь в опере «Алмаст» песня «Джан-гюлум» из поэмы Туманяна звучит по-туманяновски – четверостишием, а не как в переводе 1916 года, сделанном Вячеславом Ивановым, – двустишием. К тому же русского перевода «Взятия крепости Тмук» тогда ещё не было. Несмотря на то, что Спендиарову не понравилась поэма «Ануш», полностью уйти от неё

не удалось. Черты характера Ануш плавно легли на психологический образ Алмаст: та же вера в судьбу и сбывшееся предсказание. Спендиаров стремился создать “проблемную” оперу, используя принципы шекспировской поэтики. А ей свойственна жизнь в движении и борьбе, столкновение разных стремлений. У Надир-шаха, Алмаст, Татула свои нравственные принципы. В душах героев есть неоднозначное, диалектичное. Эти краски, ненужные в сороковые годы, когда царила чёрно-белая “графика”, и стали поводом к тому, чтобы купировать многие эпизоды оперы в разных инсценировках (шлифовку и последний монтаж партитуры осуществил после смерти композитора его друг Максимилиан Штейнберг). Важный эпизод, где оркестр сопровождает бредущий по пустыне караван – символический образ времени, – тоже был вырезан. Но для Спендиарова эта идея была квинтэссенцией оперы. Только история вершит правый суд!

Премьера оперы состоялась в 1930 году в филиале Большого театра Москвы с участием великолепной Марии Максаковой: артистическому профессионализму певицы было близко сценическое выражение внутреннего состояния изменницы Алмаст, позже пренебрегшей богатством и славой.

Потом опера ставилась в Одессе, Тбилиси и, наконец, в Ереване. 20 января 1933 года, в день открытия государственного оперного театра, сегодня носящего имя Спендиарова, состоялась её армянская премьера.

...Клипер “Алмаз”, на котором когда-то уходил в кругосветку морской офицер Николай Андреевич Римский-Корсаков, словно отозвался издали похожим созвучием...

“У меня в руках армянский клубок...”

Валерия Олюнина – известный российский журналист, автор “Литературной газеты”, “Литературной России”, международной армянской газеты “Ноев Ковчег”. Выпускница факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, училась в Литературном институте имени Горького у Руслана Киреева. В настоящее время является сотрудником медиа-центра “Евразия” и пресс-секретарем Представительства Алтайского края при Правительстве РФ. Недавно в составе делегации российских журналистов Валерия побывала в Нагорном Карабахе.

– Когда Вы для себя открыли Армению, Карабах, Кавказ вообще?

– Елена, про то, что армяне существуют как нация я узнала из “Пионерской правды”. И это была публикация о землетрясении 1988 года. Невыносимые фотографии разрушений, человеческого горя... О событиях в Нагорном Карабахе я узнала гораздо позднее. Мой отец был авиационным политработником, а геополитика была его страстью. Но даже он при всей своей влюбленности в Кавказ – а по своей натуре он был человек лермонтовского склада, романтик и бунтарь, – он никогда не заговаривал со мной об Армении и проблемах, связанных с Нагорным Карабахом. Мы жили тогда в Сибири, в маленьком провинциальном городке, и, возможно, рухнувшая в одночасье картина советского мира заставляла таких людей, как мой отец, становиться интровертами, мучительно размышлять и загонять вопросы внутрь себя. Поэтому к своему Кавказу я долгое время шла без поводья, на ощупь. Я просто эмоционально

вбирала в себя настрой отца. Ведь наши ребята, авиационные техники, в 1989 году проходили практику на военной базе Вазиани. И когда начались стычки с местными, отец полетел в Грузию и смог контролировать ситуацию.

В том же году мы всей семьей отправились в аджарский Кобулет на море. Мы прилетели в Сухуми, сели в автобус и часа четыре ехали вдоль побережья. Это был впервые близко увиденный Кавказ. Портреты умерших матерей, выставленные в окнах, траурные ленты вокруг лестничных перил, домашний скот, бегающий по пыльным дорогам... Еще несколько дней, и начался грузино-абхазский конфликт. Наш санаторий вымер, вылететь из Сухуми или Батуми было уже затруднительно. Однажды кто-то из постояльцев санатория рассказал, что он ехал на экскурсию и автобус был остановлен абхазами, вооруженными кто чем придется. Они искали грузин. При этом один сказал: «А, русские... Ладно, пусть любуются красотами Кавказа». Русских и правда пока не трогали. Мы пели с местными гитаристами песню Отара Рамишвили «Булбулис», каждый вечер собираясь на море. Так песенка про соловья стала «лебединой». Видите, как издаю я отвечаю на ваш вопрос... Но вскоре русского солдата убили в Очамчири, и в регион вошли советские войска. Мой отец срочно вылетел на работу, потому что многонациональный состав учившихся там курсантов того требовал. События были в разгаре, когда мы с мамой выезжали в Сухуми. Но уже ехали не четыре часа, а восемь, углубляясь в материк. Толпа мужчин остановила и наш автобус, водителя стали проверять, но, слава богу, всё обошлось.

Так мой первый кавказский опыт стал весьма экстремальным, а было мне тогда каких-то четырнадцать лет. Но с тех пор я уже не могла равнодушно слушать о Кавказе, тем более что Чечня уже вошла в нашу жизнь. Мой двоюродный брат участвовал в тех событиях.

И у меня, как у любого человека, повзрослевшего на сломе советской эпохи, в голове остались фрагменты большого целого прошлого, где все мы, пятнадцать республик, стояли в одном хороводе. В моих детских рисунках, кстати, этот мотив повторяется очень часто, только вместо детей разных народов там зайцы и белки, стоящие плечом к плечу...

А потом эти воспоминания куда-то исчезли. Грузины, армяне, киргизы вообще перестали существовать в нашей сибирской жизни. Когда я училась в Сибирской Академии государственной службы в Новосибирске (закончила я ее в 1996 году), даже в крупных городах региона мы почти не видели представителей этих национальностей, хотя сегодня и в Красноярске, и в Новосибирске и, наверное, в каждом мало-мальски известном городе России есть и армянская, и грузинская общины. Про азербайджанцев я уж не говорю...

– **“Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...” А что Вы можете сказать об Армении и армянах?**

– Однажды летом 1998 года мы с мамой поехали в Адлер. И поселились в пятидесяти метрах от моря на улице Голубой, в семье потомков армянских беженцев из Трабзона. Купаясь в море, я поранила ногу об ракушечник и засорила рану. Внучка нашей хозяйки Светлана удачно ее промыла, рана зажила, а мы дружим до сих пор. В тот момент мне кто-то свыше дал в руки армянский клубок, который я разматываю уже десять лет. В как будто русском городе Адлере однажды я увидела армянское свадебное шествие, играла зурна... В тот момент я была потрясена: Армения была рядом, здесь и сейчас...

– **Что Вас особенно удивило?**

– В тот момент меня удивил семейный альбом тети Эммы Урумян, Светиной бабушки. В этом альбоме наряду с фотографиями родственников хранились снимки тех, кто останавливался в этом доме на протяжении пятидесяти лет, а после стал другом семьи. В этом альбоме были люди из Риги, Киева, конечно, со всей России...

В этом альбоме были фотографии и “трапезундских” предков, один из которых предчувствуя резню, за несколько месяцев до ее начала вывез сюда почти всю свою семью. В Турции осталась лишь одна девочка, турки спасли ее и воспитали, как родную...

Я была лишена иллюзии, что моя дорога к познанию армянства будет легкой и приятной. Светлана мне рассказывала о том, что сами армяне иной раз плохо ладят друг с другом. Что ереванские упрекают адлерских в том, что они не настоящие,

язык забыли или исказили... Особенно меня потряс рассказ о свадьбе, где как раз собрались ереванские и адлерские родственники. Когда стали резать барана, кто-то кинул в насмешку: “Вот вас турки так же резали, а вы молчали...”

Потом я увидела фильм “Майрик” Анри Верноя*, который меня потряс. Я поняла, что стала центром притяжения для армянской темы. Это было очень важным открытием. Так складывалось, что словно не я стремилась узнавать больше об Армении, а сама Армения как будто искала меня. Когда наши телеканалы показали Орхана Памука, выпущенного на свободу, я мысленно зашла на армянскую территорию с турецкой стороны. Когда Памук получил Нобелевскую премию и приехал в Москву на презентацию своей книги “Стамбул. Город воспоминаний”, я бросилась в книжный магазин “Москва” с тем, чтобы задать ему один-единственный вопрос. Он ответил: “Позиции турецкого правительства и турецкого народа – две разные вещи”. Очень медленно в моей голове стали укладываться мысли о геноциде, потере родины, о вынужденной ассимиляции, едином духовном пространстве всех армян...

Однажды от “Литературной газеты” я получила задание написать материал о юбилейной выставке Николая Никогосяна. Это был опять знак. Ведь с тех пор армянской культурой я стала заниматься системно, и вместо романтических восторгов гимназистки появилась любовь осознанная, можно сказать – выстраданная, потому что восприятие армянской культуры и ментальности стало иметь уже порой не живописное исполнение, а графическое, где черных штрихов тоже достаточно. Сейчас я читаю книгу английского журналиста Тома де Ваала “Черный сад”. Отсылаю к ней и русских, и армян, и азербайджанцев, потому что Ваал “над схваткой”. Он с болью пишет о Сумгаите и Кафане, о черной тоске по родным местам шушинских изгнанников – шушалылар и бакинских армян. Не зря невидимой тенью в книге присутствует Саят-Нова.

– Есть такое место в Армении или Карабахе, которое Вас особенно вдохновляет?

---

* Анри Верной (Ашот Малакян) – известный французский кинорежиссер.

– Я вас удивлю, если скажу, что впервые в Армению я приехала только в мае 2010 года? Но сколько восхитительных маршрутов я проделала в своем воображении за эти десять лет с Мартиросом Сарьяном и Сергеем Параджановым, Николаем Никогосяном и Дживаном Гаспаряном! По заданию газеты “Ноев Ковчег” я прилетела в Ереван на три прекрасных сумасшедших дня. 1 мая я ехала по проспекту Маштоца, шел дождь, навстречу нашей машине двигалась колонна демонстрантов с флагами и транспарантами. Мой ереванский Вергилий – Рубен Анисонян, представитель газеты в Ереване – сделал для меня возможное и невозможное. За это короткое время я увидела город, его храмы, мемориал памяти жертв Геноцида, Гарни, Гехард, Национальную галерею, джаз-клуб Левона Малхасяна, озеро Севан. Я познакомилась с удивительным человеком Завеном Саркисяном, другом Сергея Параджанова, основателем и директором его музея. Завен сам провел меня по параджановскому дому, где совмещены два (а может быть, и больше) пространства, где соединены зазеркалье и реальность, где радостно и больно одновременно. Сюда я хотела бы возвращаться вновь и вновь. Тем более что личные фотоархивы Завена – это еще один фантастический мир, приоткрывшийся мне... Там и любимая Гаянэ Хачатурян со своим миром-шкатулкой, и Арам Ильич, и те, кого еще нужно узнать... Память о доме Параджанова теперь и у меня дома. Приехав домой, я взяла свое зеркало и обрамила его осколками ракушек, стекла, сухих цветов... Конечно, это подражание в чистом виде, но теперь, когда я смотрюсь в зеркало, я думаю о том, что еще не видела зимнего Еревана... Рубен Юрьевич Анисонян сказал мне, что приехать в этот город на три дня – большая ошибка. Но поездка та не стала переполненным стаканом. К тому же Арарат был укрыт пеленой. Предчувствовать его было и прекрасно, и обидно. Вернуться нужно было. Я сама не ожидала, что брошенная в воду в храме Гехард монетка так скоро приведет меня опять в Армению. В июне по приглашению клуба “Друзья Арцаха” я в составе делегации российских журналистов была в Нораванке, Шуше, Степанакерте. Самые сильные впечатления от поездки? Сбор тутовых ягод кругом, крещение маленького Марика – сына со-

председателя клуба Эдуарда Карленовича Гуляна, встреча с архиепископом Паргевом Мартиросяном, в каждом слове которого – правда и сила, а еще любовь к русскому слову. Глава русской общины Арцаха Галина Сомова посоветовала мне подойти к владыке и попросить благословения. Теперь кроме всего прочего в моих отношениях с Арменией и Карабахом появилось и осознание ответственности за свои вслух произнесенные мысли.

– Вы много пишете об Армении... Чувствуете себя идущей по стопам Брюсова, Битова?

– Нет, Елена, не чувствую. Единственно любимая мною книга Андрея Георгиевича – это “Улетающий Монахов”. Но родной для меня остается проза Хорхе Луиса Борхеса, Германа Гессе и, особенно, Хулио Кортасара. Магический реализм я нахожу и в армянской культуре. Невидимое ведет всех нас, это не нужно материализовывать, но чувствовать – обязательно. Недавно я как-то случайно села и написала сказку “Таянэ, волшебное стекло и Белый Кот” о том, как маленькая художница отдала свои краски людям. Что касается армянской литературы, то в майскую поездку я попала в гости к семейству Сафразбекянов. Хозяйка дома, Джулия Сафразбекян, взяла со своей полки книгу прозы Сильвы Капутикян “Караваны еще в пути” и подарила мне. Теперь она на моей книжной полке, читаемая медленно, с интервалами. Слишком великий мир обрушился на меня в этот год, я не скрою, постигать его трудно. Эта книга подтверждает истину, услышанную от моего мастера Руслана Тимофеевича Киреева, который отпустил меня с четвертого курса Литературного института с легким сердцем: “Большие поэты могут быть большими прозаиками, но наоборот – почти никогда”.

– Что бы вы хотели пожелать “армянскому миру”?

– Я вспоминаю слова скульптора Георгия Франгуляна про то, что в Армении много неба. Мне хочется, чтобы еще там было много дорог, которые мы, русские, могли бы проходить с хозяевами этой благословенной земли, вместе преломляя матнакаш и причащаясь молодым “Арени”.

Беседовала Елена Шуваева-Петросян

Грачик Мирзоян, Наталия Гончар

Вопреки фактам, наперекор логике

**Азербайджанская версия истории
национальной литературы
в критическом рассмотрении**

В последнее время нам случайно представилась возможность ознакомиться с довольно внушительного объема сборником под названием “Звездная гроздь. Фольклор и памятники литературы Азербайджана”. Сборник этот издан в 2009 году в Москве издательством “Художественная литература” при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ в серии “Классика литературы СНГ”. Составитель сборника – А.М.Багиров, вступительная статья написана директором Института литературы им. Низами НАНА, академиком НАНА Б.Набиевым и заместителем директора того же института, членом-корреспондентом НАНА Т.Керимли, то есть двумя учеными, со всею авторитетностью представляющими современное литературоведение, историко-литературную науку Азербайджана; комментарии принадлежат Т.Керимли и составителю А.Багирову. В самом начале помещено – под названием “Родина начинается с родного языка” – слово, с которым обращается к “дорогим друзьям, уважаемым любителям книги” Полад Бюльбюль Оглы, Чрезвычайный и Пол-

номочный Посол Азербайджанской Республики в Российской Федерации, народный артист Азербайджана, профессор.

Основательно ознакомившись с книгой, изданной силами всех вышеперечисленных участников, мы обнаружили в ней, как и следовало того ожидать, множество разного рода вопиющих ошибок, алогичных и антинаучных утверждений, осознанную и неосознанную фальсификацию исторических фактов, более чем очевидную интенцию к присвоению литературно-культурных ценностей других народов и многие иные явления, не согласующиеся с такими понятиями, как “наука”, “культура”. Говоря откровенно, то, что подобное могут себе позволить азербайджанские ученые создатели этой книги (составитель, авторы вступительной статьи, комментариев, отчасти переводчики), нисколько не удивляет нас, ибо это отнюдь не новая, а завязавшаяся еще в советские десятилетия практика. Нас удивляет полнейшее безразличие Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ к содержанию книги, издаваемой при его поддержке, а еще более удивляет крайне небрежное отношение к исполняемому им, при поддержке вышеупомянутого фонда, изданию со стороны такого – в традиционном нашем представлении авторитетного, высококультурного – издательства, как “Художественная литература”. В первую очередь, разумеется, имеем в виду сотрудников издательства, непосредственно отвечающих за качество “продукта” и поименованных на последней странице. Вот некоторые из них: руководитель издательской группы – академик Академии российской словесности Г.В.Пряхин, заместители руководителя А.А.Гришанов, Н.А.Мухаметишина, зав. редакцией Б.Рябухин, редактор А.Капустюк. На каком уровне гуманитарной – как мыслительной, так и словесной – культуры поработала в этой книге столь, казалось бы, представительная издательская группа, можно судить, в частности, по складу мыслей и складу (вернее нескладнице) языка принадлежащей двум академикам вступительной статьи.

Само собой понятно, что в рамках одной статьи невозможно подробным образом рассмотреть все то, что вызывает недоумение

и возражение в этой книге, посему попробуем привлечь читательское внимание к тому, что, на наш взгляд, наиболее важно.

Каждый читатель приступает к чтению книги по-своему. Что касается нас, то мы предпочитаем прежде всего познакомиться с аннотацией, которая обычно дается авторами, если же это сборники – составителями. Начинаем мы с этого, ибо давно убедились: какова аннотация, такова и книга. И если буквально за считанные минуты можно составить себе предварительное общее представление о книге, то почему такой возможностью не воспользоваться? Соответственно, по прочтении аннотации в книге “Звездная гроздь” возникло у нас и сильное желание прочитать саму книгу. Ввиду важности аннотации для нашего разговора о книге полагаем нужным привести ее полностью, кое-что в ней выделив.

“Сборник “Звездная гроздь” как нельзя лучше отражает фольклор и древнейшие памятники литературы азербайджанского народа. Его устное народное творчество и письменная литература всегда отличались богатством и глубиной **гуманистических идей**. Фольклор, создававшийся народом столетиями, является его духовным национальным богатством. Первые фольклорные образцы – **баяты**, мифические присказки – предположительно созданы **еще до нашей эры**. В издании представлен героический эпос “Книга отца нашего Горгуда”, **появившийся в письменном виде в VII веке н. э.**

Поэзия азербайджанского народа имеет свою богатую тысячелетнюю историю. Мехсети Гянджеви, Хагани Ширвани, Низами Гянджеви, Имадеддин Насими, Мухаммед Физули, Алекпер Сабир – имена, стоящие в ряду всемирно известных мастеров слова.

В книгу вошли **лучшие образцы** народного творчества **и мастеров поэтического слова**, составляющие **вершину** азербайджанской литературы.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей”*.

---

* В дальнейшем при ссылках на это издание в тексте указывается страница. Как здесь, так и в дальнейшем всё в цитатах выделено нами (Г.М., Н.Г.).

Как можно увидеть по первым выделенным нами словам, отличительным признаком азербайджанского устного народного творчества и письменной литературы считается богатство и глубина гуманистических идей. Поскольку же далее говорится, что в книге представлены “лучшие образцы народного творчества и мастеров поэтического слова, составляющие вершину азербайджанской литературы”, то отсюда можем заключить, что писавший аннотацию считает насыщенность гуманистическими идеями присущей всем вошедшим в сборник произведениям. Нет и не может быть никакого сомнения в том, что многие включенные в сборник произведения – фольклорные и письменные, в стихах и в прозе – проникнуты высокими гуманистическими идеями. Несомненно, однако, и то, что в нем немалое место занимают страницы, проникнутые идеями, настроениями антигуманистическими. Речь, в частности, об определяемой как героический эпос “Книге отца нашего Горгуда”, которую, равно как азербайджанцы, считают своей и турки и, более того, которая как к фольклорному своему истоку, согласно исследованиям многих ученых, восходит к складывавшимся в течение столетий эпическим сказаниям огузов – тюркоязычных народов Средней Азии, о чем ученые, освещающие состав книги, ни в статье, ни в комментариях не сочли нужным упомянуть, полагая, видимо, что не следует обременять “широкого читателя” излишней информацией относительно текста, призванного удостоверить древность азербайджанской литературы и по количеству занимаемых в книге страниц (200) превосходящего даже Низами Гянджеви (140), о котором по крайней мере имеется пусть и уклончивая, но все же справка.

Не секрет, что каждый народный эпос преувеличивает и восхваляет физическую силу и красоту своего героя, его умственные и душевные качества, приписывает ему сверхъестественную силу, необыкновенную красоту, ум, находчивость, и, наоборот, враг или враги представляются физически слабыми, безобразными, умом и душой беспомощными, жалкими, что более чем понятно, поскольку на то он и эпос, чтоб пробуждать в соотечественниках героизм, отвагу, гордость и подобные то-

му чувства. Не составляет в этом отношении исключения и огузский эпос, что вполне естественно. Не секрет и то, что во всех эпосах имеют место различные военные действия, битвы, сражения, в которых гибнут люди, проливается кровь, но все это происходит на поле боя, в непосредственном столкновении противников. Множество подобных картин находим и в огузском эпосе, что тоже вполне естественно. Однако, в отличие от других эпосов, здесь “рубить головы, пролить кровь” вещь обычная не только на поле битвы, но и в повседневном быту и рассматривается как высшая добродетель и доблесть. Соответственно, главным, а пожалуй, и единственным условием признания зрелости, возмужания мальчика, сына, как и храбрости, чести и достоинства зрелого мужчины, является отрубание голов и пролитие крови. А потому и мальчикам до того, как им исполнится шестнадцать, то есть пока неясно еще, на что они в этом отношении способны, не дают имени, а общественное положение взрослого мужчины, почет и уважение к нему определяется тем, сколько голов срубил он и пролил крови. Трудно поверить? Так приведем в подтверждение сказанному примеры.

1. В третьем дастане эпоса¹, озаглавленном “Песнь о Бамси-Бейреке, сыне Кан-Буры”, рассказывается, что Бай-Бура-бек не имел потомства, что очень его расстраивало, и вот он приходит на пир к Баюндур-хану и здесь плачет и рыдает о том, что нет у него сына – “нет своего венца” и после смерти его “место”, его “жилище” никому не достанется. Вняв его рыданиям, беки возносят молитву к всевышнему богу, просят Бай-Бура-беку сына.

---

¹ Он состоит из вступления и двенадцати дастанов (глав). См. научное издание на русском языке: “Книга моего деда Коркута”. Огузский героический эпос. Перевод академика В.В.Бартольда. Издание подготовили В.М.Жирмунский, А.Н.Кононов. М.-Л., 1962. Поскольку из русских изданий это наилучшее, все ссылки нами даются только на него. При обращениях как к переводу эпоса, так и к помещенным в разделе “Приложения” работам В.В.Бартольда (“Турецкий эпос и Кавказ”, с. 109-120), А.Ю.Якубовского (“Китаб-и Коркуд и его значение для изучения туркменского общества в эпоху раннего средневековья”, с. 121-130) и В.М.Жирмунского (“Огузский героический эпос и “Книга Коркута”, с. 109-259) в тексте в скобках указывается страница.

“В тот век благословение беков было (истинным) благословением, их проклятие – проклятием, их молитвы бывали услышаны” (с. 32). Всевышний, понятное дело, дал Бай-Бура-беку сына, возрадовался тот и, призвав своих купцов, велел им отправиться в страну греков и привезти для сына хорошие дары, пока мальчик вырастет. До возвращения купцов проходит шестнадцать лет, но у сына бека еще нет имени, ибо “в тот век юноше не давали имени, пока он **не отрубил головы, не пролил крови**” (с. 33). Как-то раз все еще безымянный джигит отправляется на охоту, и встречаются ему по пути возвращающиеся из Стамбула* купцы, подвергшиеся нападению неверных из крепости Оник². Безымянный юноша в одиночку расправляется с гяурами, которые где-то остановились и занимались дележом денег (“кто из гяуров поднял голову, того он убил, совершил подвиг за веру, выручил товары купцов”, с. 33). Вернувшись домой, сын сообщает отцу о возвращении купцов, но ничего не говорит о своем подвиге. Прибывают купцы, приветствуют бека, но увидев, что рядом с беком сидит их спаситель – “тот джигит, который **отрубил головы, пролил кровь**” (с. 34), подходят к нему и целуют руку. Бек возмущается: “Негодные, рожденные от негодных! Разве целуют руку сына, когда перед вами отец?” Купцы просят прощения, объясняют, что не будь этого джигита, их товары пропали бы в Грузии, а сами они очутились бы плену. На что бек-отец говорит: “Скажите, разве мой сын **отрубил головы, пролил кровь?**” Купцы в ответ: “Да, он **отрубил головы, пролил кровь**, поверг на землю людей” (там же). Считая, что пришло время дать имя сыну, Бай-Бура-бек созывает на пир огузских беков, и приходит, по обычаю, дед Коркут, дает юноше имя и говорит: “Выслушай мое слово Бай-Бура-бек! Все-

* Очевидно, что все это происходит после 1453 года, т. е. после переименования Константинополя в Стамбул. Между тем в книге “Звездная гроздь”, как в дальнейшем увидим, утверждается, что в устном виде эпос был создан в VII веке н. э., по другому же утверждению – именно в этом веке он переписан был на папирус (!).

² К “Оник” в примечаниях к переводу В.В.Бартольда дано: “крепость в округе Басин в районе Эрзерума, к ЮВ от него” (с. 266).

вышний бог дал тебе сына; да сохранит он его! Да будет он опорой мусульман, неся тяжелое знамя! Будет он подниматься на лежащие перед (нами) черные снежные горы, да облегчит всевышний бог ему восхождение! Будет он переправляться через **обогранные кровью реки**, да облегчит ему бог переправу! Будет он врываться в густую толпу гяуров, пусть всевышний бог дарует твоему сыну удачу!” (там же).

2. В четвертом дастане эпоса (“Песнь о том, как сын Казанбека Урузбек был взят в плен”) Казанбек велит поставить шатры, разложить шелковые ковры и созвать к нему для беседы “девяносто отрядов молодых огузов”. Бекам разносят золотые чарки с красным вином, в центре всего Казанбек, раздающий щедрые подарки. Справа от Казанбека сидит его брат, слева – воспитатель, а против Казана стоит, опираясь на лук, его сын Уруз. Смотрит Казан направо – громко смеется, смотрит налево – большой радостью проникается, смотрит на сына – расстраивается до слез. Сыну это не понравилось, он интересуется, почему это, посмотрев на него, отец заплакал. Он хочет знать причину, а не то, говорит, “встану со своего места, возьму с собой своих чернооких джигитов, уйду к кровожадному народу абхазов, прижму руки к золотому кресту, поцелую руку одетого в ризу человека, возьму (в жены) черноокую дочь гяура, перед твои очи больше не явлюсь”. Отцу приходится объяснить в чем дело: “Как посмотрел я направо, увидел брата, Кара-Гюне, **он отрубил головы, пролил кровь, получил награду, достиг славы**. Как посмотрел налево, увидел воспитавшего меня Аруза; **он отрубил головы, пролил кровь, получил награду, достиг славы**. Как посмотрел перед собой, увидел тебя; шестнадцать лет ты прожил; настанет день, я паду мертвым, останешься ты; лука ты не натягивал, стрелы не выпускал, **крови не проливал, награды среди храбрых огузов не получал**. Завтра обернется время, я умру, останешься ты; увы, моего венца, моего престола тебе не дадут; так думая, я вспомнил о своем конце, заплакал” (с. 49-50). Не менее примечателен ответ сына, сначала интересующегося, кто, мол, у кого учится – сын у отца или отец у сына, и затем добавляющего: “**Когда ты брал меня (с собой),**

вывозил к границам гяуров, ударял мечом, рубил головы? Что я видел от тебя, чему мне было поучиться?” Обрадованный таким ответом, отец решает немедленно отправиться с сыном в путь и показать место, “где я выпускал стрелы, где ударял мечом, *рубил головы*; возьму (его с собой), выйду к пределам гяуров... так ведь нужно юноше, беки” (с. 50). Казан-бек, конечно, идет к пределам гяуров, но дело так оборачивается, что сын его Уруз попадает в плен, а происходящее уже после затронутому нами вопросу не относится.

3. С интересующей нас точки зрения особого внимания заслуживает десятый дастан (“Песнь о Секреке, сыне Ушун-Коджи”). Здесь рассказывается, что был в век огузов человек по имени Ушун-Коджа, а у того было два сына, старший – Экрек и младший – Секрек. Про Экрека сказано, что “ходить в диван Казана, бека беков, ему никакого запрета не было; наступая на беков, он садился впереди Казана, ни на кого внимания не обращал”. Однажды, когда он так вот, наступая на беков, сед, некий джигит по имени Терс-Узамыш говорит ему: “Слушай, сын Ушун-Коджа! Из сидящих здесь беков каждый добыл то место, где сидит, ударами меча, раздачей хлеба; а ты *рубил ли головы, проливал ли кровь*, кормил ли голодного, одевал ли нагого?” (с. 89). Экрек спрашивает: “Скажи, Терс-Узамыш, разве *рубить головы, проливать кровь – доблесть?*” Тот без обиняков отвечает: “*Да, доблесть*”. Под воздействием таких речей Экрек встает и просит Казан-бека дать ему воинов для набега. Казан дает воинов для набега и велит им выехать. Вокруг Экрека собирается воинство налетчиков, пять дней едят-пьют они в питейном доме, после чего “ударили на народ от Шеригюза до Гэчке-дениза^{*}, собрали много добычи” и пошли “ударять” дальше, но встретилась им неприступная крепость, налетчики были побиты гяурами, Экрек взят в плен и брошен в тюрьму. Проходят годы, младший его брат Секрек случайно узнает, где его старший брат в плену, и решает освободить его любой ценой.

---

^{*} В примечаниях В.В.Бартольда: “Озеро Гёкча”, а составители добавили: “Теперь – оз. Севан” (с. 277).

Три дня и три ночи скачет он на коне, причем “прошел через долины Шам” (согласно примечанию на с. 277, “местность между Нахичеванью и Джульфой”). Как именно Секрек освобождает брата, в данном случае не столь уж важно. В истории этой для нас особо примечательно то, что в первый и единственный раз во всем эпосе Экрек ставит под вопрос огузскую мораль, по которой *“рубить головы, пролить кровь”* и есть доблесть, однако, услышав решительный ответ Терс-Узамыша, тут же сдает позиции, просит себе воинов и отправляется с ними в разбойничий набег, то есть, чтобы добыть себе высокое положение, отправляется *рубить головы и пролить кровь*.

Такую вот разновидность “доблести” утверждает огузский эпос, а что составитель книги, академические авторы ее вступительной статьи и присоединившийся к ним именитый деятель культуры и дипломатии считают “Книгу Коркута” произведением, насыщенным *гуманистическими идеями*, это уже дело их совести. Бесспорно одно: народный артист Азербайджана Бюльбюль Оглы совершенно прав, говоря, что “Звездная гроздь”, где в ряду других “литературных шедевров” столь важное и внушительное место занял эпос, поможет “хотя бы отчасти познать мир Азербайджана, почувствовать особенности нашего национального характера” (с. 5). В самом деле, читая данный эпос, чувствуешь особенность не только азербайджанского, но и турецкого национального характера, убеждаешься, что отнюдь не случайны были и геноцид армян в 1915-м, и резня армян в Шуше в 1920-м, и совсем уж недавние массовые избиения армян в Сумгаите, Баку и Мараге, и зверское убийство (топором!) спящего армянского офицера, совершенное азербайджанским военнослужащим, и варварское уничтожение армянских хачкаров в Джуге, и, наконец, турецко-азербайджанская практика возведения погромщиков и убийц в герои, признания их “доблести”. Добавим, что есть в этом отчасти и вина специалистов-эпосоведов, проделавших ценнейшую работу по изучению происхождения и бытования эпоса, но почти не обративших внимания на проповедь и прославление в нем жестокой агрессии, кровожадности. Говорим “почти”, так как в нема-

лой известной нам литературе лишь академик В.В.Бартольд бегло этого касается. В своей работе “Турецкий эпос и Кавказ” он пишет: «“Книга о Коркуде” дает достаточно наглядное представление о том, в каком духе слагались песни узанами. **Резко проявляется культ войны для войны. Право на уважение имеет только тот, кто “рубил головы, проливал кровь”**» (с. 114).

Возникает резонный вопрос: когда же создавался турецко-азербайджанский, т.е. огузский эпос? Как мы уже видели, в вышеприведенной аннотации безапелляционно утверждается: “В издании представлен героический эпос “Книга отца нашего Горгуда”, появившийся в письменном виде в VII веке н. э.” То же, в несколько ином варианте, повторяет профессор Бюльбюль Оглы: “Так вот, если вы спросите, с чего лично для меня начинается Азербайджан, я, не задумываясь, отвечу: с родного языка, на котором говорили наши предки. С того заветного и сущностного Слова, которое легло в основу нашего **первого письменного литературного памятника** (выделено нами. – *Г.М., Н.Г.*) героического эпоса “Китаби-Деде-Горгуд”, что в дословном переводе означает “Книга отца нашего Горгуда”. Этот анонимный литературный шедевр **впервые был переписан на папирус более 1300 лет тому назад**” (с. 4). Проявляя дипломатическую осторожность, профессор определенно века не называет, но что означает “более 1300 лет тому назад” – тот самый VII век н. э. и означает. По существу совершенно иную точку зрения выражают авторы вступительной статьи “Тысячелетняя школа гуманизма и красоты”, возглавляющие академический институт литературы и, стало быть, лучше других знающие историю эпоса. Вот что они пишут: “Созданный на территории Азербайджана, связанный с топонимами и ойконимами Азербайджана^{*}, героический эпос “Книга отца нашего Горгуда” яв-

---

^{*} По целому ряду исследований тюркского эпоса, изначально создавался на территории Средней Азии и далее вместе с огузами кочевал и проникал на новые захваченные территории, отчего и связан отнюдь не только с топонимами и ойконимами Азербайджана, но и со многими другими. См. в указанном нами издании 1962 г. статьи в “Приложении” и на с. 281-283: «Литература о “Книге моего деда Коркута”».

ляется **самым древним словесным памятником нашего народа**. Жизнь и деятельность Отца Горгуда, принятого наукой как создателя эпоса, совпадает со временем эпохи мусульманского пророка Мухаммеда (570-632), о чем свидетельствует (так в источнике!) информация, приведенная во вступительной части памятника. Следовательно, **появление устного варианта “Книги отца нашего Горгуда”**, относится к VII веку н. э., что совпадает по времени с эпохой создания Орхоно-Енисейских памятников. Неслучайно, как признаются специалисты, **в языке и стиле обоих памятников наблюдается некоторое сходство**” (с. 15-16).

Как видим, академические ученые считают огузский эпос **“самым древним словесным памятником”** своего, т.е. азербайджанского народа. Отсюда следует, что содержащееся в аннотации сообщение, что **“первые фольклорные образцы – баяты, мифические присказки – предположительно созданы еще до нашей эры”**, мягко говоря, неверно. Как и неверно утверждение и аннотации, и уважаемого посла и профессора Полада Бюльбюль Оглы, что эпос получил письменный вид в VII веке. Неверно, поскольку, исходя из ряда упоминаемых в эпосе реальных исторических событий, фактов (завоевание турками Константинополя в 1453 г., Трапезунтского царства в 1461 г. и др.), академик В.В.Бартольд, посвятивший многие годы кропотливому изучению тюркского эпоса и его переводу на русский язык, давно уже доказал неопровержимо, что составление “Книги о Коркуде” следует отнести к XV веку. Что касается “появления устного варианта “Книги отца нашего Горгуда” в VII веке н. э.” и “некоторого сходства” в языке и стиле с орхоно-енисейскими памятниками, то здесь все более чем естественно и понятно. Любой народный эпос, пусть бегло и бессистемно, прямо или косвенно, но содержит ценные сведения об историческом прошлом создававшего его народа, о пройденном им пути, нравах и обычаях, характере и психологии. В этом отношении не составляет исключения и огузско-тюркский народный эпос. Как показано авторитетными его исследователями (В.В.Бартольд, В.М.Жирмунский, А.Ю.Якубовский, К.А.Ино-

странцев, А.Н.Кононов и др.), он действительно начал складываться в VII веке н. э., когда тюрки-огузы жили еще на территории Средней Азии, отсюда и “в языке и стиле обоих памятников наблюдается некоторое сходство”. Но поскольку под давлением уйгур тюрки-огузы постепенно покинули историческую свою родину³ и в течение веков, продвигаясь, достигли исторической Персии и Малой Азии, то и нашли в огузском эпосе естественное свое отражение как пройденный огузами путь, так и остановки их на этом пути, их достижения и потери, равно как и причиненные другим бедствия. Вот что пишет знаток огузского эпоса, выдающийся ученый В.М.Жирмунский, опираясь на результаты исследований В.В.Бартольда:

“После падения монгольского владычества в Передней Азии с начала XIV в. кочевые племена огузов, расположившиеся среди оседлого населения Закавказья и Малой Азии, образуют большие племенные союзы туркмен “Черного барана” (*кара койунлу*) и “Белого барана” (*ак койунлу*). Во главе последних стояло огузское племя Байындыр (у В.В.Бартольда: Баюндур), из которого происходила правящая династия. Главным центром этой группы огузских племен был в XIV в. город Амид в верховьях Тигра, ныне Диарбекир. Византийские источники этого времени называют туркмен Белого барана амитиотами. Центр другой группы, туркмен Черного барана, находился первоначально на *Армянском плоскогорье, к северу от озера Ван*. Борьба между этими двумя группами завершилась победой первой к концу XIV в. (1389 г.) и вторично в середине XV в. (1467 г.). “Племя Байындыр, – пишет историк государства огу-

---

³ *Примечательно, что в начале XIX в. у турок дает знать о себе желание вернуться на родину, поскольку, как говорит источник: “Малая Азия есть в их глазах край чужой, занятый силой, – место пребывания, из которого рано или поздно надобно уйти, удалиться; родиной же своей они почитают какие-то худо ими понимаемые страны Юго-Востока, родиной, а не отечеством; слова “отечество” в турецком языке нет, и понятие, с ним сопряженное, есть для анатолийского турка не только неизвестное, но и совершенно непонятное” (С.В.Лурье. Историческая этнология. Учебное пособие для вузов. М., Аспект пресс, 1997, с. 243).*

зов акад. В.А.Гордлевский, – заняло в XIV-XV вв. в Малой Азии господствующее положение”. Вершины своего могущества держава ак-койунлу достигла в середине XV в. при Узун-Хасане из династии Баюндуров (1457-1478 гг.), когда она включала в свои пределы “южный Азербайджан, Карабах, Армению, Курдистан, Диарбекир, Ирак арабский (Месопотамию), Ирак персидский (северо-западный Иран), Фарс и Кирман”, а столица падишаха перенесена была в Тебриз (с 1468 до 1501 г.). К началу XVI в. она была разгромлена под ударами более прочных государственных объединений османских турок и персидских Сефевидов (“кызылбашей”).

Из другого огузского племени Кайы вышел род Османа, объединивший огузские племена в западной части Малой Азии, на границе византийских владений. С середины XIV в. османы возглавили турецкую военную экспансию на Запад, против Византии и балканских славян, захватили Константинополь (1453 г.) и Трапезунт (1461 г.), подчинили себе к концу XV в. остатки других государственных объединений огузов в Малой Азии и Азербайджане, а в дальнейшем и арабские страны Переднего Востока, создав на этой основе Оттоманскую империю, крупнейшее многонациональное мусульманское государство с центром в Стамбуле (Константинополе)” (с. 136-137).

Поскольку исторический процесс формирования огуз-османского государства длился века, соответственно, по справедливому замечанию ученого: “Датировка происхождения эпических сказаний по отраженным в них историческим или географическим данным также должна учитывать длительность процесса становления эпоса” (с. 142). Придерживаясь этого методологического своего принципа, ученый пишет: “В своей последней форме, зафиксированной в “Книге Коркута”, огузские эпические сказания, как показал В.В.Бартольд, теснейшим образом связаны с исторической и географической обстановкой Закавказья и, добавим, восточной части Малой Азии, где огузы с XI в. нашли свою новую родину. “Действие, – говорит В.В.Бартольд, – происходит на армянской возвышенности; гяуры, с которыми приходится иметь дело богатырям, – трапезунтские

греки, грузины, абхазцы”. Огузские витязи совершают походы до Амида (в верховьях Тигра) и Мардина на юге, до Дербента и Трапезунта на севере; крепости Байбурт и Дизмерт (близ Черного моря) находятся в руках гяуров; Барда и Ганжа (в Закавказье) лежат на границе области огузов. “Сказочные богатыри живут в той же местности – на армянской возвышенности – как современники певцов, в той же обстановке кочевого или полукочевого быта, с табунами коней, стадами верблюдов и баранов, с летовками в горах, но также с садами и виноградниками” (выше и здесь ссылки на В.В.Бартольда. – *Г.М., Н.Г.*). Может быть, следовало бы сказать точнее: в рассказах цикла Коркута изображаются воинственные племена, расположившиеся как хозяева среди оседлого иноплеменного населения или на границах области древней оседлости, городов и крепостей “гяуров”, на которые они совершают постоянные набеги” (с. 142-143).

На фоне этих набегов, постоянно совершавшихся воинственными племенами на города и крепости гяуров, вспомним о “*зуманистических идеях*” и вернемся к датировке эпоса, устанавливаемой ученым:

“Таким образом, есть все основания предполагать, что именно в племенной среде ак-койунлу в период политической гегемонии и военной экспансии баюндуров, т. е. примерно с середины XIV до первой половины XV в., древние по своему происхождению сказания огузского народа получили то последнее устно-поэтическое оформление, которое в дальнейшем легло в основу “Книги Коркута”. Процесс этот был длительным и протекал для разных рассказов в различных хронологических рамках (Байбурт как крепость гяуров в рассказе III заставляет думать о самом начале указанного периода). Во всяком случае он был закончен к тому времени, когда “Книга Коркута” получила литературную обработку (предположительно во второй четверти XV в.).

Однако этому позднему, ближневосточному периоду творческой истории огузского эпоса для ряда эпических сказаний несомненно предшествовал более ранний, среднеазиатский период. Как правильно указывает В. В. Бартольд, “предания об огузах, Коркуде и Казанбеке несомненно перенесены

были на Запад в эпоху Сельджукской империи (XI-XII вв.), к которой относится также отуречение Азербайджана, Закавказья и Малой Азии". Это положение подтверждается изучением современного фольклора тюркоязычных народов Средней Азии, прежде всего туркмен, ближайших потомков среднеазиатских огузов, а затем и их соседей – казахов, каракалпаков, кочевых и полукочевых узбеков. Обширный материал исторических и фольклорных преданий содержит также "Родословная туркмен" хивинского хана Абулгази (1660 г.)... Она основана частично на письменных источниках, прежде всего на замечательном труде Рашид-ад-дина (1247-1318 г.), составленном на персидском языке, – "Джами' ат-таварих" ("Сборник летописей", начало XIV в.), который представляет главный источник по ранней истории тюркских и монгольских народов. С другой стороны, Абулгази неоднократно ссылается на устные предания туркменского народа, на "минувших лет бахши (народных сказителей) и знатных людей из туркмен, проводивших жизнь в битвах", на "мудрых старцев из туркмен, которые знают историю", на "знатных людей и бахши из туркмен, сведущих в историю". Обращение к среднеазиатским источникам, историческим и фольклорным, позволяет установить, в ряде случаев с довольно большой достоверностью, какие именно сказания цикла Коркута сложились у огузов в более древнюю пору в низовьях Сыр-Дарьи, где мы застаем их в IX-X вв., и какие возникли в более позднее время, в XII-XIV вв., уже на территории Закавказья и Малой Азии. Поскольку движение огузов на Запад под предводительством Сельджуков имело место в первой половине XI в., можно предполагать, что предания о Коркуте, о Салор-Казане, об Алпамыше-Бамси и некоторые другие, засвидетельствованные одновременно в "Книге Коркута" и в среднеазиатских источниках, возникли в Средней Азии во всяком случае не позже начала XI в.

Разумеется, в устной традиции позднейшего времени и эти более древние эпические сказания подверглись весьма значительной творческой переработке, прежде чем получили ту окончательную форму, в которой дошли до нас в "Книге Коркута"» (с. 144-145).

Под конец своего большого – классически научного – историко-филологического исследования, подводя итог, В.М.Жирмунский пишет: «“Книга Коркута” представляет запись и письменную обработку эпических рассказов и песен огузских сказителей – узанов. Рассказы эти, или “былины”, как их называет Бартольд (“Огуз-наме”), создавались в разное время и разными сказителями, частично на территории Средней Азии, в низовьях Сыр-Дарьи (IX-X вв.), частично на новой родине огузов, в Закавказье (Азербайджан) и соседних районах Малой Азии (XI-XV вв.). К среднеазиатскому периоду огузского эпоса относятся образы Коркута и Салор-Казана, его жены, рослой Бурлахатун, и сына Уруз-бека; к ним следует, вероятно, присоединить и Кара-Гюне, брата Казана, о котором существовали не дошедшие до нас песни, и, может быть, его сына Кара-Будага. Легендарный “век Коркута” и Салор-Казана, как еще знал из туркменской традиции Абулгази, это IX-X вв., время “триста лет спустя после нашего пророка”, связанное в полуисторических преданиях туркменского народа с именами огузских ханов из племени Кайы» (с. 256).

Думается, что приведенные результаты, добытые в процессе многолетнего основательного научного исследования огузско-тюркского эпоса авторитетными учеными-специалистами, красноречиво свидетельствуют: во-первых, о том, что никак не мог этот эпос, согласно аннотации, появиться “в письменном виде в VII веке н. э.” и лишь по недоразумению (возможно, в силу дезинформации, сомнительности источников, а может, еще по какой причине) во вступительное слово народного артиста Азербайджана, посла и профессора Бюльбюль Оглы проникло утверждение, будто бы “этот литературный шедевр (т.е. “Книга отца нашего Горгуда”. – *Г.М., Н.Г.*) впервые был переписан на папирус более 1300 лет тому назад”; во-вторых, о том, что в VII веке не мог появиться и устный вариант “Книги...” (как утверждает в вступительной статье академик), поскольку к этому времени относится лишь самое начало формирования эпоса, в окончательном же виде он сложился спустя столетия – в XV веке, после чего и был записан и передан уже в письмен-

ном виде следующим поколениям. А так как начал он формироваться, когда огузы-тюрки (туркмены) жили еще в Средней Азии, а окончательно сложился на новых, ими завоеванных территориях, в частности на Армянском нагорье и в Малой Азии, то отсюда и оговоренное авторами предисловия сходство “в языке и стиле” представленного ими памятника с орхоненисейскими памятниками и наличие в нем топонимов завоеванных территорий, в том числе и Азербайджана.

Посмотрим теперь, как представлен в сборнике другой фольклорный жанр, а именно баяты. В аннотации, напомним, сказано: “Первые фольклорные образцы – баяты, мифические присказки – предположительно созданы еще до нашей эры”. Впрочем, как уже было замечено, академические ученые считают огузский эпос, созданный, по их же мнению, в VII веке н. э., “самым древним словесным памятником” своего народа. Таким образом они сами фактически отрицают существование до VII в. н. э. образцов азербайджанского фольклора. Стало быть, помещенные и не помещенные в сборнике баяты не могли быть созданы ни до нашей эры, ни даже до VII века н. э. Чисто логический этот вывод всецело подтверждается и содержанием представленных в сборнике баяты. По прочтении тридцати девяти образцов этого жанра странным образом оказывается, что хотя и у азербайджанского народа еще до нашей эры сложились понятия “родина” (см. баяты 1, нумерация наша. – *Г.М., Н.Г.*), “край родной” (3), “разоренная отчизна” (7) и “земля родная” (9), однако со всей внушительных размеров территории Азербайджана безвестные авторы баяты не подобрали ни единого “родного” топонима, а единственно дорогими их сердцу и достойными воспевания предстали по сути вовсе не азербайджанские “Аракс” (11) и “Карабах” (10, 15, 16). Очевидно, насколько современным геополитическим подтекстом нагроулили в сборнике образцы чуть ли не самого древнего фольклорного жанра. И поскольку в приводившейся аннотации сказано, что в сборник “вошли лучшие образцы народного творчества и мастеров поэтического слова, составляющие вершину азербайджанской литературы”, то, дабы дать читателю хоть какое-то о них представление, приведем ниже такое вот баяты (16):

*И пешком, и на арбах,
На каяках, кораблях
Обошел, объездил землю,
Лучше нет, чем Карабах.*

По очередности следования баяты в сборнике можно предположить, что основана она на хронологическом принципе, а это означает, что баяты 16 создан был ранее, чем следующие двадцать три. Кстати, это хорошо видно и по перечисленным в нем средствам передвижения. Безымянному автору неизвестны такие транспортные средства XIX–XX вв., как поезд, автомобиль, самолет, вертолет и др. Одно, во всяком случае, ясно: что еще за много-много веков до нас (“предположительно еще до нашей эры”) один из отважных сынов азербайджанского народа, создавший это баяты, объездил на арбах, на кораблях и каяках весь мир и убедился, что нет на земном шаре места лучше, чем Карабах. Об азербайджанских средствах передвижения нам достаточно известно, так что понятно было и путешествие создателя баяты как “пешком”, так и “на арбах” и на “кораблях”. Но что бы значило “на каяках”? Относительно этого использованного азербайджанским создателем баяты средства передвижения прочитали в энциклопедии: “**Каяк** – небольшая промысловая лодка, в прошлом широко распространенная у многих народов Арктики (сохранилась у части канадских и гренландских эскимосов). Решетчатый остов К. делается из дерева или кости и обтягивается сверху кожей морских животных. В верхней части оставляется отверстие, к-рое затягивается ремнем вокруг пояса гребца. Управляется двумя маленькими веслами или одним двухлопастным. К. почти непотопляем и хорошо приспособлен для передвижения по морю”⁴. Итак, мы не только выяснили значение слова, но и узнали, что в седой древности безвестному создателю баяты, дабы почувствовать красу Карабаха, пришлось добраться даже до Арктики, проплыть по ее морям на каяке. Хотя яснее ясного, с какой целью помещены в сборнике этот и ему подобные баяты, тем не менее возникает ряд вопро-

⁴ “Большая советская энциклопедия”. Т. 11. М., 1973, с. 561–562.

сов. Зададим создателям и издателям сборника (не позаботившимся, если не о художественной адекватности, то хотя бы о смысловой доброкачественности включенных в сборник баяты) некоторые из этих вопросов: 1. Интересно узнать, сам ли азербайджанский полярник смастерил себе каяки или брал готовые у эскимосов Канады и Гренландии? 2. Не представил ли Азербайджан заявку на внесение в книгу рекордов Гиннеса безвестного создателя баяты, плававшего по морям Арктики на каяке? Ведь это может когда-нибудь послужить ему веским основанием для попыток установления своих прав на Арктику, как пытается он сегодня распространить свои права на территории и культурные ценности сопредельных стран (Ирана, Армении). 3. Чем объяснить, что много веков назад плававшему в Арктике на каяках безвестному азербайджанцу из всех краев Азербайджана с его природным разнообразием и богатствами, с Каспийским морем и живописными его берегами, со многими иными замечательными местами ни один край не казался так мил, как Карабах? 4. Имело ли смысл ради этого состряпанного в Баку неудачного баяты происхождение самого жанра погрузить в такую даль времени (до нашей эры), а безымянного беднягу заставить в пространстве аж в Арктику?

Давно известно, что азербайджанцы, вне всякого сомнения имеющие свою национально-самобытную культуру и, в частности, литературу, развивающуюся в течение нескольких последних столетий, но не имеющие или имеющие немного идущих из глубины веков культурных и, в частности, литературных ценностей, всячески пытаются приписать себе культурные ценности других народов и в первую очередь персов и армян, причем для достижения своей цели готовы использовать любые средства – явную фальсификацию и ложь, умолчание или искажение исторических фактов, ни с реальностью, ни с логикой не вяжущиеся утверждения и т. п. Особо примечательно то, что под это обкрадывание они пробуют заложить научное, так сказать, основание и на ими же придуманном псевдонаучном основании оправдывать свои действия. Руководствуясь таким именно принципом, академические авторы вступительной статьи “Тысячелетняя школа гуманизма и красоты” сознатель-

но предают забвению качественное различие, существующее между природно-естественными богатствами и духовными ценностями и, во-первых, ставят меж ними знак равенства, а во-вторых, забывая некую специфику потребления природных богатств, предлагают распространить ее и на духовные ценности. Соответственно они провозглашают следующее: “...равно, как **все природно-естественные богатства** колыбели человеческой цивилизации планеты Земля *относятся ко всему человечеству* независимо от того, живет ли на той территории тот или иной народ, конкретная этническая группа, *по этой же причине сокровищница культурно-нравственных ценностей принадлежит всему человечеству*, а не отдельным народам, создавшим какую-либо частичку шедевров мировой цивилизации” (с. 6). Неужели сами эти авторы верят тому, что провозглашают? Если действительно верят, то пускай просветят и нас, пусть скажут нам, какое, к примеру, природно-естественное богатство, из каких недр и на конкретно какой территории добытое, равно принадлежит “всему человечеству независимо от...”. Может быть, они имеют в виду добываемые на территории Азербайджана нефть и газ, которые по высоким ценам продаются другим народам планеты Земля, а вырученные суммы идут на обслуживание военных и политических целей “отдельного народа”? Если и в самом деле “все природно-естественные богатства” принадлежат “всему человечеству”, то почему уже десятилетиями, никак не приходя к согласию, борются вокруг нефти и газа в недрах Каспийского моря не только Азербайджан, но и все прикаспийские государства или, спросим еще, почему уже более двадцати лет границы не только Азербайджана, но в угоду ему и Турции закрыты для Армении? Авторы статьи были бы правы, сформулировав иной тезис, а именно, что “природно-естественные богатства колыбели человеческой цивилизации планеты Земля” принадлежат только живущему на данной территории народу или этнической группе, вернее – утвердившейся на данной территории политической и предпринимательской верхушке, а пагубные последствия варварской эксплуатации этих богатств (загрязнение воздуха, климатические изменения, экологический вред во множестве его разновидностей и пр.) равно угрожающе относятся ко “всему чело-

вечеству независимо от...” Если утверждение, будто природно-естественные богатства планеты Земля принадлежат “всему человечеству”, есть очевидный нонсенс, то не менее очевидна и несостоятельность другого утверждения – что “всему человечеству”, а значит любому народу планеты Земля, “а не отдельным народам, конкретно создавшим” те или иные “культурно-нравственные ценности”, эти самые ценности принадлежат. Странно, но академические ученые явно путают понятия “принадлежности” и “пользования”. Да, конечно, в отличие от “природно-естественных богатств”, культурные, литературные ценности открыты для всех, кто желает честно, заинтересованно ими пользоваться, но при этом они отнюдь не безродны и не “бесхозны”, а принадлежат создавшим их народам, национальным культурам, и никакие искусственные теории дела тут не изменяют. Авторы такой теории забывают, что если природно-естественные богатства по мере их использования иссякают, то литературно-художественные и иные письменно-словесные ценности не только не исчерпывают себя по мере использования, но напротив, в определенном смысле обогащаются и обогащают. Другое дело, что богатствами недр, доставшимися от природы, пользоваться гораздо легче, чем духовными ценностями, ибо чисто физическое, формальное обладание ими вовсе не означает их освоения, понимания, которые достигаются в процессе духовного, интеллектуального и нравственного созревания – процессе трудном и длительном и, к сожалению, не всем дающемся, тем более в одночасье и одним махом.

Продолжая далее развивать свою геолого-недрологическую теорию, авторы вступительной статьи обогащают методологию построения истории национальной литературы внедрением в нее двух, по-современному говоря, инновационных подходов – географического и этнического. Черным по белому они пишут: **“Азербайджанский фольклор и письменная литература неразрывно связаны с историческим развитием Азербайджана, именно поэтому при исследовании азербайджанской литературы возникает необходимость применения двух принципов, учитывающих два фактора – территориального и этнического”** (с. 14; -ого, -ого – так в источнике. – Г.М., Н.Г.). У

нас же возникает законный вопрос: существует ли в мире литература какой-либо страны, не связанная неразрывно с историческим развитием этой страны? Едва ли, думаем, найдется в мире историк литературы, который сказал бы, что русская, английская, французская, немецкая, индийская, китайская, японская, персидская литературы не связаны “неразрывно” с историческим развитием своих стран. Выходит, что вовсе не **“именно поэтому”** внедряют авторы два (!) принципа, учитывающих опять же два (!) фактора – “территориальный и этнический”, а просто потому, что желают отнести к Азербайджану ни по содержанию, ни духовно, ни художественно не связанные с ним культурные ценности. Не верится? Так прочитаем хотя бы следующее: “По территориальному принципу литература, созданная древними авторами на территории Азербайджана, считается богатством литературной сокровищницы Азербайджана. При подходе по такому принципу, Зороастр, рожденный на территории Южного Азербайджана, в долине реки Аракс в VII-VI веках до н. э. и его творение “Авеста” **может быть** (!) исследована (**-ана** в источнике. – **Г.М., Н.Г.**) не только как общий литературный памятник соседних народов, но и как памятник народа Азербайджана. Такие образцы албанской литературы – народа древней Албании, вошедшего в этногенез азербайджанского народа, создавшего в IV-VI веках н. э. самостоятельное государство, – “Албанская история” Мусы Каланкатлы”, “Плач на смерть властелина Албании Дживаншира” албанского поэта Давдака также являются памятниками, представляющими древний период развития литературы Азербайджана”* (с. 14).

В связи с выводами академиков “при подходе по такому принципу” зададим, во-первых, вопрос: можно ли себе предста-

---

* Заметим, что таких же и еще более нескладных фраз в статье, предваряющей эту адресованную русскому читателю книгу, целая, можно сказать, россыпь. Если не по части идей и фактов, то уж хотя бы по части нормативного употребления русского языка зав. редакцией московского издательства “Художественная литература” Б.Рябухин и редактор А.Капустюк могли бы с большей ответственностью отнестись к столь значащему для книги тексту, не портить его еще и дефектами языка.

вить, чтобы во Франции или в Италии, в Германии или в Чехии историки национальной литературы объявили бы – с учетом территориального фактора – богатством своей литературной сокровищницы созданные на территории этих стран произведения русских писателей и поэтов, таких, например, как Горький, Бунин, Цветаева и мн. др.? И неужели созданное византийскими авторами на территории современной Турции можно считать “богатством литературной сокровищницы” Турции? Разумеется, такое непредставимо.

Во-вторых, дадим и краткий комментарий к двум указанным “образцам”. Сначала – о первом. Авторы намеренно азербайджанизируют имя Мовсеса Каганкатваца (Каланкатуаца), дабы не проявилось, что он армянин. Перед нами яркий пример образа действий азербайджанских ученых в постсоветское время. Всего 50 лет назад картина была иная. В первом томе изданной тогда многотомной “Советской исторической энциклопедии” в статье “Азербайджанская Советская Социалистическая Республика”, автор которой известный в те годы азербайджанский историк А.Н.Гулиев, читаем: “В нач. 5 в. в Албании уже существовал алфавит из 52 букв. Здесь были открыты школы, находившиеся в руках духовенства, на яз. албанов переводились книги, преим. религ. характера. В А. развивалась литература и наука, с 7 в. началось составление истории Албании (“История агван”), автором первой части к-рой является летописец Моисей Каланкайтукский (Мовсес Каганкатваца)” (ук. изд., с. 230)*. Думается, уже по уточнениям в скобках нетрудно увидеть, что летописец, составлявший “Историю агван” был армянин (именно на армянском она написана и сохранилась). Более того, в перечне “Источники и литература к статье” дается: “**Каганкат-**

---

* Отметим в этой связи, что в том же томе в статье “Албания Кавказская” крупный ученый З.И.Ямпольский пишет: “С 5 в. получает развитие письменность А.К., приспособленная к одному из местных языков (гаргарскому). Алб. алфавит, состоящий из 52 букв, имел общие черты с груз. и арм. алфавитами” (с. 354). Сказанное ученым правомерно, поскольку все три алфавита создавались Месропом Маштоцем лично или под непосредственным его руководством.

вацци М., История агван [пер. К.Патканова], СПб, 1861” (с. 262).

В обстановке, сложившейся сегодня, стоит обратить внимание и на тот факт, что в разделе “Хронология” той же статьи, составленном Л.Алиевой и З.А.Дуляевой, указано: “1724 – договор между азербайджанцами Ганджи и **армянами Карабаха** (выделено нами. – **Г.М., Н.Г.**) о совместной борьбе против тур. захватчиков” (с. 254). Отсюда ясно, что в Карабахе в это время жили только армяне и азербайджанцы заключили с ними договор о совместной борьбе против захватчиков-турок, а сегодня они уже в спайке с теми же турками пытаются захватить себе армянский Карабах. Какие только парадоксы не преподносит история!..

Теперь касательно второго “образца”. Имя его автора дано не полностью, с намеренным усечением. Обычно оно дается “Давтак Кертог”, что означает “Давтак Поэт”. Армянское слово “кертог”, выдающее национальность автора “Плача”, ученые убрали, забывая при этом, однако, что армянина выдает в поэте и само имя “Давтак” (Դավթակ) – в армянском уменьшительно-ласкательная форма от “Давид”. Отметим, что читатель может познакомиться с этим “образцом” по следующему изданию: **Давтак Кертог**. Плач на смерть великого князя Дживаншира. Древнеармянский оригинал (грабар) и переводы на современный армянский, русский, английский, французский, немецкий, испанский, польский языки. Предисловие, составление и примечания Левона Мкртчяна (Ереван, 1986).

По приведенному выше фрагменту из вступительной статьи мы видим, что ее ученые авторы проявляют совершенно различный подход к не имеющим никакого отношения к азербайджанской литературе персидским и армянским литературным памятникам: в случае “Авесты” говорят, что она “может быть исследована не только как общий литературный памятник соседних народов, но и как памятник народа Азербайджана”, а в случае армянских авторов Мовсеса Каганкатвацци и Давтака Кертога, что произведения их “также являются памятниками, представляющими древний период развития литературы Азер-

байджана”. Впрочем, думаем, что ученые, хоть это и пишут, но сами не верят, что “Авеста” “может быть исследована не только как общий литературный памятник соседних народов, но и как памятник народа Азербайджана” и что произведения Мовсеса Каганкатваца и Давтака Кертога “являются памятниками, представляющими древний период развития литературы Азербайджана”. Да и как могут они верить, что созданная в VII-VI вв. до н. э. “Авеста” и созданные в VII в. н. э. произведения армянских авторов вписываются в качестве “своих” памятников в историю азербайджанской литературы, если они отлично знают, что и во времена создания этих произведений, и даже более поздние предки нынешних азербайджанцев – тюрки-огузы, – по свидетельству их же эпоса и согласно исследованиям авторитетных специалистов В.В.Бартольда, В.М.Жирмунского, А.Ю.Якубовского и др., находились еще в Средней Азии, а в Закавказье проникли лишь в XI веке н. э. Этого не отрицают и академические ученые, которые на следующей же странице (15) пишут: «При подходе к изучению нашей литературы по этническому принципу уже получили право гражданства в ней памятники, созданные тюркским этносом до XIII века, сыгравшим большую роль в этногенезе Азербайджанского народа, внесшего в нее свой вклад (за строй предложения и заглавное А ответственность на редакторах московского издательства. – *Г.М., Н.Г.*). Эти памятники VI-VIII веков в основном представлены Орхоно-Енисейскими наскальными письменами, тюркоязычными переводными и оригинальными памятниками VIII-X веков, произведением автора XI века Махмуда Кашгари – “Дивану лугат-и-тюрк” (“Сводный словарь тюркских языков”) и поэмой его современника Юсифа Хаза Хаджиба “Кутадгу билик” – “Знания счастья”, считающейся тюркской “Шахнаме”». Мы всецело согласны с уважаемыми авторами в том, что, принадлежа к огузо-тюркской группе племен и до XI века живя в языковом ареале орхоно-енисейских наскальных письмен, предки азербайджанцев естественно должны были питаться и питались созданными на этой территории “тюркоязычными переводными и оригинальными памятниками”. Но они никак не

могли в это же время, т. е. до XI века, питаться от вышепомянутых письменных источников, созданных за тысячи километров от Средней Азии – в Персии и Закавказье. Ничего подобного не имело и не могло иметь места в истории не только азербайджанского, но и вообще никакого народа.

Подтверждением сказанному и состав самого сборника с его более чем шестью сотнями страниц. Здесь в разделе “Фольклор” даны “Мифы и легенды”, “Баяты”, “Колыбельные”, “Пословицы и поговорки”, “Сказки” (с. 21-61), “Книга отца нашего Горгуда” (с. 62-262), “Ашугская поэзия” (представлены три ашуга – Гурбани, Алы, Алескер, с. 263-294). Во втором разделе “Поэзия” (с. 295-552) – произведения 17 поэтов, в том числе Низами Гянджеви, которому из 257 страниц отведено 140, на долю же остальных 16-ти приходится каждому понемногу, хотя и все 16 в предварающей справке представлены не иначе, как “выдающийся основоположник азербайджанского поэтического ренессанса”, “великий азербайджанский поэт-мыслитель”, “блестящая фигура азербайджанской поэзии”, “тонкий лирик, яркий представитель”, “одна из самых блестящих фигур” и т.п. Даже *“волшебнику слова, певцу любви, светилу поэзии Востока, гениальному поэту-мыслителю Мухаммеду Сулейман оглы Физули”*, родившемуся, согласно справке, в 1494 году в городе Кербела близ Багдада, умершему и похороненному “в иракской земле”, *“непревзойденному мастеру лирической поэзии”*, писавшему на трех языках – тюркском, арабском и персидском (с. 476), досталось в сборнике всего-навсего 12 страниц. Наконец, раздел “Проза” (с. 555-593) с одним рассказом Мирза Фатали Ахундова и одним рассказом Мирза Джалила Мамедкулизаде.

Как видим, в сборнике ни единой строкой, не то что страницей не представлены ни “Авеста”, ни Мовсес Каганкатвацци, ни тем более Давтак Кертог, что, конечно же, естественно и понятно, ибо как они могут оказаться среди страниц азербайджанской литературы, если к ней не относятся и до сих пор в народе азербайджанском не прочитаны, поскольку, не сомневаемся, до сих пор на азербайджанский язык не переведены.

Столь же, если не еще более, логически ущербно, едва ли не смехотворно считать того или иного писателя азербайджанским с учетом “фактора этнического”, но без всякого учета других факторов, а именно – на каком языке и, стало быть, в поэтике, литературой какого языка выработанной, творил данный писатель, насколько произведения его были народом освоены, насколько способствовал этот писатель историческому развитию литературы народа, к которому принадлежит по рождению. Поскольку, руководствуясь этими элементарно-логическими, естественными принципами, невозможно фактически найти хоть кого-то одного, кто творил на персидском, арабском, даже турецком и кого можно счесть азербайджанским писателем, ученые пытаются обосновать свой тезис так: “После вхождения Азербайджана в состав территории Арабского халифата в VII-VIII веках вплоть до XI столетия азербайджанские поэты были вынуждены создавать свои произведения на арабском языке (почему только азербайджанские, в отличие от персидских или армянских? – *Г.М., Н.Г.*). Их поэзия нашла свое отражение в различных антологиях под названием “аль-Азербайджани” (азербайджанские поэты). В творчестве этих поэтов, абсолютное большинство которых было выходцами из знаменитых азербайджанских семей, увезенных в качестве аманатов-заложников в Аравию, превалирует тема Родины, тоска по отчизне, по родным местам, родной природе, грусть и боль разлуки, любовь к отчему краю” (с. 14-15). По меньшей мере странно, что ученые, не считаясь ни с историческими фактами, ни с важнейшим условием истинности научной теории – отсутствием в ней самой противоречий, утверждают нечто противоречащее и фактам, и логике. Действительно, территория нынешнего Азербайджана “в VII-VIII веках вплоть до XI столетия” была захвачена Арабским халифатом, но при чем тут азербайджанский народ, если в это самое время, как давно установлено исторической наукой и как выше мы видели, предки азербайджанского народа находились еще в Средней Азии, а территорию нынешнего Азербайджана населяли не тюркские народы. Этого, по сути, не отрицают и авторы, поскольку усматривают

тесную связь между азербайджанско-турецким, а вернее – огузским эпосом и орхоно-енисейскими памятниками “в языке и стиле”. Не менее странно и то, что авторы не замечают явно-го противоречия между ими же предложенными для исследования азербайджанской литературы двумя принципами-факторами – территориальным и этническим. Если “выходцев из азербайджанских семей”, произведения свои писавших на арабском, можно считать представителями азербайджанской литературы только потому, что в их произведениях “превалирует тема Родины, тоска по отчизне, по родным местам, родной природе, грусть и боль разлуки, любовь к отчему краю”, то ведь в не меньшей степени те же чувства мы можем увидеть в произведениях перса Низами Гянджеви, тем более и писал он на **родном** персидском языке и на тематику персидскую (к примеру, “Семь красавиц”), называя многие топонимы исторического Ирана. Согласуется ли с выдвинутыми в предисловии принципами, убедительно ли, научно ли представлять азербайджанскими поэтами как родившегося в Ираке, Азербайджана не видавшего и не знавшего (ведь само это название страны появилось лишь в XX веке), творившего на арабском, персидском и тюркском языках Физули (1494-1556), так и жившего на территории нынешнего Азербайджана перса и на персидском писавшего Низами (1141-1209)? В сущности, представителями азербайджанской литературы ни тот ни другой не являются, так как не на языке этой литературы писали.

Стоит напомнить здесь, как озаглавил свое вступительное слово проф. Бюльбюль Оглы: “**Родина начинается с родного языка**”. Далее в самом тексте: “...если вы спросите, с чего лично для меня начинается Азербайджан, я, не задумываясь, отвечу: **с родного языка**, на котором говорили наши предки” (с. 4). При таком понимании родины и родного языка, заявленном на уровне слогана в тексте, открывающем сборник и, стало быть, ключевом, следовало бы задуматься, прежде чем относить к азербайджанской литературе произведения, созданные на других языках.

Рассмотренным выше не исчерпывается, конечно, все, на что стоило бы обратить внимание в книге “Звездная гроздь”,

однако в данной статье ограничимся этим, напомним азербайджанским академическим ученым, что литературам всех народов и наций, помимо их особенностей, своеобразия, присущи и общие закономерности, обходить которые в науке непозволительно.

Завершим же это критическое наше рассмотрение азербайджанской версии истории национальной литературы очень важным предупреждением, или уроком, содержащимся в статье “Об общественной ответственности литературоведения” Д.С.Лихачева (имя которого в добавлениях не нуждается и уже само за себя говорит): “Смешение задач исследования с задачами популяризации создает гибриды, главный недостаток которых – наукообразность. Наукообразность способна вытеснить науку или резко снизить академический уровень науки. Это явление в мировом масштабе очень опасно, так как открывает ворота разного рода шовинистическим или экстремистским тенденциям в литературоведение... Унять экстремистские силы в борьбе за культурное наследие может только высокая наука: детальное филологическое изучение произведений литературы, текстов и их языка, доказательность и непредвзятость аргументов, методическая и методологическая точность”⁵.

---

⁵ Д.С.Лихачев. *Литература–реальность–литература*. Л., 1984, с. 244-245.